

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

А.А. Леонтьев

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

ТАРТУ 1974

ТАРТУСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Кафедра логики и психологии

А.А. Леонтьев

ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

учебное пособие для студентов-психологов

ТАРТУ 1974

Arh.

Torle Olukocii

12072

ОТ АВТОРА

Учебное пособие, предлагаемое вниманию читателя, представляет собой курс лекций, прочитанных осенью 1973 г. студентам и преподавателям Тартуского государственного университета.

В нем широко использованы более ранние публикации автора, а также материал спецкурсов "Психолингвистика" и "Психологические проблемы общения в больших системах", прочитанных на психологическом факультете МГУ в 1968-1973 г., лекций и циклов лекций, прочитанных в те же годы в Университете марксизма-ленинизма АОН при ЦК КПСС, в ЛГУ им. А.И. Герцена, Институте повышения квалификации АПН СССР, в различных вузах и научных учреждениях Москвы, Минска, Таллина, Казани, Запорожья, Ташкента, Алма-Аты. Материал, вошедший в курс и затем в книгу, обсуждался на Всесоюзном симпозиуме по общению (Ленинград, 1973), конференции "Мышление и общение" (Алма-Ата, 1973), методологическом семинаре по социальной психологии Института психологии АН СССР, на международных конгрессах по психологии (Лондон, 1969) и антропологии и этнографии (Чикаго, 1973).

Проведенный в настоящей работе анализ не является чисто теоретическим, но опирается на обширный конкретный, в частности, экспериментальный материал, частично полученный в ходе специальных исследований, осуществленных в последние несколько лет под руководством или при участии автора. Самому автору представляется особенно важным указать на то, что он в значительной мере опирался также и на практический опыт прикладных областей психологии общения, охарактеризованных далее; а практика, как известно, есть главный критерий истины.

Задача, стоявшая при написании пособия, была крайне непростой, так как до сих пор на русском языке, насколько нам известно, аналогичных работ не существовало. Это, однако, не служит извинением недостаткам пособия. За указание на них автор будет признателен всем читателям. Один из таких недостатков очевиден уже сейчас — это, несмотря на широко очерченный предмет психологии общения (см. § I главы I), известная узость рассматриваемых в книге проблем, бесспорно, не исчерпывающих содержание анализируемой в ней научной области. Именно здесь автор особенно нуждается в советах и указаниях специалистов по психологии общения.

Автор считает своим приятным долгом принести благодарность всем своим советским и зарубежным коллегам и ученикам, в общении (лично и социально ориентированном) с которыми формировались отдельные стороны концепции, изложенной в данной книге, прежде всего — сотрудникам и аспирантам Группы психолингвистики и теории коммуникации Института языкознания АН СССР и моим тартуским друзьям, особенно Х. Миккину и Я. Вальсинеру. Им я обязан и возможностью ознакомиться с некоторыми работами по проксемике и "социальной технике" общения.

И совершенно особой благодарностью автор обязан А.Н. Леонтьеву, к чьей школе он позволяет себе причислить себя и чьи идеи еще более 12 лет назад дали ему первый толчок к занятиям психологией общения.

Глава I. Деятельность общения как объект научного исследования

§ I. Предмет психологии общения

Нет ни малейшего сомнения в той огромной роли, которую играет общение (как бы мы его ни определяли) в жизни и деятельности общества. Уже сам процесс социализации человеческой личности, процесс становления отдельного человека как "общественного человека" (Маркс), невозможен без общения; если его роль в этом процессе в нормальных условиях несколько замаскирована, то, скажем, при обучении слепоглухонемых она выступает с особенной ясностью.¹ Однако общение есть в то же время и необходимое условие любой деятельности человека, имеющей общественную природу — а поскольку мы в соответствии с традицией советской психологии говорим о деятельности лишь тогда, когда эта деятельность социальна по существу, если не по внешним формам ее осуществления, можно утверждать вслед за ленинградским исследователем В.Н. Панферовым, что "любая человеческая деятельность невозможна вне общения".² Особенно ясно выступают эти функции общения в коллективной трудовой деятельности. Особую проблему, приобретающую все большую и большую остроту, составляет роль общения в коллективном познании, — то,

¹ См. А.И. Мещеряков. Развитие средств общения у слепоглухонемых детей. — "Вопросы философии", 1971, № 8; он же. Слепоглухонемые дети. Автореф. докт. дисс. М., 1971.

² В.Н. Панферов. Психология общения. — "Вопросы философии", 1971, № 7, стр. 126.

что в работах логиков и философов нередко неточно именуется проблемой "языка науки". Наконец, следует указать и на место процессов общения в диалектике взаимоотношений общественного и индивидуального сознания, в психологическом воздействии общества на его членов; это особенно существенно в связи с лавинообразным увеличением значимости массовой коммуникации в жизни современного человека.

Так или иначе, но по существу невозможно исследовать развитие и функционирование человеческого общества, развитие и функционирование человеческой личности (не говоря уже о взаимоотношениях личности и общества), не обращаясь к понятию общения, не интерпретируя это понятие тем или иным образом и не анализируя его конкретных форм и функций в тех или иных социальных и исторических условиях. Тем более парадоксально, что понятие общения до сих пор почти не было предметом серьезного монографического рассмотрения, по крайней мере в советской (да и вообще в марксистской) научной литературе. Впрочем, и в зарубежной немарксистской науке пока не существует по-настоящему глубоких и серьезных исследований процессов общения. С этой точки зрения чрезвычайно характерна широко известная монография Ли Тайера³, где с достойной удивления скрупулезностью описываются и анализируются различные более или менее частные проблемы, связанные со структурой процессов и с функциями общения в современном капиталистическом обществе и реферируется громадная литература, однако автор принципиально отказывается не только от методологического анализа сущности общения, но даже и от самой дефиниции общения. А эта книга принадлежит к числу лучших.

Еще менее благополучно обстоит дело с исследованием общения, если мы будем ограничиваться психологической его проблематикой. Книги и статьи на эту тему, как правило,

³ Lee Thayer. Communication and Communication Systems in Organization, Management, and Interpersonal Relations. Homewood (Ill.), 1968.

либо не касаются собственно психологических вопросов, ограничиваясь самыми общими тезисами и не развивая их на конкретном материале⁴, либо игнорируют общение как таковое, подменяя исследование психологии общения анализом психологии отношений, процессов социального управления или социометрическим анализом малых групп. Характерным примером является состоявшийся в Ленинграде в конце 1970 г. Всесоюзный симпозиум по психологии общения. Насколько можно судить по опубликованным материалам⁵, именно психология общения и не была на нем представлена, если не считать трех-четырех докладов общего характера (В.Н. Мясинев, Б.Д. Парыгин, В.Н. Куницына): иными словами, почти не были поставлены психологические проблемы, связанные со спецификой самих процессов общения, с различным местом этих процессов в общей системе психологической деятельности человека, с психологическими факторами, определяющими их формальную и функциональную дифференциацию в различных условиях и т.д. Правда, второй аналогичный симпозиум, состоявшийся в 1973 году, носил уже принципиально иной характер.

По-видимому, целесообразно в этой связи с самого начала представить предмет психологии общения, как он понимается нами, и в частности на страницах настоящей работы, с тем, чтобы полнее вскрыть значимость этой проблематики для общей психологии.

Выступая с докладом на IV Всесоюзном съезде Общества психологов СССР в Тбилиси (1971), Б.Ф. Ломов следующим образом высказался по этому вопросу. "... Реальный образ жиз-

⁴ См. напр. J. Parry. The Psychology of Human Communication. N.Y., 1967.

⁵ В.Н. Куницына, М.А. Алемаскин. Всесоюзный симпозиум по психологии общения. - "Вопросы психологии", 1971, № 3; Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми. Тезисы Всесоюзного симпозиума. Л., 1970.

ни человека, определяющий его психический склад, не исчерпывается предметно-практической деятельностью. Она составляет лишь одну сторону образа жизни, поведения человека в широком смысле. Другой стороной является общение как специфическая форма взаимодействия человека с другими людьми. Именно в процессе общения осуществляется прежде всего обмен идеями, интересами, "передача" черт характера, формируются установка личности, ее позиции. В процессе общения (как непосредственного, так и опосредованного развитыми в современном обществе системами коммуникации) конкретный индивид усваивает опыт, выработанный человечеством.

К сожалению, проблема общения не заняла еще в психологии того места, которое она заслуживает. Исследований по этой проблеме почти нет. Долгое время проблема общения в лучшем случае рассматривалась лишь в связи с изучением коммуникативных функций речи. Дальнейшие перспективы общей теории психологии настоятельно требуют разработки этой фундаментальной проблемы, изучения динамики, механизмов и средств общения, их развития в онтогенезе человека, взаимоотношений деятельности, общения и познания... Есть некоторые (в том числе экспериментальные) основания предполагать, что условия общения оказывают существенное влияние на динамику перцептивных, интеллектуальных и мнемических процессов. Это относится также к психическим состояниям и в еще большей мере к коллективной деятельности людей, поскольку общение составляет как бы внутренний механизм жизни коллектива (или социальной группы)⁶.

Мы привели столь пространную цитату для того, чтобы максимально четко противопоставить изложенное в ней и полностью разделяемое нами понимание психологии общения многим другим, достаточно распространенным концепциям. Не передача информации, а взаимодействие с другими людьми как внутренний

⁶ Б.Ф. Домов. Состояние и перспективы развития психологии в СССР в свете решений XXIV съезда КПСС. - "Вопросы психологии", 1971, № 5, стр. 18.

механизм жизни коллектива. Не передача информации, а именно обмен (выражение Маркса!) идеями, интересами и т.п. и формирование установок, усвоение общественно-исторического опыта.⁷ Не изучение использования общения в деятельности социальной группы (это предмет отнюдь не психологии общения, а социологии!), а исследование самого общения в его становлении и динамике, его механизмов и средств как части деятельности общения. И наконец, что особенно важно, — анализ взаимоотношений общения с другими аспектами деятельности человека, прежде всего с практической и познавательной деятельностью — все это и образует собственный предмет психологии общения.

Итак, психология общения — это такой раздел общей психологии, предметом которой является психологическая специфика процессов общения, рассматриваемых под углом зрения взаимоотношений личности и общества. Говоря здесь о психологической специфике, мы имеем в виду, что процессы общения в принципе могут быть рассмотрены не только под психологическим, но и под иными углами зрения — социологическим, лингвистическим и т.п. Ограничивая предмет психологии общения, мы можем выделить (вслед за Б.Ф. Ломовым) следующие основные проблемы, ее интересующие (хотя рискуем не исчерпать этим ее проблематику!): а) психологические функции общения; б) формирование и функционирование механизмов и средств общения в их зависимости от функций общения, от особенностей личности и от других психологических факторов; в) взаимоотношение общения с другими аспектами психической жизни человека и с особенностями личности.⁸

⁷ Ср. также Л.П. Бурева. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, стр. 112; А.Г. Ковалев. Взаимовлияние людей в процессе общения и формирования общественной психологии. "Уч. зап. ЛПИ им. А.И. Герцена", т. 254, стр. 8-9 и др.

⁸ Ради исторической справедливости необходимо указать, что первым, кто сформулировал в советской психологии такую концепцию предмета психологии общения является А.А. Брудин.

В последние десятилетия возник (или по крайней мере приобрел общественную значимость) целый ряд практических областей, остро нуждавшихся в теоретической разработке именно так понимаемой психологии общения и прежде всего — общения речевого. Сюда относится, например, оптимизация деятельности средств массовой информации и пропаганды — радио, телевидение и т.д. Эта область сейчас интенсивно развивается в СССР, и неразработанность общих проблем психологии общения начинает остро ощущаться в ней.⁹ Другой важной областью, значение которой лишь в последние два-три года стало оцениваться по достоинству, является реклама, прежде всего — экспортная реклама; можно сказать, что здесь психология общения получает не только идеологический, но и экономический "выход". С общей тенденцией к совершенствованию и последовательному научному обоснованию процессов социального управления связан растущий интерес к психологии публичного выступления ("ораторской речи"). Это совершенно новая для нашей психологической науки область представлена в настоящее время лишь единичными работами, чаще всего не исследовательского, а рекомендательно-методического характера. Целый ряд острых практических задач возник в связи с необходимостью практического учета взаимоотношений общения и особенностей личности и активного управления этими взаимоотношениями со стороны общества; чтобы не перечислять все проблемы этого рода, ограничимся лишь одной из них — проблемой использования общения как важнейшего источника информации об особенностях личности и об эмоциональном состоянии говорящего, которая одновременно возникла в таких различных сферах, как судебная, военная и космическая психология. Можно указать также на рост интереса к проблематике общения в медицине, в частности, в психиатрии; на проблемы этого рода, возникающие в методике и практике обучения русских иностран-

⁹ См. об этом напр. Ю.А. Шерковин. Психологические проблемы массовых информационных процессов. М., 1973.

ранному языку и иностранцев - русскому (в последнем случае мы имеем даже специальную научную область в рамках методики обучения, не вполне точно называемую страноведением и в значительной мере охватывающую именно различные аспекты общения в условиях обучения языку.¹⁰ Одним словом, потребность в разработке теоретических проблем психологии общения ощущается достаточно остро.

"Язык есть важнейшее средство человеческого общения".¹¹ Уже поэтому в центре наших исследований общения должно, несомненно, стоять речевое общение. С другой стороны, именно проблемы, связанные с речью, приобрели сейчас особенную практическую значимость, как это видно хотя бы из сказанного выше. И, наконец, речевое общение бесспорно является не только наиболее сложной и наиболее совершенной формой общения, но и формой наиболее специализированной (см. ниже); это позволяет рассматривать речь (речевое общение) как такую форму общения, где общие психологические закономерности процессов общения выступают в наиболее характерном, наиболее обнаженном и наиболее доступном исследованию виде. Именно поэтому в качестве основного предмета анализа в настоящей работе выбрано именно речевое общение.

До самого последнего времени оно не было предметом специального исследования в психологии. Конечно, психология речи имеет за собой не менее чем столетнюю традицию. Однако речь рассматривалась психологами в предшествующие десятилетия крайне ограниченно и односторонне. Такое рассмотрение в подавляющем большинстве случаев сводилось к одной из двух трактовок. Либо речь рассматривалась как механическое внешнее проявление (актуализация) психических функций, процессов и свойств, лежащих, образно говоря, "за" речью;

¹⁰ См. Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров. Страноведческий аспект преподавания русского языка иностранцам (к постановке вопроса). - "Русский язык за рубежом", 1971, № I; они же. Язык и культура. М., 1973.

¹¹ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 259.

такое понимание ясно прослеживается, например, у В. Вундта, прямо писавшего: "язык... так же выражает внутреннюю жизнь, как пантомима, но выражает ее гораздо полнее последней, и... сверх того менее ограничивается индивидуальной сферой, но тотчас переходит в совокупность индивидуумов, ее предполагая и на нее действуя".¹² Либо речь трактуется как самостоятельная психическая активность индивида, замкнутая в своей мотивационной, целевой и содержательной сфере. Такое понимание (не исключающее, впрочем, первого) может предполагать, конечно, очень различную интерпретацию самой природы этой психической активности — от определения языка у Э.Вейса как "формы поведения, благодаря которой индивидуум приспосабливается к социальной среде",¹³ определения, дальше которого в сущности так и не ушел американский бихевиоризм, несмотря на все попытки модернизировать свою позицию и привести ее в соответствие с современным уровнем конкретно-психологических и конкретно-лингвистических исследований речи, — до теории "речевого поступка" В.А. Артемова.

Первым принципиально важным шагом в направлении создания психологии речевого общения как части психологии общения и тем самым как относительно самостоятельной части общей психологии было появление в 50-х гг. так называемой "психолингвистики". Эта междисциплинарная область с самого начала поставила перед собой задачу раскрытия внутренней психологической организации речи. В число проблем, которыми она занимается, входят, в частности: система уровней психофизиоло-

¹² В.В. Вундт. Душа человека и животных. т. I. СПб, 1868, стр. 52. Ср. (через сто лет!) определение речи Ф. Кайнцем как "психофизической деятельности, стоящей ряд телесных органов центрального и периферийного характера на службе целям облечения в звуковую форму духовно-мыслительных концептов". (F.Kainz. Zum Aufbau der Sprache.—"Beiträge zur Einheit von Bildung und Sprache im geistigen Sein. Festschrift zum 80. Geburtstag von E.Otto". Berlin, 1957, стр. 330).

¹³ A.P.Weiss. Linguistics and Psychology.— "Language", v. I, 1925, N 2, стр. 52.

гической организации речевой способности; оперативные единицы речеобразования и восприятия речи; номенклатура, взаимосвязь и взаимозависимость отдельных операций в процессах порождения и восприятия речи и мн. др.¹⁴ В короткий срок (10-12 лет) психолингвистика не только сформировалась как довольно мощное направление в США, где она впервые возникла, но и распространилась практически по всему миру (сейчас серьезные исследования в этой области опубликованы в Канаде, Англии, Норвегии, Голландии, ФРГ, ГДР, Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Италии, Франции, Индии, Японии, Австралии, Израиле). Несомненно, большую роль в этом распространении сыграли практические потребности; не случайно основная часть экспериментальных психолингвистических исследований в США, как явствует из публикаций, финансируется различными фондами и организациями отнюдь не благотворительного характера.

С начала 60-х годов психолингвистика распространилась и в СССР. Совершенно естественно, что здесь она развивалась в соответствии с отечественной психологической традицией; общеизвестно, что как раз в советской психологии исследование речи с самого начала привлекало пристальное внимание и интерес таких крупнейших ученых, как Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, Д.Н. Узнадзе. Несмотря на все различия во взглядах этих трех замечательных советских психологов и психологических направлений, которым они положили начало (в частности, в их взглядах на речь), их объединяет общее для советской психологии понимание речи как органического звена

¹⁴ Сошлемся здесь на некоторые ранее опубликованные свои работы, из которых можно почерпнуть дальнейшую информацию о психолингвистике: Психолингвистика. Л., 1967; Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969; Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969. См. также: А.А. Леонтьев. Теоретические проблемы психолингвистического моделирования речевой деятельности. Докт. дисс. по филологии. М., 1968.

в системе деятельности человека. Поэтому психолингвистика в СССР развивалась в основном как часть более общей психологической теории деятельности, а речь с самого начала понималась как "речевое действие", подчиненное задачам, функциям и структуре обслуживаемой ею неречевой деятельности.

Однако рамки психолингвистики — даже если понимать ее расширительно, как это делается в советской психологической науке — не могут исчерпать теоретической проблематики речевого общения. Психолингвистика принципиально ориентирована на исследование того звена речевого общения, тех факторов этого общения, которые носят индивидуальный и в то же время универсальный характер. Иначе говоря, она интересуется структурной организацией и закономерностями функционирования функциональных систем, обеспечивающих осуществление речи и речевого восприятия (или, как принято говорить в советской психолингвистике, структурой языковой способности человека). Однако в ее теоретической системе не находится места ни для учета социальных функций общения, его природы и места в общей системе деятельности общества (и индивида как члена этого общества): в этом смысле она слишком индивидуальна; ни для учета личностных особенностей — и в этом смысле она слишком универсальна. Это сознают и многие представители самой психолингвистики. Существенно, однако, указать, что концептуальная система психолингвистики является открытой в одних ее направлениях, что создает возможность расширять и углублять ее проблематику, не производя коренной "ломки" уже сделанного (так обстоит дело, в частности, в советской психолингвистике); в то же время в других ее направлениях эта концептуальная система закрыта, она в принципе не допускает коренного пересмотра. Так происходит, в частности, в "трансформационалистском" направлении в психолингвистике США, возглавляемой Н. Хомским и Дж. Миллером.

Так или иначе, перед нами встает задача развить то, чем располагает ныне советская психолингвистика, в сторону учета социальных, с одной стороны, и личностных, с другой стороны, факторов речевого общения. Естественно, что сделать

это можно по-разному, — самая социальная, как известно, может пониматься весьма различно. И здесь особенно важным представляется не ограничиваться тем пониманием социальности языковых явлений, которое так прочно утвердилось в науке о языке еще со времен Ф. де Соссюра (т.е. Э.Диркгейма, взгляды которого де Соссюр излагал в этой части своего "Курса общей лингвистики") и определяет ныне большинство направлений в так называемой "социолингвистике" — именно, пониманием, сводящим социальное начало в речевой деятельности к разного рода социальным взаимоотношениям говорящих индивидов, каждый из которых берется как внесоциальная реальность. Подобное понимание недавно подверг правильной и обоснованной критике Р.А. Будагов.¹⁵ Конечно, не это главное: следуя известной мысли Маркса, мы должны искать социальное начало прежде всего не вне, а внутри личности говорящего человека, понимать самую психологию общения как социальную — не по названию, а по существу. Такой подход традиционен для советской психологии и вообще свойственен марксистской психологической науке.

Важнейшая задача психологии общения в нашей стране — последовательно интерпретировать общение, и прежде всего речевое общение, под углом зрения марксистской психологической теории, уделив особое внимание тому аспекту, который в большинстве зарубежных направлений исследования речи игнорируется — взаимоотношениям личности и общества через посредство речи. Общеметодологические предпосылки для создания такой общепсихологической теории общения были заложены уже Марксом, Энгельсом, Лениным. В их трудах, в особенности в работах К. Маркса, мы находим не только принципиально важные для нас положения общего характера, касающиеся понима-

¹⁵ Р.А. Будагов. История слов в истории общества. М., 1971, стр. 63. Ср. P. Watzlawick, J. Beavin, D. Jackson. *Pragmatics of Human Communication*. N.Y., 1967, где авторы особо подчеркивают неправильность рассмотрения общающихся индивидов как "искусственно изолированных монад".

ния общества, личности, психики человека, познавательной деятельности и т.п., но и прямое обращение к понятию общения. К сожалению, до настоящего времени высказывания К. Маркса об общении нигде не были собраны и проанализированы; между тем они составляют целостное (при этом развивающееся) единство.

Думается, что уже само понятие общения нуждается, если не в пересмотре, то по крайней мере в основательном анализе с точки зрения марксистско-ленинского учения о человеке и обществе. Не секрет, что подавляющая часть имеющихся в научной литературе определений общения или коммуникации сводится исключительно к идее передачи чего-то от кого-то кому-то, к идее обмена (языковыми высказываниями, знаниями, информацией и т.д.). Иными словами, общение трактуется почти исключительно как интериндивидуальный процесс. Автор популярной за рубежом (и уже цитированной нами выше в другой связи) книги по психологии общения Джон Парри прямо считает, что "осуществлять коммуникацию значит передавать сообщение".¹⁶ "Социальная психология" Т. Ньюкома и его соавторов, говоря об "отношении, в котором находится информация, которой располагают лица, участвующие во взаимодействии", определяет коммуникацию как "процесс, в ходе которого это отношение изменяется"¹⁷, т.е. происходит передача информации от одного лица к другому. И так далее. В недавней статье ленинградского социального психолога В.Н. Панферова, содержащей множество интересных соображений и ряд принципиально новых для нашей психологии теоретических положений, общение, к сожалению, определяется почти подобным же образом: "Общение есть взаимодействие людей, содержанием которого является взаимное познание и обмен информацией с помощью различных средств коммуникаций в целях установления взаимоотношений, благоприят-

¹⁶ J. Parry. The Psychology of Human Communication. N. Y., 1967, стр. 9.

¹⁷ Цит. по польскому переводу: Th.M. Newcomb, P.H. Turner, Ph. E. Converse. Psychologia społeczna. Warszawa, 1970, стр. 173. Конечно, сказанное не относится ко всем зарубежным работам.

ных для процесса совместной деятельности"¹⁸. Совершенно не случайно, что автор в двух местах своей статьи определяет общение как своего рода "социальную экологию": действительно, для него общение есть в первую очередь процесс взаимного приспособления субъекта общения и деятельности и социальной среды, в которой он действует и общается.

В большинстве подобных случаев мы имеем дело с пониманием коммуникации скорее как сообщения (Mitteilung), чем как собственно общения (Verkehr).¹⁹ Возможно, однако, и более глубокое понимание коммуникации именно как общения *sensu stricto*. Такой подход предполагает прежде всего ясное осознание того факта, что коммуникация (общение) есть не столько процесс внешнего взаимодействия изолированных личностей, сколько способ внутренней организации и внутренней эволюции общества как целого, процесс, при помощи которого только и может осуществляться развитие общества — ибо это развитие предполагает постоянное динамическое взаимодействие общества и личности. Общество воспроизводит себя в человеке и производит человека, чтобы творить человеческий мир, порождать "овеществленную силу знания" (Маркс), обогащать социально-исторический опыт и опираясь на него, делать очередной шаг вперед — точно так же, как человек воспроизводит и производит общество в своей продуктивной деятельности и в своем общении; оба они — общество и личность — только в этом двустороннем процессе и способны развиваться.

Преимущество такого подхода с особенной ясностью выступает при анализе проблем глоттогенеза (возникновения и первоначального развития речи). Именно здесь особенно важен социальный подход.²⁰ Между тем господствующие воззрения трактуют развитие языка и форм общения на ранних этапах

¹⁸ В.Н. Панферов. Психология общения. — "Вопросы философии", 1971, № 7, стр. 126. (Подчеркнуто нами — А.А.).

¹⁹ Эта мысль заимствована нами у Б.Ф. Поршнева.

²⁰ См. подробнее: А.А. Леонтьев. Проблема глоттогенеза в современной науке. — В сб. *Эпистем и языкознание*. М., 1972.

антропогенеза прежде всего как эволюции способности индивида к общению и развитие умения отдельных членов первобытного человеческого коллектива "перекинуть мостик" от одной личности к другой. Как субъект глоттогенеза (антропогенеза вообще) в этом случае выступает не общество, а индивид как носитель определенных психологических, физиологических, анатомических характеристик; общество же оказывается продуктом взаимодействия индивидов и только. С внечеловеческой, природной действительностью для рассуждающих так ученых взаимодействует именно индивид как биологическое существо, а не общество, не коллектив.

Такое; — к сожалению, очень распространенное, — представление отразилось даже в русском переводе "Роли труда" Ф. Энгельса, в том его месте, где говорится, что у формирующихся людей возникла потребность что-то сказать друг другу. Ведь когда мы употребляем термин "потребность", то имеем в виду прежде всего естественную потребность типа голода или жажды, имеющую биологический характер и совершенно не обязательно детерминированную социально. У Энгельса сказано иначе, чем в русском переводе, и его мысль глубже. Она выражена так: "die werdenden Menschen kamen dahin, daß sie einander etwas zu sagen hatten".²¹ Это буквально означает: они "пришли к тому, что у них появилось что сказать друг другу". Иными словами, Энгельс имеет в виду содержание общения, а не сам факт общения: общение оказывается детерминированным социально со стороны своего содержания. Слово же "потребность" (das Bedürfnis) появляется у него лишь в следующей фразе, где нужно было противопоставить "потребность" — "органу". Кстати, из всего контекста статьи видно, что это — метафора: потребность сама по себе не может создать органа: его создает деятельность (как это прои-

²¹ F. Engels. Anteil der Arbeit an der Menschwerdung des Affen. Berlin, 1957, стр. 8.

возмо с рукой).²² Так или иначе, но нельзя ставить проблеме глоттогенеза, не рассматривая функций коммуникации в первобытном обществе.

Эта мысль четко выражена Марксом и Энгельсом в "Немецкой идеологии", где указывается, что, с одной стороны, "ограниченное отношение людей к природе обуславливает их ограниченное отношение друг к другу, а их ограниченное отношение друг к другу - их ограниченное отношение к природе"; с другой же стороны, "подобно сознанию, язык возникает лишь... из настоятельной необходимости общения с другими людьми. Сознание, следовательно, уже с-самого начала есть общественный продукт".²³ Таким образом, налицо единство трех сторон: специфики деятельности (отношение к природе), специфики общения (отношение друг к другу) и специфики сознания. Конечно, доминирует здесь развитие системы отношений к природе, взаимодействия человека с внечеловеческой действительностью, прежде всего в форме трудовой деятельности. Развитие труда ведет за собой развитие взаимоотношений в трудовом коллективе, а оба этих процесса непосредственно обуславливают появление новой формы психического отражения действительности формирующимся человеком - сознания и языка как общественно отработанной системы, конституирующей человеческое сознание.

Само собой разумеется, однако, что, раз возникнув, оба этих феномена - принципиально новые отношения между трудящимися индивидами, давшие начало обществу, и принципиально новая форма психического отражения действительности, которую мы привыкли называть сознанием, - оказывали револю-

²² Для того, как понимал Энгельс антропогенез, важна и еще одна особенность текста, потерянная в переводе: *die werdenden Menschen* - это не столько "формирующиеся", сколько "становящиеся" в философском смысле люди. А значит, для Энгельса они - на рассматриваемой им ступени - еще не люди.

²³ Новая публикация первой главы "Немецкой идеологии" К. Маркса и Ф. Энгельса. - "Вопросы философии", 1956, № 10, стр. 93.

ционизирующее влияние и на взаимодействие человека с природой, с внечеловеческой действительностью. Поэтому-то особенно важно фиксировать триединый характер описываемого процесса, подчеркнув вслед за Марксом и Энгельсом, что развитие языковой способности человека, глоттогенез, связан с развитием форм и способов общения. Эту сторону вопроса удачно охарактеризовал А.Г. Спиркин, сказав, что "язык опосредствует связь индивида с природой через связь с коллективом".²⁴ Вспомним в этой связи и прямое указание В.И. Ленина, что "люди, вступая в общение, вступают в него как сознательные существа".²⁵

Так или иначе, но не подлежит никакому сомнению, что изучать общение, в том числе (и особенно!) процессы формирования общения можно, только имея определенное представление о социальной структуре и социальной психологии общества, в частности — первобытного трудового коллектива. Общение, коммуникация есть не только и не столько взаимодействие людей в обществе, сколько, — прежде всего! — взаимодействие людей как членов общества. Применительно к первобытному коллективу можно сформулировать это так: речь — это не столько общение во время труда, сколько общение для труда. Права Л.П. Бужева, когда она указывает, что главный "методологический просчет, присущий различным буржуазным концепциям, заключается в том, что процесс общения рассматривается вне всякой связи с характером общественных отношений, в отрыве от качественного социального содержания форм общения".²⁶

В связи со сказанным представляется принципиально важным указать на одно место в "Философских тетрадах" В.И. Ленина, до сих пор не привлекавшее к себе внимания психологов, опять-таки благодаря неточности перевода. Делая выписки из "Лекций по философии истории" Гегеля (естественно,

²⁴ А.Г. Спиркин. Происхождение сознания. М., 1960, стр. 189.

²⁵ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 18, стр. 343.

²⁶ Л.П. Бужева. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, стр. 113-114.

на языке оригинала), В.И. Ленин выписал в свою тетрадь формулировку Гегеля, звучащую в переводе следующим образом: "Речи... суть действия, происходящие между людьми".²⁷ Уже здесь обращает на себя внимание трактовка речевого общения как системы речевых действий, речевых поступков (Handlungen). Однако если мы обратимся к оригиналу Гегеля, то поймем, почему эта его мысль привлекла внимание В.И. Ленина: "Reden sind Handlungen unter Menschen".²⁸ Смысл этой фразы иной, чем в переводе.. "Речи" здесь не действия между людьми, это не межличностное общение; это действия, происходящие "среди" людей, в среде людей, в коллективе людей.

Охарактеризованный выше подход к общению положен в основу психологической концепции, изложенной в дальнейшем тексте работы и в особенности во второй ее главе.

Анализ вопросов психологии речевого общения требует обращения к ряду теоретических проблем, не носящих узко психологического характера, но органически входящих в психологическую проблематику, анализируемую нами в настоящей работе. Многие из этих проблем пока не получили в советской науке общепринятого освещения и удовлетворительного разрешения. В их числе: знак и деятельность; знак и общение; взаимосвязь врожденного и приобретенного в формировании общения; иерархия форм общения; общение как процесс и специализированная деятельность общения и т.п. Мы вынуждены были обратиться к более или менее детальному анализу и этих проблем.

²⁷ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 29, стр. 281. Ср. Г.В.Ф. Гегель. Собр. соч., т. УШ, стр. 4.

²⁸ G.W.F. Hegel. Werke, Bd. IX. В., 1840, 55. (Подчеркнуто нами - А.Л.).

§ 2. Общение и деятельность общения

В современной науке об общении существует столь огромное количество несовпадающих определений общения (коммуникации), что вопрос о дефиниции этого понятия становится, можно сказать, самостоятельной научной проблемой. Известный американский теоретик общения Фрэнк Дэнс попытался систематизировать такие определения:²⁹ в результате были выявлены три основных "переменных", три признака, по которым наблюдается основное понятийное расхождение между разными авторами: это 1) уровень анализа, 2) наличие или отсутствие интенции со стороны коммуникатора, 3) наличие нормативной оценки акта общения ("хорошее-плохое" или "успешное-неуспешное" общение).³⁰

Если попытаться определить позицию советской психологии в вопросе об общении в этих координатах, мы прежде всего должны подчеркнуть, что советские психологи едины в понимании общения как одного из видов деятельности.³¹ Это не обозначает, что общение во всех случаях выступает как самостоятельная деятельность (см. ниже); важно, что оно может быть таковой, хотя может выступать и как компонент, составная часть (и одновременно условие) другой, некомму-

²⁹ Ему удалось насчитать 96, причем он, по-видимому, учитывал лишь работы на английском языке и лишь вышедшие до 1969 г. См. F.E.X. Dance. The "Concept" of Communication. "Journal of Communication", vol. 20, 1970, N 2.

³⁰ Указ. соч., стр. 208.

³¹ Хотя в частности это понимание, естественно, расходится. Воспользуемся случаем, чтобы обратить внимание читателя на одну терминологическую тонкость: мы всюду говорим об общении, а не о коммуникации, чтобы не вносить в свое изложение все те нежелательные коннотации, которые связаны в современной науке с этим последним термином (теория коммуникации = теория связи = теория передачи информации по каналу связи).

никативной деятельности. И если понимать общение как деятельность, то очевидно, что для нас аксиомой является, во-первых, его интенциональность (наличие специфической цели, самостоятельной или подчиненной другим целям; наличие специфического мотива); во-вторых, его результативность — мера совпадения достигнутого результата с намеченной целью; в-третьих, нормативность, выражающаяся прежде всего в факте обязательного социального контроля за протеканием и результатами акта общения, — вопрос, частично затронутый нами в тексте работы, но не получивший в ней детального рассмотрения.

Что касается уровня анализа в трактовке общения, то чтобы определить позицию психологии общения в этом вопросе, нам придется сразу ввести ряд категорий, в системе которых общение должно найти надлежащее место. Эти категории суть: 1) деятельность, 2) взаимодействие (интеракция), 3) общение, 4) взаимоотношение, 5) общественное отношение.

Когда мы говорим о деятельности как социальном феномене, о социальной деятельности, то при этом нас интересует и для нас существенна прежде всего ее направленность на объект (продукт, результат), ее объективное содержание. Например, когда речь идет о коллективной трудовой деятельности (далее мы будем рассматривать именно этот случай), нас интересует процесс труда, объект (результат) трудовой деятельности, наконец, субъект или субъекты труда как носители соответствующих способностей, навыков, умений, как личности, в сознании которых тем или иным образом отражены (и определяют их деятельность, причем не только непосредственно трудовую!) производственные и надстраивающиеся над ними иные общественные отношения, характерные для данного социально-экономического уклада, для данного этапа развития общества. Производственный коллектив занимает нас здесь именно как производственный, разделение труда — как разделение труда и т.д.

Можно, однако, подойти к коллективной производственной деятельности и под несколько иным углом зрения, рассматривая, какая организация трудового коллектива обеспечивает результативность совместного труда (в частности, эффективное распределение трудовых обязанностей). При этом мы столкнемся с тем фактом, что существуют определенные типы такой организации, которые эффективны независимо от конкретного содержания деятельности. Этот факт и является основой для выделения самостоятельной категории взаимодействия. Производственный коллектив поворачивается здесь к нам, так сказать, своей "коллективной" стороной.

Но можно идти в том же направлении и дальше, занимаясь не тем в организации коллективной деятельности, что обеспечивает ее потенциальную эффективность, а тем, какими способами достигается эта оптимальная организация, какие процессы, происходящие в производственном коллективе, приводят к формированию такой организации, обеспечивают ее поддержание и являются каналом, через который не непосредственно производственные факторы влияют на ее изменение. Это и будет подход с точки зрения общения.

Таким образом, взаимодействие (интеракция) опосредовано общением. Благодаря общению люди могут вступать во взаимодействие. Иначе, взаимодействие, интеракция - это коллективная деятельность, которая рассматривается нами не со стороны содержания или продукта, а в плане социальной ее организации. Что касается коммуникации, то это один из факторов интеракции или, если быть более точным, - совокупность таких факторов (ср. психический и социальный контакт у Я. Щепаньского,³² телесный и информационный контакт у М. Аргайла³³ и т.д.). Эти факторы "становятся коммуникативными, когда они используются в ситуациях взаимодействия".³⁴

³² Я. Щепаньский. Элементарные понятия социологии. М., 1969.

³³ М. Argyle. The Psychology of Interpersonal Behaviour. London, 1967.

³⁴ Т. Шибутани. Социальная психология. М., 1969, стр. 126.

Но для правильной квалификации общения совершенно необходимо четко представлять себе и действительное соотношение понятий отношения, общения и деятельности. Мы постараемся показать в дальнейшем при анализе высказываний К. Маркса и Ф. Энгельса, что общение может быть трактовано как реализация или актуализация общественного отношения (причем в двух аспектах: как процесс такой актуализации и как ее условие или способ). Что касается деятельности, то она является тем, в чем актуализуется общественное отношение, психологическим содержанием процесса общения; в этом и только в этом смысле можно разграничивать общение и взаимодействие (интеракцию): еще раз подчеркнем, что это последнее есть деятельность, рассматриваемая как взаимодействие, т.е. деятельность, рассматриваемая в аспекте "внешних" социальных форм ее осуществления.³⁵ С другой стороны, следует, на наш взгляд, разграничивать понятие общественного отношения и его "личностный", психологический коррелят, возникающий в реальном процессе общения как производное от его психологической организации, а именно взаимоотношение.³⁶ Поэтому нам представляется в основном верной, хотя и не вполне точной формула В.Н. Мясцева, согласно которой "взаимоотношение" является внутренней личностной основой взаимодействия,

35

И, далее, именно через посредство общения деятельность влияет на общественные отношения людей, можно сказать, через ступень взаимоотношений. Ср. положение из "Немецкой идеологии" о "личном поведении индивида", которое "одновременно существует как не зависящая от него созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения" (Собр. соч., т. 3, с. 234; подчеркнуто нами - А.Л.).

36 Ср. в этой связи также: Е.Ф. Тарасов. Социальное взаимодействие в речевом общении. "Материалы IУ Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации". М., 1972, стр. 10; Б.Х. Баженов. Психолингвистические проблемы речевого общения (лично и социально ориентированное речевое общение). Канд. дисс., М., 1973, стр. 9-10.

а последнее — реализацией или следствием и выражением первого".³⁷

Выше, в предыдущем параграфе, мы уже очертили наше понимание предмета психологии общения, тот круг проблем, который относится к компетенции психологической науки. Очевидно, что общение может в принципе рассматриваться и в других аспектах, и прежде всего — в плане социологическом и в плане общеполитическом — как одна из категорий исторического материализма.

Социологический аспект понятия общения предполагает изучение внутренней динамики структуры общества и ее взаимосвязи с процессами общения. В конечном счете любое общение, будь оно социально или лично ориентированным (см. об этом ниже) — конечно, если в этом общении актуализуются общественно значимые отношения между людьми, — отражается на социологическом уровне: в этом, с нашей точки зрения, оправдание самого факта существования различных форм человеческого общения. Здесь можно провести известную параллель с функциями общения в животных сообществах: но если в мире животных общение отдельных особей и отдельных сообществ друг с другом имеет односторонне направленный характер и подчинено задачам сохранения и самовоспроизведения вида, то у человека — в силу качественной специфики человеческого общества и связанного с ним способа взаимоотношения с действительностью — общение двусторонне направлено: оно, так сказать, "работает на общество" не только непосредственно, но и — как правило — через то или иное изменение в сознании и в деятельности членов этого общества. Кроме того, человеческая деятельность как деятельность, опосредованная миром орудий и миром "психологических орудий" (Выготский), активна и полифункциональна, и функции общения отнюдь не сводятся в ней к обеспечению

37

В.Н. Мясников. Основные проблемы и современное состояние психологии отношений человека. "Психологическая наука в СССР", т. 2, М., 1960, стр. 115.

чисто биологического выживания человеческого коллектива; следуя многообразию форм деятельности, общение участвует в различных формах активного воздействия человека на природу и тем выступает как целый пучок разнонаправленных факторов социальной жизни человечества.

Мы ни в коей мере не утверждаем, что любой акт общения имеет непосредственный социологический "выход", прямой смысл для общества, или тем более ведет к изменениям в его социальной структуре. Дело обстоит, конечно, гораздо сложнее. Во-первых, социологически едва ли не более важным, чем изменение в социальной структуре, является поддержание существования и функционирования этой социальной структуры в целом и отдельных составляющих ее социальных групп; это поддержание осуществляется не только за счет стабильности системы коммуникаций в данной общности (стабильности общения), как часто представляется социальным психологам, но и за счет стабильности системы личностных по форме существования, общественных по природе отношений или взаимоотношений, реализуемых в общении. Во-вторых, не всякий акт поведения, являющийся по внешности актом общения, является таковым с функциональной точки зрения. (Разумеется, мы не считаем афункциональными акты общения, направленные на установление контакта, т.е. имеющие фатическую функцию, или направленные на уточнение или осознание средств или форм общения). Более того: подходя к общению с социологической точки зрения, мы, видимо, вправе "выстроить" разные виды общения, выделяемые по другим критериям, в последовательный иерархический ряд в зависимости от меры социологической значимости данного вида, выделив на одном полюсе социологически наиболее нагруженные, а на другом - социологически "пустые" виды общения. В этом смысле мы можем говорить о типовом общении, в котором социологическая его ориентация выступила бы наиболее обнаженно; таким типовым общением, бесспорно, является непосредственное межличностное общение в процессах коллективной трудовой деятельности.

Итак, с социологической точки зрения общение может быть понято как способ осуществления внутренней эволюции или поддержания status quo социальной структуры общества, социальной группы или отдельной общности — в той мере, в какой эта эволюция вообще предполагает диалектическое взаимодействие личности и общества, невозможное без общения.³⁸

Здесь возникает, однако, вопрос: можно ли говорить об общении как предмете социологии? Иными словами, существует ли социология общения как самостоятельная научная область? Думается, что ее существование следует поставить под сомнение. Возможны два различных подхода к исследованию общения. Мы можем рассматривать процессы общения в их конкретно-исторической специфике, определяемой характером взаимодействия и в конечном счете — содержанием и особенностями социальной действительности. Тогда для нас важно не то общее, что есть в разных видах общения, а то специфическое в нем, что коренится во взаимодействии. Здесь, конечно, мы никак не обойдемся без социологии; но то в общении, что могло бы явиться предметом социологического рассмотрения, детерминировано взаимодействием. Мы можем, с другой стороны, брать общение именно как нечто специфическое, как то, что обладает относительной независимостью от взаимодействия, образует собственную систему, детерминируется специфическими факторами. И в этом случае едва ли найдется место для социологии общения как самостоятельной области: она "прибавляется" к общению, а не интерпретирует его. Но зато особой отраслью социологии, и при этом отраслью очень важной, является социология взаимодействия.

³⁸ Существенно заметить, что это понимают и многие буржуазные философы и социологи, иногда очень далекие от марксизма. Сопремся хотя бы на одного из вождей "общей семантики" С. Хайакаву (ср. S. I. Hayakawa, *Language in Thought and Action*. 2nd ed. N. Y., 1964, стр. 14). Ср. идею "координации человеческой активности" как функции межличностного общения в раб.: P. P. Cushman, *The Development of Interpersonal Communication Theory*. Mimeo, 1972.

Можно подойти к анализу различных форм общения и с другой стороны, давая ему собственно философскую интерпретацию. Этот аспект понятия общения связан прежде всего с диалектикой развития общественных отношений и способов актуализации этих отношений. Чтобы раскрыть это понимание, нам придется обратиться к понятию общения (Verkehr) в работах К. Маркса и Ф. Энгельса, начав с "Немецкой идеологии", где это понятие впервые было включено в систему категорий исторического материализма.³⁹

Каждое поколение и каждый индивид застает "как нечто данное" определенную "сумму производительных сил, капиталов и социальных форм общения".⁴⁰ Несколькими строками выше та же мысль выражена иначе - говорится о том, что каждая ступень истории "застает в наличии" сумму производительных сил и "исторически создавшееся отношение людей к природе и друг другу" (там же). В какой мере можно отождествлять это отношение и социальные формы общения? Почему о них говорится как о синонимах, по крайней мере частичных?

В этом же месте говорится - опять-таки "через запятую", как синоним - о передаваемой предшествующим поколениям последующему "массе обстоятельств". Ниже о них идет речь как об "условиях, при которых происходит общение индивидов": это - "условия, при которых эти определенные, существующие

³⁹ Комментатор новой публикации первой главы "Немецкой идеологии" Г.А. Багатурян указывает, что производные от термина "общение" отражают "формировавшееся в это время у Маркса и Энгельса понятие производственных отношений". ("Вопросы философии", 1965, № 10, стр. 106). Это утверждение не следует понимать в том смысле, что понятие общения позже было заменено каким-то другим понятием. Во всяком случае, в "Экономических рукописях 1857-1859 гг.", как мы увидим ниже, это понятие употребляется очень широко. См. об этом также В.М. Соколов. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973, и А.Г. Шелкин. К. Маркс о диалектике социального общения. "Вопросы философии и социологии", вып. IV, Л., 1972.

⁴⁰ К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., изд. 2, т. 3, стр. 37. Далее ссылки на это издание даются в тексте в круглых скобках (3,37).

в определенных отношениях индивиды только и могут производить свою материальную жизнь и то, что с ней связано (3,72). Но эти условия создаются самими индивидами: пометка Маркса на полях: "Производство самой формы общения" (там же).

Итак, при определенных условиях, создаваемых людьми в процессе материального производства и находимых каждым новым поколением и новым индивидом как что-то фиксированное, объективное, — при этих условиях индивиды, находящиеся ("существующие") в определенных отношениях, вступают в общение. Из этого места "Немецкой идеологии" можно сделать вывод, что для Маркса и Энгельса отношения индивидов и процесс их общения находятся в отношениях виртуального и актуального: общение — это процесс актуализации общественного отношения, превращение его из виртуальной в реальную форму, в форму "действительного отношения", осуществляемое при определенных "обстоятельствах" или "условиях".⁴¹

И далее: "Эти различные условия образуют на протяжении всего исторического развития связанный ряд форм общения, связь которых заключается в том, что на место прежней, ставшей оковами, формы общения становится новая, соответствующая более развитым производительным силам, а значит и более прогрессивному виду самостоятельности индивидов, — форма общения, которая, а son tour, превращается в оковы и заменяется другой формой" (3,72).

Г.А. Багатурия бесспорно прав, когда он соотносит понятие формы общения с понятием производственных отношений. Действительно, здесь мы находим ту самую концепцию, которая в дальнейшем была сформулирована Марксом и Энгельсом в терминах производственных отношений: см. напр., в "Манифесте коммунистической партии": "Вот уже несколько деся-

⁴¹ Насколько нам известно, эта мысль впервые в советской философской литературе была подчеркнута В.М. Соколовым: см. его статью Общение и его средства в сб: Сознание и общение. Фрунзе, 1968, особ. стр. 10. Позже она высказывалась и психологами, в частности, В.Н. Мяснищевым и В.А. Артемовым. См. также указ. выше работу А.Г. Щелкина.

тилетий история промышленности и торговли представляет собой лишь историю возмущения современных производительных сил против производственных отношений" (4,429). Но понятие производственных отношений более узко, чем понятие общения и формы общения. Общение есть актуализация отношений: форма общения есть способ актуализации отношений, носящий общественный характер и исторически развивающийся; отсюда возможность синонимизации "отношения людей к природе и друг к другу" и "социальных форм общения" в определенном контексте. Но сами эти отношения не обязательно являются производственными. Поэтому переход к новой формулировке есть не просто терминологическое переименование, а уточнение самой мысли Маркса и Энгельса, сужение понятия "формы общения" до понятия "производственных отношений" и одновременно - четкое противопоставление двух аспектов - виртуального и актуального.

В этой связи возникает естественный вопрос: а действительно ли понятие "общения" в "Немецкой идеологии" так широко и расплывчато, как понятие "формы общения" применительно к динамике развития этих форм? Иными словами: пользуются Маркс и Энгельс одним глобальным термином "общение", не дифференцируя этого понятия?

Анализ текста "Немецкой идеологии" показывает, что в нем противопоставляются друг другу, во-первых, "внутреннее и "внешнее" общение (3,20). Это - общение внутри данного коллектива (конкретно - нации) и между различными коллективами, в частности, нациями, т.е. то, что мы называем внутрigrупповым и междугрупповым общением.

Во-вторых, противопоставлены друг другу "материальное" и "духовное" общение. Это противопоставление содержится в широко известном месте: "Производство идей, представлений, сознания первоначально непосредственно вплетено в материальную деятельность и в материальное общение людей, в язык реальной жизни. Образование представлений, мышление, духовное общение людей являются здесь еще непосредственным порождением материального отношения людей" (3,24). Таким

образом, Маркс и Энгельс очень ясно говорят здесь о том, что возможно "материальное общение", пользующееся как средством "языком реальной жизни", а не специально выработанными средствами общения.⁴²

В-третьих, вводится понятие "универсального" и "мирового" общения (3,33-34). Оно, однако, развивается гораздо ниже, где универсальное общение противопоставлено "ограниченному". Что стоит за этими терминами? "Всякое общение до сих пор было только общением индивидов при определенных условиях, а не индивидов как "индивидов" " (3,66). Этих условий два: частная собственность и труд. В чем важность этого тезиса? В том, что за ним стоит идея социальной природы общения. Ведь производительные силы "становятся действительными силами лишь в общении и во взаимной связи этих индивидов" (3,67). Люди вынуждены общаться, чтобы производить, а производить они вынуждены, чтобы "обеспечить свое существование" (там же). Ограниченное общение скрывает "самодеятельность" индивидов; отсюда необходимость универсального общения, "превращение прежнего вынужденного общения в такое общение, в котором участвуют индивиды как таковые" (3,69). Но покуда такое положение не достигнуто, общение есть способ "уравновешивания" в процессе производства того факта, что "индивиды совершенно подчинены разделению труда и поэтому поставлены в полнейшую зависимость друг от друга" (3,66). Это - путь к временному объединению разделенных индивидов в процессе производства. Таким образом,

⁴² Эта мысль Маркса и Энгельса о развитии специфических средств общения из неспецифических, о том, что средства общения генетически восходят к средствам и орудиям материальной деятельности людей, находит дополнительное обоснование в практике активного формирования сознания и деятельности слепоглухонемых детей врачами-тифлосурдопедагогами. Общение со слепоглухонемыми начинается именно с материального общения, с языка реальной жизни, и лишь далее обретает специфические коммуникативные средства, свой собственный язык. См. А.И. Мещеряков. Слепоглухонемые дети. Автореф. докт. дисс. М., 1971.

субъектом общения в строгом смысле является не изолированный индивид, а социум, общество, общественный коллектив или общность. Да и само общение подчинено отнюдь не абстрактной потребности общения; оно социально детерминировано со стороны содержания общения. Именно эта мысль проводится Энгельсом в широко известном месте "Диалектики природы", о котором мы уже говорили в первом параграфе данной работы.

Наконец, различаются "прямое" и "косвенное" общение (3,440).

Значительно ниже, в главе "Лейпцигский собор", Маркс и Энгельс обращаются к рассмотрению еще одной стороны проблемы общения, имеющей для нас исключительную важность - а именно, к соотношению личности и общества. Здесь отмечается, во -первых, что "личное поведение индивида неизбежно претерпевает овеществление, отчуждение, и одновременно существует как не зависящая от него, созданная общением сила, превращаясь в общественные отношения" (3,234). Здесь взаимоотношение всех трех категорий ясно видно: общение превращает "личное поведение" в общественный факт; а общественное отношение есть то, что через посредство общения превращается в один из аспектов личности, одну из "сторон личного развития индивидов", как говорится страницей ниже по несколько иному поводу.

Крайне важно указание Маркса и Энгельса на то, что "материальная жизнь индивидов..., их способ производства и форма общения взаимно обуславливают друг друга" (3, 322). Эта мысль развивается ими дальше следующим образом: "Индивиды... вступали в общение между собой... как индивиды, находящиеся на определенной ступени развития своих производительных сил и потребностей, и так как это общение, в свою очередь, определяет производство и потребность, то именно личное, индивидуальное отношение индивидов друг к другу, их взаимное отношение в качестве индивидов создают и повседневно воссоздают существующие отношения. Они вступают в общение друг с другом в качестве того, чем они были" (3,439-440). Здесь опять-таки общение рассматривается дво-

яко: как процесс и как условие (способ) актуализации отношений.

Таким образом, главным выводом из рассмотрения "Немецкой идеологии" с точки зрения роли, которую играет в ней понятие общения, является три основных тезиса:

а) иерархия форм общения; возможность выделения разновидностей общения по различным критериям, историческое развитие форм общения, например от материального к духовному;

б) понимание общения как процесса превращения общественного отношения из виртуальной в реальную, "действительную" форму, осуществляемого при определенных обстоятельствах;

в) в этой связи двойная трактовка общения: как процесса (процесса актуализации) и как условия (способа актуализации).

Понятие общественных отношений не относится к числу особенно детально разработанных понятий исторического материализма. Общепринято — и является одним из краеугольных положений марксизма-ленинизма — что есть необходимость выделения "из всех общественных отношений — отношений производственных, как основных, первоначальных, определяющих все остальные отношения".⁴³ Вообще разные виды общественных отношений находятся в закономерной иерархической связи и взаимобусловленности: производственные отношения определяют гражданское общество, оно, в свою очередь, определяет политический строй и т.п. (27,402).

В.И. Ленин выделяет идеологические отношения и отношения материальные, которые "складываются, не проходя через сознание людей".⁴⁴ Материальные отношения, по мнению советских философов, могут быть трех видов: а) отношения, опосредованные использованием окружающей среды, опосредованные вещами; б) отношения, опосредованные материальным производством. Именно и только последние являются производственными

⁴³ В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. I, стр. 134.

⁴⁴ Там же, стр. 137.

(экономическими) отношениями в собственном смысле слова;⁴⁵ внутри них, в свою очередь, можно выделить отношения производства (отношения по поводу средств производства) и другие виды экономических отношений и отношения разделения, обмена, потребления, организационно-хозяйственные отношения и отношения соревнования. Третий вид материальных отношений — "отношения по воспроизводству людей".⁴⁶ Что касается идеологических отношений, то они подразделяются на политические, правовые, нравственные, эстетические, религиозные. Наконец, выделяется третий вид отношений — духовные общественные отношения, связанные с функционированием общественного сознания.

Если придерживаться изложенной здесь концепции, то любая общественная деятельность человека является в известном смысле общением. Эта идея "тождества общения и активности"⁴⁷ есть одно из важнейших положений марксизма. Ведь "общественных отношений нет вне деятельности. Они реализуются в самой деятельности и развиваются только в процессе общественно-исторической практики".⁴⁸ Поэтому понятие общения должно быть для наших целей сужено. И прежде всего, по-видимому, целесообразно, развивая мысли Маркса и Энгельса, разделить понятие материального общения и духовного общения. В первом случае мы имеем дело с реализацией отношений — в том числе, по-видимому, и идеологических отношений — в процессе трудовой, продуктивной деятельности. Здесь "духовное общение" людей, — если оно и присутствует, — яв-

⁴⁵ А.В. Дроздов. Человек и общественные отношения. Л., 1966, стр. 70 и след. Ср. также О.В. Лармин. О структуре общественных отношений. "Очерки методологии познания социальных явлений". М., 1970.

⁴⁶ Там же, стр. 79.

⁴⁷ См. Г.С. Батищев. Деятельностная сущность человека как философский принцип. "Проблема человека в современной философии". М., 1969, стр. 95. Впрочем, здесь правильное было бы говорить о "единстве", а не о "тождестве".

⁴⁸ О.В. Лармин. Указ. соч., стр. 65.

ляется "еще непосредственным порождением их материальных действий".⁴⁹ Во втором случае мы сталкиваемся с иными, не непосредственно производственными формами реализации отношений; но эта реализация не обязательно предполагает адекватную этим отношениям деятельность. Скажем, первобытная магия может отражать — и, судя по этнографическим данным, действительно отражает — не только религиозные отношения, но гораздо более сложный комплекс общественных отношений; в частности нравственные, эстетические и т.д. Поэтому совершенно неправомерно при анализе первобытных форм общественной деятельности человека (или, если угодно, общественных форм деятельности первобытного человека) отождествлять генезис форм деятельности с генезисом тех или иных отношений, реализуемых в этой деятельности, в этих формах общения, как это нередко делается.

Дальнейшим этапом развития общения будет появление способов общения, адекватных тому или иному виду отношений. Здесь необходимо иметь в виду, однако, два момента. Во-первых, не следует искать специализированного способа общения для любого вида отношений. Так, речевое общение (о нем далее) адекватно большинству разновидностей идеологических отношений и полностью — духовным отношениям. Во-вторых, необходимо разграничивать факт существования психологически специализированной деятельности общения (и различных ее разновидностей), с одной стороны, и факт существования семиотически специализированных систем средств общения, опосредующих деятельность общения (см. об этом ниже). Психологическая специализация не обязательно предполагает семиотическую: так, Я. Яноушек указывает, что общение (в его развитых формах) может быть опосредовано тремя способами: языком или другими знаковыми системами, "элементами социальной структуры — ролями, нормами и др., отношением цели и средств".⁵⁰

⁴⁹ Первая публикация первой главы "Немецкой идеологии" К. Маркса и Ф. Энгельса. — "Вопросы философии", 1965, № 10, стр. 87 (далее обозначается в тексте следующим образом: ВФ, 10, 87).

⁵⁰ J. Janoušek. Sociální Komunikace. Praha, 1968, стр. 158.

Чтобы более основательно разобраться в различных видах опосредования деятельности общения, целесообразно продолжить анализ первоисточников, принадлежащих перу К. Маркса и Ф. Энгельса, и прежде всего остановиться на так называемых экономических рукописях Маркса, относящихся к 1857 - 1859 гг. и лишь недавно ставших в полном виде достоянием широкого читателя (в томе 46, части I и 2, второго издания собрания сочинений Маркса и Энгельса).

Первое существенное положение, с которым мы сталкиваемся в этом произведении Маркса, - это идея "обмена деятельности и способностей", "совершающегося в самом производстве", который "составляет его существенную сторону" (46, I, 35). Здесь мы находим прямое указание на характер той роли, которую может играть общение в производстве. Что такое описываемый Марксом "обмен"? Это участие индивидуальной деятельности и соответствующей ей индивидуальной способности в коллективном трудовом процессе. Но такое участие заведомо предполагает такое целеполагание в индивидуальной деятельности, которое определяется отношением общей цели коллективного производства, с одной стороны, и тех средств, которыми располагает каждый производитель для достижения этой цели - с другой стороны. Именно такого рода материальное, производственное общение можно трактовать вслед за Яноушом как опосредованное отношением цели и средств деятельности.

Развивая далее цитированную мысль Маркса, следует обратить внимание на то, что это материальное общение обеспечивает оптимальный характер производства, ибо приводит к наиболее выгодному соотношению цели и средств коллективной производственной деятельности. Но эта же функция продолжает существовать и в том случае, когда мы имеем дело со специализированной деятельностью общения, опосредуемой языком или другими знаковыми системами. Вообще всякая деятельность общения в типовом случае направлена на обеспечение единства целей и средств любой иной продуктивной деятельности, носящей общественный характер, и таким образом как бы обслуживает эту последнюю, выступая как средство конституи-

рования и оптимизации этой деятельности. "Общение является условием всех других видов деятельности".⁵¹

Однако эта общая функция общения в производственной деятельности может быть рассмотрена и более детально применительно к тем модификациям, которые она получает на различных стадиях трудового процесса и при различных условиях. Эти модификации освещены на большом эмпирическом материале в монографии румынского психолога Т. Слама-Казаку "Общение в процессе труда".⁵²

Возвращаясь к экономическим рукописям Маркса, отметим одно очень важное место, где содержится эксплицитное противоположение "производственных отношений" и отношений общения. Далее упоминаются "формы государства и формы сознания в их отношении к отношениям производства и общения". (46, I, 46). К сожалению, обе этих формулировки входят в заглавие ненаписанного раздела "Рукописей", и они не получили в тексте какого бы то ни было раскрытия. Правда, имеется "nota bene" насчет тех пунктов, которые следует здесь упомянуть и которые не должны быть забыты"; здесь упоминаются "вторичные и третичные, вообще производные, перенесенные, непервичные производственные отношения" и отмечается "неодинаковое отношение развития материального производства к развитию, например, искусства" (там же). Из этих вскользь брошенных мыслей можно заключить, что "отношения общения" Марко рассматривает как "перенесенные" производственные отношения; такое понимание хорошо согласуется с другими аспектами марксистской теории общества. Ср. на той же странице: "Война раньше достигла развитых форм, чем мир; способ, каким на войне и в армиях и т.д. такие экономические отношения, как наемный труд, применение машин и т.д., развились

⁵¹ Л.И. Анциферова. Принцип связи психики и деятельности и методология психологии. "Методологические и теоретические проблемы психологии". М., 1969, стр. 109. Ср. также Г. Гибб и М. Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972, стр. 134.

⁵² Т. Слама-Казаку. Comunicarea în procesul muncii. Bucureşti, 1964.

раньше, чем внутри гражданского общества. Также и отношение между производительными силами и отношениями общения особенно наглядно в армии". С другой стороны, важно отметить, что здесь находит подтверждение отмеченная нами выше при анализе "Немецкой идеологии" двойная трактовка общения как процесса и как способа актуализации общественных отношений: "формы государства" здесь соответствуют формам общения в "Немецкой идеологии". Наконец, подчеркнем еще раз, что понятие общения и отношений общения не заменяется в "Экономических рукописях" понятием производственных отношений, а сосуществует с ними и противопоставляется им.

Те положения, касающиеся общения, которые мы находим в "Экономических рукописях", развиваются Марксом далее в первом томе "Капитала" (1867 г.).

Здесь для нас представляет специальный интерес прежде всего понятие "общественного контакта". Понятие общественного контакта (*der gesellschaftliche Kontakt*), подчинено понятию общения⁵³ (ибо общение может быть и не непосредственным; контакт есть условие общения, но не само общение) и понятию "общественного характера труда". А это последнее понятие в "Капитале" соотнесено с "общественным отношением производителей к совокупному труду": "... Таинственность товарной формы состоит просто в том, что она является зеркалом, которое отражает людям общественный характер их собственного труда как вещный характер самих продуктов труда, как общественные свойства данных вещей, присущие им от природы; поэтому и общественное отношение производителей к совокупному труду представляется им находящимся вне их общественным отношением вещей" (23,82). Для нас понятие общественного контакта представляет интерес прежде всего потому, что оно — в развитие того, что мы только что видели в тексте "Экономических рукописей" — как бы образует третью вершину треугольника, первой вершиной

⁵³ См. об этом J. Janoušek. Указ. соч., стр. 14-15.

которого является экономический уклад общества, а второй — "форма общества" ("форма общения" "Немецкой идеологии"). Понятие "общественного" в "Капитале" как бы раздвоено: с одной стороны, мы имеем дело с историческим развитием форм общества, с социальностью идеологических отношений ("вторичные", перенесенные производственные отношения!). С другой, мы сталкиваемся с обладающими относительной независимостью от экономического базиса внешними разновидностями общения, т.е. с социальностью реализации вторичных отношений, с "отношениями общения" как "третичными" перенесенными производственными отношениями. Способ общения, конкретная реализация этого общения, таким образом, зависит от трех факторов, в свою очередь обуславливающих друг друга. Это социально-экономический уклад общества, развитие производительных сил и производственных (вообще материальных) отношений; это далее, уровень развития идеологических отношений, отраженный в развитии форм общества (особенно государства); это, наконец, типология тех конкретных разновидностей, которые приобретает общение в зависимости от различных условий (в том числе и образуемых предыдущими двумя факторами), в которых оно происходит. Так, общественный контакт в капиталистическом обществе есть следствие появления кооперированных форм труда, а их необходимость, в свою очередь, обусловлена динамикой развития средств производства.

Сама связь конкретного способа реализации общения с обуславливающими этот способ факторами может быть более или менее жесткой в различных исторических условиях, при различных укладах и различных формах общества. Так, разные виды материального общения стоят в непосредственной зависимости от развития общества, в то время как разновидности духовного общения, те упомянутые нами социальные и социально-психологические модификации рассмотренной выше основной функции общения, которые приобретает деятельность общения в развитом обществе, имеют относительно независимый характер.

Завершая анализ философской стороны понятия общения, нам представляется особенно важным указать на то, что пос-

ледовый подход к интерпретации общения с позиций исторического материализма есть подход с точки зрения правильно (не слишком узко) понимаемого **историзма**. Такой подход, к сожалению, слишком часто подменяется даже в психологии (не говоря уже о таких областях, как лингвистика или семиотика) одностороннее — синхронным, по существу феноменологическим анализом и формальной, а нередко даже осуществляемой *ad hoc* классификацией изучаемых явлений. "Это понимание истории заключается в том, чтобы, исходя именно из материального производства непосредственной жизни, рассмотреть действительный процесс производства и понять связанную с данным способом производства и порожденную им форму общения..." (ВФ, № 10, стр. 100). Ведь, как подчеркивает Энгельс в "Диалектике природы", "наука о мышлении, как и всякая другая наука, есть историческая наука, наука об историческом развитии человеческого мышления. А это имеет важное значение также и для практического применения мышления к эмпирическим областям..." (20, 366-367).

Возвращаясь к собственно психологической проблематике, напомним, что в нашем представлении историческое развитие форм общения характеризуется опосредованностью двух видов: семиотической и психологической. На семиотической опосредованности общения мы остановимся в дальнейшем. Сейчас попытаемся по возможности более точно определить, что мы вкладываем в понятие психологической опосредованности общения.

Первый и основной наш тезис заключается в том, что историческое развитие форм общения идет от общения, включенного в какую-то иную деятельность, к общению как деятельности, у деятельности общения.⁵⁴ Следовательно, необходимо если не определить понятие деятельности вообще, то по крайней мере обсудить правомерность приложения этого понятия к речи и вообще общению.

⁵⁴ Конечно, это не означает, что в своем современном виде общение исключает исторически более ранние формы общения (например, материальное общение).

По-видимому, нет нужды отстаивать само понятие деятельности в системе современной марксистской психологии. Отвлекаясь от различий в ее понимании, можно, однако, легко видеть, что это понятие занимает одно из ведущих мест по крайней мере в трех наиболее распространенных в советской науке психологических концепциях - в концепции школы Л.С. Выготского (здесь понятием деятельности, как известно, много занимался и занимается А.Н. Леонтьев), в теории Д.Н. Узнадзе и в теоретических воззрениях С.Л. Рубинштейна.

Проанализируем прежде всего высказывания С.Л. Рубинштейна о деятельности. Они сводятся к следующему. Деятельность не тождественна активности. Активность - в единстве содержания и процесса; любой психический процесс активен. О деятельности же "мы будем говорить только там, где есть воздействие, изменение окружающего; деятельность в собственном смысле слова - это предметная деятельность, это практика"⁵⁵ Конечно, и теоретическая деятельность есть деятельность, но лишь поскольку она оказывает воздействие на людей. Далее у С.Л. Рубинштейна, по нашему мнению, возникает некоторое внутреннее противоречие. С одной стороны, он призывает изучать психику в деятельности, а не психику и деятельность; личность в ее деятельности, а не личность и деятельность. Деятельность, таким образом, как будто бы не является внешней оболочкой психики, но формой ее реализации, способом ее существования. Но тут же С.Л. Рубинштейн утверждает, что "деятельность не является в целом предметом психологии; предметом психологии может быть только ее психическая сторона" (там же). Таким образом, снова с удвоенной силой подчеркивается, что деятельность есть что-то внешнее по отношению к психике. В более поздних работах С.Л. Рубинштейн, сформулировав с большой четкостью известное положение о единстве сознания и деятельности, сохраняет то же "внешнее" понимание деятельности. Он говорит, напри-

⁵⁵ Основы общей психологии. М., 1940, стр. 149.

мер, что "деятельность человека обуславливает формирование его сознания, его психических связей, процессов и свойств, а эти последние, осуществляя регуляцию человеческой деятельности, являются условием ее адекватного выполнения".⁵⁶ Правда, в этих работах акценты сильно сдвинуты: наряду с цитированным положением выдвигается требование "понять сознание, психику... как деятельность субъекта, реального индивида".⁵⁷ Характерно, что Л.И. Анциферова, проследившая эволюцию взглядов С.Л. Рубинштейна на деятельность, вынуждена констатировать, что принцип единства сознания и деятельности оставляет неясным, "что представляет собой тот процесс, в который включено и сознание, и деятельность", и полагает, что "сама деятельность, представляющая собой целенаправленный и продуктивный процесс взаимодействия личности с окружающим предметным и социальным миром, собственно и является той системой, внутри которой только и может существовать психика".⁵⁸ Иначе говоря, Л.И. Анциферова попросту заменяет одно понятие деятельности ("внешнее" по отношению к понятию психики) другим понятием деятельности, не имеющим прямого соответствия в работах самого С.Л. Рубинштейна.

В концепции С.Л. Рубинштейна деятельность как психологическое понятие, на наш взгляд, в значительной степени подменяется активностью или процессуальностью: специфическую — предметно и социально детерминированную — организацию, которую и принято обозначать термином "деятельность", он приписывает не самим психическим процессам, а их внешним проявлениям, формам их непосредственного воздействия на внешний мир — будь это мир вещей или мир людей.

Анализируя работы Д.Н. Узнадзе, можно видеть, что для него понятие деятельности, хотя оно и встречается у него довольно часто, по существу есть простая активность психики. Другой вопрос, что эта активность, по Узнадзе, "оз-

⁵⁶ Принципы и пути развития психологии. М., 1959, стр. 251 (подчеркнуто нами — А.Л.).

⁵⁷ Там же, стр. 250.

⁵⁸ Л.И. Анциферова. Принцип связи и деятельности и методология психологии. "Методологические и теоретические проблемы психологии", М., 1969, стр. 64.

начает отношение субъекта к окружающей действительности"⁵⁹; но все рассуждения автора в этом направлении выходят за пределы собственно психологического анализа, они не объясняют строение психики, а прибавляют к нашему знанию об этом строении некоторое новое знание.

Интересно, что этот "разрыв" внешнего и внутреннего, деятельности и психики, сказался даже в "Общей психологии" под редакцией А.В. Петровского, где понятие деятельности положено едва ли не в основу всей книги (соответствующая, шестая глава написана Л.Б. Ительсоном). Деятельность определяется здесь как "внутренняя (психическая) и внешняя (физическая) активность человека, регулируемая сознаваемой целью".⁶⁰

В нашей трактовке деятельности мы разделяем позицию психологов школы Л.С. Выготского. "Психологический анализ показывает, что внутренняя, идеальная деятельность имеет такое же строение, как и деятельность практическая... Именно в силу общности строения внутренней теоретической деятельности и внешней практической деятельности их отдельные структурные элементы могут переходить - и действительно переходят - друг в друга, так что внутренняя деятельность постоянно включает в себя отдельные внешние действия и операции, а развитая внешняя практическая деятельность - действия и операции внутренние, мыслительные...

Общность между внешней, практической деятельностью и деятельностью внутренней, идеальной не ограничивается лишь общностью их строения. Психологически существенным является и то, что обе они равно, хотя и различным образом, связывают человека с окружающим миром, который отражается вследствие этого в его голове, что как одна, так и другая форма деятельности опосредованы психическим отражением действительности и что они равно суть осмысленные и смыслооб-

⁵⁹ Психологические исследования. М., 1966, стр. 332.

⁶⁰ Общая психология. М., 1970, стр. 140.

разумные процессы. В их общности и выражается целостность жизни человека".⁶¹

Важнейшей психологической особенностью деятельности является то, что она есть (у человека) способ включения в психическую активность отдельной личности социальной детерминанты. Деятельность человека всегда социальна, независимо от того, осуществляется ли она в непосредственно коллективной форме или в форме "индивидуальной" творческой активности. И то, что она подчиняется у человека "связям и отношениям изначально общественным", и обуславливает возможность формирования у человека общественной по своей природе системы взаимоотношений с действительностью, социальной по природе, а не только по функции, сознания как общественного сознания, репрезентирующегося в психической жизни отдельной личности. Естественно, такое понимание предполагает расширенное понимание самой психики (и соответственно предмета психологии); но ведь "человеческий способ мысли есть прежде всего явление социального порядка".⁶² И если перед нами стоит выбор: рассматривать психическую жизнь человека в ее объективной, в первую очередь социальной обусловленности и в реальных условиях ее функционирования, выходя при этом за границы традиционного предмета психологии; или искусственно ограничивать круг своего рассмотрения некоторыми априорно отобранными составляющими единого объекта исследования, выбрасывая все, что не влезает в традиционный предмет психологии, за дверь психологической лаборатории и предоставляя подобрать это любому желающему прохожему — нет сомнения, что следует идти первым путем.

Деятельность может рассматриваться с психологической точки зрения как определенный способ организации психичес-

⁶¹ А.Н. Леонтьев. Проблемы развития психики. 2-е изд., М., 1965, стр. 312, 313.

⁶² К.Р. Мегрелидзе. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965, стр. 24.

ких процессов, связанный с мотивацией и целеполаганием, с предметным содержанием и иерархическим строением. Система человеческой деятельности в целом распадается в анализе прежде всего на "отдельные деятельности". "Этим термином мы обозначаем сложную совокупность процессов, объединенных общей направленностью на достижение определенного результата, который является, вместе с тем, объективным побудителем данной деятельности, т.е. тем, в чем конкретизируется (в чем "опредмечена") та или иная потребность субъекта".⁶³ Обратим внимание, что важнейшим признаком самостоятельной "отдельной деятельности" является здесь не цель действия (как у Л.Б. Ительсона и, в конечном счете, у С.Л. Рубинштейна), а его мотив (или, по крайней мере, мотив и цель). Ср. у того же автора характерное высказывание о речи: "обособление функции организации производства и обмена, а в связи с этим и функции воздействия... сообщает речи самостоятельную мотивацию, т.е. превращает ее в относительно самостоятельную деятельность".⁶⁴

"Отдельной деятельности" иерархически подчинены действия: это такие элементы совокупной деятельности, которые характеризуются самостоятельной целью, подчиненной общей цели деятельности, но не самостоятельным мотивом. Наконец, действие есть в свою очередь система операций. Операции — такие составляющие деятельности, которые определяются конкретными условиями осуществления действия. (Правда, понятие операции — по крайней мере применительно к речи — требует в свою очередь расслоения на два понятия, условно называемые нами "макрооперациями" и "микрооперациями". Элементы речевого действия типа "синтаксическое прогнозирование", "трансформация" и т.д. считаются макрооперациями; "выбор", "сопоставление" и т.п. — микрооперациями). Мы позволим себе не останавливаться более подробно на характе-

⁶³ А.Н. Леонтьев и Д.Ю. Панов. Психология человека и технический прогресс. М., 1962, стр. 43.

⁶⁴ Проблемы развития психики, стр. 308.

ристике всех этих понятий, так как они достаточно часто анализировались в работах как самого А.Н. Леонтьева, так и его коллег и учеников. Поэтому перейдем сразу к понятию деятельности и — как ее частного случая — речевой деятельности.

Основной недостаток, важнейшее упущение всех тех существующих психологических концепций общения, которые игнорируют или прямо отрицают категорию речевой деятельности и речевого действия, состоит в том, что эти концепции вычлениют речь из общей системы деятельности человека, ставят речевой акт в своего рода психологическую изоляцию от продуктивной, познавательной и других видов деятельности, либо — а иногда одновременно — отождествляют общение со взаимодействием (интеракцией). Речевая деятельность, вообще деятельность общения, есть такой же вид деятельности, как только что упомянутые продуктивная и познавательная деятельность; она в психологическом отношении имеет ту же принципиальную организацию. Но при этом, точно так же как трудовая деятельность может быть рассмотрена не только под психологическим углом зрения (в отношении к ее субъекту и средствам), но и иначе, например, с точки зрения ее объективного результата или социальной организации, деятельность общения тоже может трактоваться не только в плане психологии общения, но и как социальное взаимодействие.

Мы уже неоднократно — вслед за Марксом и Энгельсом — констатировали первоначальную (в филогенезе) неразрывность трудовой деятельности и общения. В каком направлении идет дальнейшее развитие? Вот что в этой связи говорит А.Н. Леонтьев: "Развитие речи, конечно, не начинается с разговоров на любую тему. Функция речи определена тем, что речь еще остается включенной в коллективную деятельность людей. Она, следовательно, реализует какое-то ее содержание. Какое же именно содержание деятельности может реализоваться в речевых действиях? Очевидно, только то содержание, которое относится к планированию, организации и управлению собственной деятельностью... Эта теоретическая сторона, таким образом, выделяется из непосредственно практического трудово-

го процесса, хотя и остается еще слитой с речевым общением".⁶⁵

Таким образом, вторым этапом психологического развития общения, по мысли А.Н. Леонтьева, является такой этап, на котором происходит отделение общения от продуктивной деятельности, но еще не осуществилось "единство общения и общения". В какой мере на этом этапе можно говорить о деятельности общения? Мы уже обратили внимание читателя на то, что основным притерием для выделения "отдельной деятельности" как психологической единицы для нас, как и для А.Н. Леонтьева, является критерий самостоятельной мотивации. Можно ли говорить о ней в данном случае? Мы полагаем, что нет: другой вопрос, что происходит усложнение системы мотивов и возникновение вспомогательных мотивов на фоне доминирующей мотивации.

Быть может, мы имеем право говорить о самостоятельной мотивации в генетическом плане, т.е. предполагать, что речевое действие при своем формировании у индивида должно проходить ступень отдельной деятельности? Думается, что у нас нет оснований для такого заключения. Психологически крайне маловероятно, чтобы на описываемом этапе эволюции первобытного сознания имело место сознательное и целенаправленное обучение общению, имела место специфическая мотивация. Как раз здесь критерий цели и критерий мотивации не совпадают: речевое действие в системе коллективной трудовой деятельности имеет бесспорно самостоятельную цель, подчиненную цели коллективной деятельности, но все-таки относительно самостоятельную, но не характеризуется самостоятельной мотивацией.

Дальнейшим, следующим этапом психологического развития речевого общения, по А.Н. Леонтьеву, является этап, на котором речь приобретает возможность "отделиться" от общения. Для этого необходимо, чтобы сама организация трудового процесса изменилась, чтобы появилась необходимость в

⁶⁵ Проблемы развития психики, стр. 308.

такой психической активности участников этого процесса, которая отделена во времени и пространстве от этого трудового процесса.

Естественно возникает вопрос: значит ли сказанное, что до такого отделения мыслительная, интеллектуальная активность не была свойственна первобытному человеку? Можно ли считать, что до появления языковых средств были невозможны интериоризация "внешнего" трудового действия и появление умственных действий? По нашему мнению,⁶⁶ такая интериоризация могла быть только частичной и должна была быть связана с двигательным подражанием, с редукцией и частичной функциональной специализацией трудового действия в направлении общения. Конечно, зачатки обобщения здесь тоже уже есть; но сама "материя" таких средств общения не допускает ни высших форм общения, ни высших, свойственных современному человеку способов абстракции. Мы еще остановимся на разнице (в этом отношении) между дознаковыми и знаковыми носителями абстракции.

Мы упомянули, что предпосылкой нового этапа в психологическом развитии речевого общения являются объективные социально-экономические условия труда, в частности разделение труда. Следствием их изменения является необходимость "объективации" (Д.Н. Узнадзе) нового типа, в появлении специфической мотивации, вовсе не связанной обязательно, жесткими узлами с актуальным осуществлением трудовой (и вообще продуктивной) деятельности, а равным образом и с актуальным общением как компонентом и предпосылкой этой деятельности. Происходит "отделение теоретической, познавательной функции речи от функции собственно общения... Развитие разделения труда и известное обособление умственной деятельности приводит к тому, что речевые действия осуществляют теперь уже не только общение, но и направляются также и на теоретические цели, что делает их внешнюю форму необязате-

⁶⁶ См. А.А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, стр. 50-57.

линей и даже извилистой; поэтому в дальнейшем они приобретают характер чисто внутренних процессов.

Эти внутренние процессы (внутренние речевые действия, а впоследствии формирующиеся по общему закону сдвига мотивов внутренняя языковая по своей форме деятельность и внутренние операции) выступают теперь как чисто познавательные процессы: как процессы речевого мышления или, может быть, как процессы активного запоминания и т.п., — словом, они образуют особый круг внутренних, умственных процессов, которые являются речевыми лишь в том отношении, что их ткань образуют языковые значения, способные отделяться от непосредственного воздействия означаемого".⁶⁷

Принципиальная возможность возникновения речевого действия, психологически выделенного из непосредственного коллективного общения, открывает путь в двух направлениях. Во-первых, в направлении, отмеченном А.Н. Леонтьевым — т.е. к широкому использованию речи в некоммуникативных функциях. Во-вторых, в направлении использования речи в "несобственных" коммуникативных функциях, т.е. возможности использования ее не только для внутренней организации коллективной трудовой деятельности, но и для других целей, возникающих в межличностных взаимодействиях членов коммуникативной общности. Особенно важно подчеркнуть, что это второе направление развития является логическим следствием возможностей полной интериоризации умственных действий.

Таким образом, о деятельности общения (применительно к речевому общению) целесообразно говорить, когда мы имеем дело с речевыми действиями, имеющими самостоятельную цель (подчиненную общей цели деятельности) и самостоятельную мотивацию, не совпадающую с доминирующей мотивацией той неречевой деятельности, которую обслуживают данные речевые действия. В соответствии общими закономерностями психологической организации деятельности эти речевые действия могут

⁶⁷ А.Н. Леонтьев. Проблемы развития психики, стр.308-309.

выступать как "отдельная деятельность", во всяком случае в процессе их формирования.

Но историческая эволюция деятельности общения на этом не заканчивается. Социально-экономическое (и - отсюда - политическое) развитие общества ведет к дальнейшему разделению труда и к появлению специфических требований к речевому воздействию: речевое воздействие становится специализированной, нередко профессиональной деятельностью, за него, по выражению В.А. Артемова, начинают платить деньги. А это, естественно, закономерно ведет к появлению полностью психологически самостоятельной деятельности общения, мотивированной, так сказать, изнутри себя. Такова деятельность профессионального оратора, лектора, драматического актера, эстрадного чтеца и т.д.

В свете сказанного выше, быть может, целесообразно придать различное понятийное содержание терминам "речь" и "речевая деятельность". Речевая деятельность есть специализированное употребление речи для общения, частный случай деятельности общения. Тогда речь есть потенциальный компонент любой деятельности, например, познавательной (мыслительной), мнемической и т.п.

Вернемся теперь к понятию собственно общения и, не стремясь дать окончательную его дефиницию, попытаемся охарактеризовать психологическую сущность этого феномена. Однако прежде чем сделать это, охарактеризуем некоторые, наиболее характерные, с нашей точки зрения, подходы к общению, содержащиеся в работах последних лет, посвященных этой проблеме.

Едва ли не наиболее интересной (и в то же время достаточно характерной) из моделей коммуникации, выдвинутых в зарубежной науке, является модель Л. Тайера.⁶⁸ Он вводит три основных "координаты" общения (что, кстати говоря, по-

⁶⁸ L. Thayer. Communication and Communication Systems. Homewood (Ill.), 1968.

эволюет в дальнейшем изобразить модель в виде куба): "коммуникационные способности", "базисные процессы" и "уровень анализа". "Способности" автор разделяет на "стратегические" и "тактические", т.е. способности говорящего понять коммуникативную ситуацию и способности, обеспечивающие для него непосредственную возможность вступить в успешную коммуникацию. Из "базисных процессов" автор выделяет четыре: это "производство" общения (generating), "распространение" или "передача" (disseminating), "усвоение" (acquiring) и "обработка" (processing). Уровни анализа следующие: "коммуникационная система", "организационный" уровень, "межличностный" и "внутриличностный" уровень. Эта система, как можно видеть, дает возможность более четко определить предмет психологии общения: это будет анализ на "внутриличностном" и "межличностном" уровнях (дальнейшие уровни относятся уже к компетенции социологии).

Если анализ "базисных процессов" несет на себе печать позитивистского подхода, столь распространенного в американских теориях коммуникации,⁶⁹ то выделение двух видов "способностей" имеет четкий психологический смысл. Если в речевом действии (т.е. другими словами, в процессе речевого общения, рассматриваемого с психологической точки зрения) выделять ориентировочно-планирующую и исполнительную фазу, то "стратегические способности" — это и есть такие навыки и умения говорящего, которые обеспечивают адекватность первой фазы. Соответственно, "тактические способности" — это навыки и умения собственно речи, перехода от речевого намерения и речевого плана к осуществлению речевого общения. Особенно существенно это различие в тех случаях, когда нам приходится для тех или иных целей обучать коммуникации, например, в ситуации ораторской речи или в овладении иностранным языком.

Из советских исследований в этой области остановимся на двух: это уже упоминавшаяся выше статья В.Н.Панферова "Психология общения" и новая книга Б.Д. Парыгина.

⁶⁹ В этом отношении очень характерен, например, сб. "Language Behavior", ed. J.Akin a.o. The Hague - Paris, 1970.

В.Н. Панферов выделяет в содержательной структуре общения четыре момента: 1) связь, 2) взаимодействие, 3) познание, 4) взаимоотношение. "Функция связи заключена в передаче различной информации: осведомительной, регулятивной или аффективной по своему основному значению... Взаимодействие понимается как процесс совместной деятельности людей по выполнению общей задачи; познание — как процесс восприятия и интерпретации человеческого поведения и его осознания в целях понимания личностной сущности".⁷⁰ Выделяются, далее, две наиболее общих формы общения: опосредованное и непосредственное, причем опосредовать его может человек или средство связи (включая МК, искусство и т.п.). Возможны четыре "общих аспекта" изучения проблемы общения или "методологических принципов" ее исследования. "Коммуникативный аспект предполагает изучение всевозможных путей поиска связей между людьми как средств общения. Информационный аспект — это изучение сигналов, которые поступают в каналы связи, с точки зрения их содержания и формы. Гностический аспект — изучение процессов восприятия и интерпретации сигналов, поступающих по каналам связи от одного человека к другому. Регулятивный аспект общения предполагает изучение поведения людей под воздействием воспринятых ими сообщений, которые были переданы по тому или иному каналу связи".⁷¹ Внутри каждого аспекта автор выделяет психологическую проблематику, особенно акцентируя две проблемы: а) выразительные движения и б) познание людьми друг друга.

⁷⁰ В.Н. Панферов. Психология общения. ВФ, 1971, № 7, стр. 126-127.

⁷¹ Там же, стр. 127. "Идея гностической", "коммуникативной" и "организационной" сторон общения имеется также у Д.Я. Богдановой (Ленинские требования к деятельности руководителя в сфере общения. "Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми". Л., 1970, стр. 35-36). Мы полностью согласны с критикой взглядов Д.Я. Богдановой, данной Б.Д. Парыгиным (Основы социально-психологической теории. М., 1971, стр. 220-221).

Уже из этого краткого изложения статьи В.Н. Панферова видно, что, несмотря на ее название, она построена не как психологический, а как сугубо логический, точнее логический анализ процессов общения. Все та проблематика психологии общения, о которой мы писали в начале работы, солидаризуясь с Б.Ф. Ломовым, оказывается не в центре, а на периферии системы В.Н. Панферова; при всей тонкости осуществленного им анализа ему, как нам кажется, не удалось вычленить из совокупной проблематики общения ее психологическую сторону и представить эту сторону как целое. Видимо, чтобы такое вычленение осуществить, надо идти не от глобального представления сети коммуникационных процессов, а в обратном направлении — от общающейся личности в обусловленности присущих ей психологических характеристик социальными и иными факторами.

В особенно внимательном рассмотрении нуждается монография Б.Д. Парыгина "Основы социально-психологической теории", где общению почти целиком посвящен раздел третий, названный, правда, с нашей точки зрения, несколько неточно — "Феноменологические основы социально-психологической теории. Проблема общения".

Б.Д. Парыгин стремится дать специфическую характеристику общения. Для этой цели он вводит категорию взаимопонимания. "О взаимопонимании людьми друг друга можно говорить..., имея в виду совпадение, сходство или просто созвучие у различных людей взглядов на мир и ценностных ориентаций, понимание индивидуальных особенностей друг друга, понимание или даже угадывание мотивов поведения друг друга и возможности вести себя так или иначе в какой-то конкретной ситуации, взаимопонимание как принятие исполняемых по отношению друг к другу ролей, взаимопонимание как взаимное принятие самооценки, своих возможностей и способностей и т.д." ⁷²

⁷² Б.Д. Парыгин. Указ. соч., стр. 201.

Категория взаимопонимания (согласия) как одна из характеристик общения, по указанию Б.Д. Парыгина, встречается и в работах других социальных психологов⁷³ так, Т.Ньюком рассматривает коммуникацию как связь, имеющую следствием возрастание степени согласия участников общения). Далее автор рассматривает условия взаимопонимания (понимание другого человека, понимание его отношения к себе как к партнеру по общению, понимание самих отношений) и уровни взаимопонимания — "в зависимости от того: а) совпадает ли только система социальных и индивидуальных значений у общающихся, с одной стороны, и нет совпадений в уровне самооценки — с другой, или б) когда совпадает не только система значений (социальных и индивидуальных), но и уровень взаимной оценки".⁷⁴

Характерно, однако, что, делая серьезный шаг в сторону общепсихологической квалификации общения, Б.Д. Парыгин тем не менее рассматривает взаимопонимание как статическую характеристику. В общении происходит "процесс установления взаимопонимания": оно либо устанавливается, либо нет. При этом, по мнению автора, функции установления взаимопонимания подчинены все остальные функции общения; однако это утверждение, на наш взгляд, успешно опровергается соседствующим с ним тезисом о том, что "речь... может служить средством и передачи сообщения, и воздействия и в тех случаях, когда взаимопонимание между общающимися отсутствует и вряд ли может быть достигнуто".⁷⁵

⁷³ См. Т. Шибутани. Социальная психология; Т. Ньюком. Исследование согласия. "Социология сегодня. Проблемы и перспективы". М., 1965.

⁷⁴ Б.Д. Парыгин. Указ. соч., стр. 205.

⁷⁵ Б.Д. Парыгин. Указ. соч., стр. 201, Возможны даже такие формы общения, которые с самого начала предполагают отсутствие взаимопонимания, вплоть до полной "деструкции" сознания реципиента. Такого рода "антиобщение" встречается, например, в массовой коммуникации (точнее, в "психологической войне").

В этой связи упомянем, что, по Б.Д. Парыгину, у речевого общения есть следующие функции: установление взаимопонимания, передача информации, экспрессия и психологическое воздействие. Думается, что эти понятия (перечень функций заимствован автором у С.Л. Рубинштейна) гетерогенны и едва ли могут быть поставлены в один ряд. Действительно, психологическое воздействие есть в сущности процесс, а не функция: оно осуществляется для чего-то другого, направляется и обуславливается чем-то. Экспрессия — понятие сугубо лингвистическое; оно не имеет ни социологического, ни психологического смысла (за ним могут стоять очень различные психологические реальности). Передача информации также не определена в психологическом отношении, так как — при полной неопределенности этого понятия в современной науке — остается совершенно неясным, что именно передается и, главное, зачем (почему). О функции установления взаимопонимания мы уже говорили выше: по нашему мнению, о нем нельзя говорить как об одномоментном явлении. Имеет место определенная психологическая динамика общения, разная в разных видах общения, и общение может и должно быть охарактеризовано по характеру соотношения "начального" и "конечного" звеньев этого процесса.

Подводя определенные итоги рассмотрению общения, Б.Д. Парыгин предлагает выделять следующие параметры процесса общения: "а) психический контакт, возникающий между индивидами и реализующийся в процессе их взаимного восприятия друг друга; б) обмен информацией посредством вербального или невербального общения, в) взаимодействие и взаимовлияние друг на друга".⁷⁶ Но ср. ниже: "Еще более обобщенно можно говорить о двух сторонах общения: внутренней, перцептуально-коммуникативной, связанной с психическим состоянием общающихся, с уровнем их взаимопонимания, и внешней, интеракционной, связанной с поведением и взаимодействием обща-

⁷⁶ Б.Д. Парыгин. Указ. соч., стр. 221. Ср. также: Б.Д. Парыгин. Социальная психология как наука. Л., 1967, стр. 141-147.

ющихся индивидов".⁷⁷ Далее предлагается дифференциация общения по одному основанию (содержание vs. форма) на разных уровнях, и доказывается, что "с содержательной, внутренней стороны общение могло бы рассматриваться как коммуникативный процесс взаимного выражения психического состояния и обмена информацией, между тем как со стороны формы можно было бы говорить о поведенческом аспекте общения, реализуемом в процессе интеракции, то есть взаимодействия людей, их поведения по отношению друг к другу".⁷⁸

В этом рассуждении особенно ясно проявилась слабая сторона концепции Б.Д. Парыгина. Несмотря на декларативные утверждения о социальности подхода к процессам общения, автор остался целиком в плену индивидуально-психологической трактовки этих процессов как межличностных, как процессов установления контакта между изолированными "сознаниями", своего рода психологическими монадами. Что касается интеракции, совместной деятельности, то она оказывается внешним "поведением" людей по отношению друг к другу, в котором выражается "содержательная", индивидуально-психическая сторона общения, являющаяся основой.

В тезисах доклада на первом ленинградском симпозиуме по психологии общения Б.Д. Парыгин вводит несколько иную систему, на наш взгляд, более приемлемую. Он выделяет у общения три параметра: 1) Содержание и направленность; общение может быть идентифицирующим и обособляющим, содействующим и противодействующим; 2) форма: вербальное и невербальное общение, непосредственное, межличностное и опосредованное; 3) способы связи содержания и формы в процессе общения: подражание, заражение, внушение, убеждение.⁷⁹

⁷⁷ Б.Д. Парыгин. Указ. соч., стр. 222.

⁷⁸ Там же, стр. 223.

⁷⁹ Б.Д. Парыгин. К вопросу о структуре социально-психологического общения. "Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развития контактов между людьми". Л., 1970, стр. 123.

В дальнейшем, предлагая несколько иную систему психологических "координат" общения, мы используем эту концепцию Б.Д. Парыгина, хотя, как видно из предшествующего анализа, расходимся с ним в понимании ряда существенных проблем психологии общения. Во всяком случае, нельзя не отметить, что книга Б.Д. Парыгина представляет собой наиболее серьезное и аргументированное исследование в советской психологии общения, и уже в этом ее большое значение.

Обратимся теперь к анализу понятия общения с нашей точки зрения, напомнив читателю, что мы ни в коей мере не претендуем на его дефиницию.

Для нас общение есть процесс установления и поддержания целенаправленного, прямого или опосредованного теми или иными средствами контакта между людьми, так или иначе связанными друг с другом в психологическом отношении. Осуществление этого контакта позволяет либо изменять протекание коллективной (совместной) деятельности за счет согласования (рассогласования) "индивидуальных" деятельностей по тем или иным параметрам или, напротив, разделение функций (социально ориентированное общение), либо осуществлять целенаправленное воздействие (объем и качественная специфика которого может определяться как "извне", обществом, так и "изнутри", самой личностью) на формирование и изменение отдельной личности (или непосредственно на ее поведение) в процессе коллективной или "индивидуальной", но социально опосредствованной деятельности (лично-отношенческое ориентированное общение).

В этой формулировке, с нашей точки зрения, необходимо подчеркнуть следующие стороны.

Во-первых, важно, что общение происходит всегда внутри группы людей (частным случаем которой является "система" из двух собеседников), так или иначе определенной психологически. Другой вопрос, что здесь возможны очень различные характеристики, объединяющие участников общения. Это могут быть общие интересы, мотивы, знания, установки, цели, общие средства деятельности и т.д. При этом психологическое "вди-

нство" данной группы может быть не объективным, а субъективным. Я могу вступить в актуальное общение с совершенно незнакомым мне человеком, ошибочно полагая, что это мой старый приятель, связанный со мной единством интересов и жизненного опыта. Далее, это может быть не наличие единых, общих характеристик, а их потенциальная "комплиментарность", взаимодополнительность. Вступая на улице в беседу с постоянным милиционером, чтобы выяснить адрес, я на основе системы ролевых ожиданий предполагаю, что мой собеседник владеет некоторым знанием, необходимым мне для того, чтобы разрешить возникшую передо мной проблемную ситуацию. И так далее. Даже в тех случаях, когда, казалось бы, мы имеем "открытый" коллектив, к тому же подобранный по чисто случайным признакам (например, в аудитории публичной лекции), этот коллектив, эта группа (мы в дальнейшем, используя удачный термин коллег из ГДР, будем говорить об "общности", *Gemeinschaft*, имея в виду именно группу людей, связанных общением) не может не иметь к началу общения (в данном случае лекции) каких-то объединяющих ее психологических характеристик, пусть объединяющих лишь с точки зрения того или иного ее члена. Например, может оказаться, что не все слушатели лекции пришли на нее по одним и тем же мотивам; вполне достаточно, чтобы каждый из них думал, что и другие пришли по тем же мотивам, что и он.

Общение с психологической точки зрения как раз и ориентировано чаще всего на то, чтобы изменить в том или ином направлении эти характеристики, распространяя их на всех членов общности и в известном смысле "унифицируя" их психику или осуществляя сознательное или бессознательное распределение социальных ролей между членами общности, что приводит к частичной психологической дифференциации (с сохранением однако единого психологического "фона": так, координация трудовых действий предполагает единство целей и, по крайней мере частично, единство мотивации, хотя средства, используемые отдельными членами общности для достижения этих общих целей, будут заведомо различными), либо изменить пси-

психологическое "лицо" отдельных членов общности с тем, чтобы в конечном счете добиться опять-таки иной психологической ориентации этой общности в целом. Разница между первым и вторым случаем заключается в том, что в первом мы не ставим перед собой задачи воздействия на структуру отдельной личности, ограничиваясь глобальной (при этом нередко частичной, преходящей, ограниченной в пространстве и времени) переориентацией психики членов общности. Например, киносеанс есть акт общения, бесспорно вызывающий известную психологическую "унификацию" аудитории. Но кончается сеанс, и общность распадается. В случае аудитории радио, телевидения, публичной речи воздействие будет более стойким, но оно все-таки направлено на общность в целом. Совсем другое дело, скажем, урок в школе, где задачей является именно довести до каждого члена общности (класса) какую-то совокупность знаний, умений, норм поведения. Тем более сказанное относится к межличностному общению. Это и есть различие социально и личностно ориентированного общения; назовем эту характеристику "ориентацией" общения.

Во-вторых, сказанное только что приводит к мысли о правомерности собственно психологической классификации видов общения — в зависимости от динамики психологического изменения, осуществляемого в данном акте общения. Так или иначе, заметим себе, что есть группа характеристик общения, которые можно условно назвать его "психологической динамикой".

В-третьих, остановимся на различии прямого и опосредствованного контакта. Далее нам придется говорить о семиотической специализации общения; целесообразно с самого начала подчеркнуть, что опосредствованный контакт совершенно не обязательно предполагает семиотическую специализацию и наоборот. Общение при помощи языка (речевое общение) в малой группе, конечно, семиотически специализированно — оно ведь использует специальную знаковую систему. Но оно безусловно предполагает прямой контакт. И, напротив, легко себе представить довольно разнообразные ситуа-

ции, в которых налицо нет никакой семиотической специализации, но контакт является опосредствованным. Пример: человек получает подарок по почте. Это, бесспорно, акт общения, представляющий собой актуализацию отношения, предполагающий непрямой контакт и заведомо не специализированный.

Здесь следует говорить, следовательно, по крайней мере о двух различных характеристиках общения: о семиотической специализации и о степени опосредованности. Заметим в заключение, что речь идет именно о различной степени опосредованности, а не только о наличии или отсутствии ее, так, непосредственное межличностное общение, "массовое" общение, общение через посредство средств МК типа радио или телевидения, общение через посредство прессы и т.п. представляют собой под данным углом зрения именно последовательные ступени опосредованности общения.

Остановимся на указанных характеристиках или координатах общения несколько подробнее.

1. Ориентация общения. Это наиболее общая целевая характеристика общения. Как мы отмечали, оно может быть, в частности, социально ориентированным и личностно ориентированным; важно подчеркнуть, что социальность внешних форм общения (ср. ниже о степени опосредованности) и ориентация не совпадают. Так, распространение слухов есть бесспорно межличностное по характеру опосредованности общение; но это общение социально ориентированное, его целью (если мы имеем дело с именно распространением слухов как одним из видов "психологической войны") является социально-психологическая переориентация общности в целом. С другой стороны, представим себе излюбленную в детективных произведениях ситуацию, когда резидент общается с разведчиком через посредство объявления в газете. Это общение, опосредованное в высшей степени, но безусловно личностно ориентированное.

Специфическая ориентация того или иного вида общения более или менее непосредственно может отражаться на его средствах и на протекании самих процессов общения. Так, многие даже чисто языковые особенности радио- и теле-

визуальной речи коренятся именно в ее ориентации.⁸⁰

Критерий ориентации соотносим с той характеристикой, которую в тбилисской школе Д.Н. Узнадзе обычно называют "установкой", хотя и гораздо уже этого понятия. Далее нам придется специально говорить о тех психологических факторах, которые формируют ориентацию и другие виды коммуникативной установки.

В последнее время Б.Х. Бгажниковым и студентами психологического факультета МГУ А. Висяжной и М. Мдивани была произведена экспериментальная проверка значимости фактора психологической ориентации. В качестве испытуемых были использованы ученики десятых классов средней школы.

В первой серии эксперимента из одного класса отбиралось четверо желающих. После знакомства с научным текстом средней трудности перед ними ставилась задача как можно убедительней и доходчивей объяснить смысл социально-психологических терминов, описанных в тексте, одному из четырех предварительно отобранных учеников этого же класса. Перед последними ставилась задача максимального усвоения преподаваемого им материала. Каждая пара беседовала в отдельном кабинете без свидетелей.

Затем перед испытуемыми ставилась новая задача; выступать с тем же материалом перед классом, который будет оценивать достоинства и недостатки его рассказа. Как в первом, так и во втором случае рассказ испытуемых записывался на замаскированный магнитофон.

Во второй серии эксперимента была изменена последовательность коммуникативных задач: испытуемый рассказывал содержание текста сначала классу, а затем одному из товарищей.

Предполагалось, что различие психологической ориентации в условиях СРО и ЛРО приблизит первый вид общения к развернутому монологическому повествованию, а второй - к непринужденной, спонтанной диалогической речи. Изменение последовательности коммуникативных задач и, соответственно, первичных ориентаций испытуемых должно было привести к

⁸⁰ См. Б.Х. Бгажников. Указ. соч., глава 2.

к большей разговорности речи в первой серии, чем во второй.

Подсчет общего объема речевой продукции, процента существительных, глаголов и служебных слов, используемых испытуемым, показал, что характер общения изменяется не только в зависимости от коммуникативных задач, но и от порядка их решения. Общий объем речи испытуемых первой серии ЛРО значительно (почти в два раза) больше, чем во второй (см. табл. №2) как в абсолютных числах, так и в процентном отношении к сумме использованных партнерами по общению).

Таблица № I

№ серии	коммуник. задача	общий объем речи	ср. % существ.	ср. % глаголов	ср. % служебных слов
I	ЛРО	3778	16	14,1	21,4
	СРО	1798	20,2	11,6	23,6
II	СРО	1316	22,9	13,1	24
	ЛРО	1964	19,6	12,7	23,7

Таблица № 2

№ серии	общий объем речи испт.	общий объем речи собесед.	общая сумма слов	% соотнош. слов, исп. испт. и собеседника
I	3778	1247	5025	75,1:24,9
II	1964	412	2376	82,5:17,3

Темп речи каждого испытуемого в первой серии СРО равен в среднем 112 словам в минуту, темп речи во второй серии заметно меньше — 85 слов в минуту.

ЛРО и СРО различаются не только по вышеприведенным количественным данным, но и композицией общения в целом. В ЛРО мы имеем типичный случай беседы, роли говорящего и слушающего постоянно меняются, в СРО — монолог, обращенный к пассивной аудитории. В ЛРО наблюдается типичная для диалогической речи инверсия, лексическая, грамматическая недоговоренность. Компенсацией указанных отклонений, обеспечивающей взаимопонимание общающихся, являются: 1) использование в коммуникативных целях мимики, жестов и т.д.; 2) возможность взаимной регуляции речевого и неречевого поведения.

Сравнительный анализ ЛРО и СРО показал, что в целом первый вид общения, как по соотношению используемых лексических единиц, синтаксису и интонации, так и по композиции, тяготеет к нормам разговорной речи, в то время как СРО по указанным характеристикам ближе к монологическому повествованию. Видно, что структуры СРО и ЛРО заметно изменились в сторону использования частей речи, характерных для монологического повествования, — существительных и служебных слов. Здесь испытуемый показывает ригидность первично выработавшейся психологической ориентации на общение.

В первой и во второй серии СРО различается количество примеров, интерпретаций, оценок. Это можно объяснить тем, что в первой серии испытуемый, решая коммуникативную задачу, бессознательно подготавливает себя для решения второй; опыт беседы с одним из товарищей позволяет ему учитывать вопросы и сомнения, которые могут возникнуть у сидящих в классе, посредством: а) разъяснения функций, которые имеют социально-психологические термины, б) сравнений, в) собственных примеров, г) использования риторических вопросов, д) выводов, повторных разъяснений терминов.

Во второй серии при СРО испытуемые не располагают достаточной информацией о возможной реакции слушателей, поэтому перечисленные выше приемы почти не используются.

При ЛРО также наблюдается различие между второй и первой сериями эксперимента. Во второй серии сказывается влияние уже решенной первой коммуникативной задачи. Отношения между испытуемыми менее "демократичны", чем в первой серии.

Во второй части исследования перед экспериментом стояли те же задачи, что и в первой. Но в первой части различие между ЛРО и СРО можно объяснить не только первоначальной психологической ориентацией, но и внешней ситуацией общения, которая различна при ЛРО и СРО. Поэтому во второй части эксперимента внешняя ситуация при СРО и ЛРО была одинаковой - испытуемый пересказывал текст, записывая себя сам, без свидетелей, на магнитофонную ленту. В остальном (инструкции и последовательность коммуникативных задач) ситуация эксперимента была такой же, как и в первой части исследования.

При подсчете общего объема и семантической насыщенности речевой продукции были выявлены следующие результаты:

№ серии	коммуник. задача	общий объем речи	ср.% существ.	ср.% глаголов	ср.% служебных слов
I	ЛРО	1338	24,6	14,4	26
	СРО	1441	26,2	14,6	29,5
II	СРО	1631	23,9	17,4	30,3
	ЛРО	2507	18,6	14,3	29,6

Видно, что общий объем в первой серии больше при СРО, чем при ЛРО. Это, по-видимому, можно объяснить тем, что пересказывая текст своему другу (которого испытуемый выбирал по желанию), он учитывал его личностные особенности и понятийные возможности, что позволило ему опускать некоторые вещи вследствие их очевидной ясности для обоих. Когда же испытуемый приступил к выступлению в классе, он рассказывал более полно и развернуто, более медленно и обстоятельно. Об

этом свидетельствуют увеличившийся общий объем речевой продукции, увеличение семантической насыщенности и уменьшение темпа речи. Если в ЛРО первой серии он был в среднем 93,5 слов в минуту, то в СРО — 85,8 слов в минуту.

Что касается второй серии, то в данном случае ситуация обратная. Но это тоже закономерно. Общий объем речи в СРО приблизительно одного порядка с объемом речи СРО и первой серии, но в ЛРО объем резко увеличивается. Если учесть композицию общения в целом, то становится понятным это увеличение. Дело в том, что с увеличением общего объема речи уменьшается ее семантическая насыщенность, то есть испытуемый, рассказав один раз текст классу, уже достаточно ознакомился с ним и тем самым как бы снял с себя ответственность, возлагающуюся на него при достижении социально значимого эффекта. В беседе с другом он чувствует себя более свободно, делает много отступлений от смысла, заложенного в тексте. Речь становится более беглой и непринужденной. Темп речи увеличивается: 104,9 слов в минуту, если в СРО — 78 слов в минуту.

Итак, при одинаковых социально-коммуникативных задачах речевое поведение людей может быть различным в зависимости от их психологической ориентации. Поэтому характер общения следует определять прежде всего по внутренней психологической ориентации субъекта общения или по ориентации некоторой системы общения.

Результаты первой части эксперимента показывают, что одним из факторов, повышающих эффективность СРО, являются его опосредованность ЛРО.

Во второй части эксперимента показано, что решение коммуникативной задачи в ЛРО позволяет субъекту максимально приблизиться к сути содержания публичного выступления. Оно является как бы тренировкой, которая повышает эффективность СРО, превращая его в развернутое монологическое повествование.

Результаты описанного эксперимента представляют поэтому интерес не только для оценки сравнительной значимости

социально-коммуникативной ситуации общения и его психологической ориентации, но и с точки зрения путей оптимизации радио- и телевизионной речи, путей формирования умений массового общения.

До сих пор речь шла о двух видах ориентации общения, поскольку мы рассматривали самостоятельную деятельность общения, носящую, так сказать, "теоретический" характер. По-видимому, есть известные основания говорить и об общении, ориентированном на продукт или на содержание деятельности, например в тех случаях, когда общение "непосредственно вплетает" в процесс коллективного производства (за это указание мы благодарим А.У. Хараша). К этой (или близкой) проблематике нам придется вернуться ниже при анализе социальной мотивации общения и потребности общения.

2. Психологическая динамика общения. Эту весьма широкую характеристику приходится ввести потому, что психологическое содержание общения может быть очень различным. Если даже говорить только о процессах речевого воздействия, то это воздействие может осуществляться в сфере знаний (информирование, обучение), в сфере навыков и умений той или иной деятельности (обучение), в сфере собственно деятельности в ее реальном осуществлении (внушение, убеждение), в сфере мотивов и потребностей, установок, ценностной ориентации и т.п. (убеждение). Если добавить к этому еще и тот общеизвестный факт, что даже процесс речевого воздействия не носит в строгом смысле "однонаправленного" характера (что особенно ясно видно в публичной, "ораторской" речи), — а об общении типа межличностного нечего и говорить, — то мы получим крайне широкий спектр разнообразных изменений в психических состояниях и протекании психических процессов у коммуникатора и реципиента (реципиентов), связанных с процессом общения. Эти изменения, особенно применительно к реципиенту, в значительной мере прогнозируются коммуникатором, но, естественно, далеко не полностью — постольку, поскольку моделирование говорящим личности собеседника (или, тем более, психологических характеристик аудиторий) никогда

не бывает стопроцентно правильным и лишь стремится приблизиться к реальному положению вещей. (Кроме того, всегда остаются сведения о собеседнике, особенно о его мотивах и установках, которые в принципе неизвестны говорящему и не могут быть использованы им при таком моделировании).

Вероятно, можно было бы развернуть описываемый критерий более подробно, представив его в свою очередь как матрицу возможных типов психологического взаимодействия. Однако мы не располагаем сейчас сколько-нибудь полным "тезаурусом" различных видов общения, и пока что любая попытка такого рода будет вынужденно неполной.

Обе указанных характеристики (ориентация общения и психологическая динамика общения), как можно видеть, соотносены с первой из трех основных фаз речевой (равно как и иной) деятельности — фазой ориентировки и планировки. Они в основном связаны с ориентировкой коммуникатора в ситуации общения (в широком смысле), а также с мотивационными и целевыми характеристиками речи. Координата "психологической динамики" общения особенно тесно взаимосвязана с его деятельностным характером. Во-первых, качественные развития в психологической динамике общения непосредственно детерминированы спецификой деятельности, в которую это общение включено и которой подчинено. Во-вторых, эта динамика (именно как динамика процессов, происходящих в системе общения!) в значительной мере направляется тем, насколько поставленная коммуникаторная цель достигнута им в процессе общения, насколько мотив деятельности общения совпадает с ее результатом.

3. Семантическая специализация общения. Эта характеристика определяется тем, какие средства используются в общении. Мы уже ранее останавливались на том, что возможно, в частности, материальное общение; ему противостоит знаковое общение, которому будет посвящен специальный параграф. В свою очередь, внутри знакового общения можно выделить речевое общение; общение при помощи знаковых систем, психологически эквивалентных языку (первичных), например, при помощи "языка" жестов (в ситуациях, когда язык не функционирует,

например, в спонтанной мимической речи глухонемых детей до начала систематического обучения); общение при помощи вторичных знаковых систем с опорой на язык; общение при помощи вторичных знаковых систем специфического характера (ср. напр. такую проблему, как "семиотика карты"); общение при помощи ситуативно осмысляемых материальных объектов, получающих, так сказать, *ad hoc* ту или иную семиотическую нагрузку – ср. приведенный ранее пример с подарком. Современная семиотика, к сожалению, абсолютно не в состоянии дать содержательную характеристику всем этим видам знакового опосредования общения и вскрыть их действительное взаимоотношение и психологическую иерархию. Поскольку все эти проблемы не входят в основное содержание данной работы, мы позволим себе указать здесь на другие свои публикации, где они затрагиваются с большей степенью подробности.⁸¹

Из сказанного ранее очевидно, что всякое общение имеет целью то или иное направленное изменение в смысловом поле реципиента.⁸² Такое направленное изменение может осуществляться при помощи различных средств. Наиболее распространенным является путь через значения; мы подбираем слова и словосочетания и организуем их в высказывание на различных уровнях таким образом, чтобы при восприятии речи реципиентом осуществился – более или менее опосредствованным путем – желаемый сдвиг в его смысловом поле. Точно так же обстоит дело и с другими знаковыми системами, например с теми компонентами мимико-жестикulatorного поведения, которые носят конвенциональный характер и могут быть условно обозначены как "релевантные паралингвистические средства". Во всех

⁸¹ А.А. Леонтьев. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, гл. I, § 4 и 5; Он же. Язык и разум человека. М., 1965.

⁸² Ср. А.А. Леонтьев. К психологии речевого воздействия. "Материалы IV Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации". М., 1972.

этих случаях не происходит непосредственного воздействия на личностный смысл, оно опосредовано восприятием знаковых средств, и значение этих средств входит как необходимый и как основной компонент в содержание воздействия.

Возможны, однако, и другие психологические формы общения. Например, можно говорить об общении, осуществляемом через восприятие знаковых средств, когда это восприятие вызывает специфическую встречную активность реципиента при посредстве графиков. Очевидно, что одна и та же информация, представляемая в виде числовой таблицы и в виде графика или кривой, значительно разнится по мере воздействия на читателя: последний узнает значительно больше, если находит информацию в графическом представлении. Каков психологический механизм этого воздействия? Графические средства "переводят абстрактные трудно уловимые отношения в область интуитивно-близкого вззрения".⁸³ "Своеобразие графика как знаковой системы заключается в том, что в качестве основного средства передачи информации в нем используются не знаки — коды, а знаки — образы... В случае статистических графиков речь идет, разумеется, не о художественных, а о простейших геометрических образах. Но последние обладают способностью отображать и характеризовать некоторые целостные умственные построения (ансамбли), связанные с количественной характеристикой статистических совокупностей. Сила, эффективность такой системы сигналов основывается на том, что она обращается непосредственно к чувственному познанию (восприятию) изучаемых соотношений и позволяет осознать их значение, если и не совсем минуя стадию языкового мышления, то во всяком случае значительно укорачивая ее".⁸⁴ С этими определениями можно согласиться по существу, сделав необходимую скидку на несовершенство терминологии. Так или иначе,

⁸³ Л.М. Рубановский. Методы физической статистики. М.—Л., 1934, стр. 46.

⁸⁴ Я.П. Герчук. Графические методы в статистике. М., 1968, стр. 16.

чисто знаковое "значенческое" содержание графика явно подчинено какому-то иному содержанию, "прочитываемому" реципиентом как бы "между строками" графика. Иными словами, график стимулирует эвристическую познавательную активность реципиента, в ходе которой этот последний получает дополнительную информацию.

Возможно, однако, и личностно-смысловое общение, вообще не использующее специальных знаковых средств с закрепленным за ними значением и если и сочетающееся со знаковым общением, то лишь параллельно и независимо. Примером подобного общения является использование нерелевантных, некодифицированных мимико-жестикулярных средств: я могу, например, достаточно убедительно воздействовать на реципиента, лишь воспроизводя то или иное эмоциональное состояние. Такого рода смысловое воздействие широко используется в массовой коммуникации и других видах массового воздействия. Сюда же относится и так называемое суггестивное воздействие, обычно сопровождающее процессы речевого общения.⁸⁵ Р.М. Рильке совершенно правильно заметил в одном из своих писем, что можно сидеть молча в темной комнате - и это тоже будет общение. Наконец, как считает Б.Ф. Поршнев, "знаковую роль играют не только сами знаки, но и их нарочитое торможение - выразительное отсутствие... Молчание - это не просто отсутствие речи, сплошь и рядом оно есть торможение или отмена речи или даже, можно сказать, антиречь".⁸⁶ Это тоже, по-видимому, один из видов личностно-смыслового общения.

Генетически личностно-смысловое общение предшествует знаковому. Так, очевидно, что общение, опосредованное отношением цели и средств, предполагает именно такого рода непосредственное изменение в смысловом поле.

85

См. Г. Лозанов. Суггестология и суггестопедия. Автореф. докт. дисс. София, 1969; Он же. Суггестология. София, 1972.

86

Б.Ф. Поршнев. Социальная психология и история. М., 1966, стр. 128.

4. Степень опосредованности. Это больше количественная, чем качественная характеристика — иначе ее можно определить как социальную "дистанцию", отделяющую коммуникатора от реципиента. Иначе говоря, это — количество ступеней опосредования процесса общения, при условии тождества сообщения. Такого рода "ступени" могут выполнять в отношении сообщения разные функции: редактирующую, контролирующую, техническую, распространительную (как это происходит в массовой коммуникации): однако сообщение (скажем, текст радио-репортажа или информация в газете) сохраняют свое тождество на всех этапах от письменного стола журналиста (или магнитофонной ленты, записанной радиокорреспондентом) до почтового ящика вашей квартиры или транзистора на вашем столе. Указанная характеристика не носит в строгом смысле психологического или социально-психологического характера, она скорее социологична. Мы ввели ее исключительно для того, чтобы противопоставить ей характеристику "ориентации". С этой характеристикой можно, видимо, соотнести понятие "прямого информационного контакта", введенное А.И. Горячевой⁸⁷ (ср. также понятие "общественного контакта" в "Капитале").

Легко видеть, что две последних характеристики — семиотическая специализация и степень опосредованности — соотнесены со второй из фаз деятельности — фазой реализации плана деятельности. Это характеристики соответственно средств и процесса общения, в то время как два первых относились к ориентировке и планированию этого процесса. В терминах Л. Тайера, первые две характеристики касаются "стратегических" коммуникационных способностей, вторые две соответственно — "тактических".

Заключая настоящий параграф, еще раз вернемся к тому существенному для нас положению, что знаковое общение является хотя лишь одним из видов общения, но оно не равноправно

⁸⁷ А.И. Горячева. О некоторых категориях социальной психологии. "Проблемы общественной психологии". М., 1965, стр. 232.

с другими видами общения: это общение наиболее развитое, наиболее специализированное как деятельность и по своим социальным (и социально-психологическим) функциям. Это заставляет нас провести специальный анализ понятия знака применительно к его роли в деятельности общения и некоторых других видах деятельности.

§ 3. Знак и деятельность

В последние годы заниматься исследованием знаковых аспектов деятельности стало более чем распространенным занятием. Однако существуют лишь единичные исследования, где знак выступает не как элемент виртуальной знаковой системы и вообще не как нечто данное в поведении (наблюдаемое), а в его реальном генезисе и реальном функционировании, как нечто заданное человеку и конституирующее его деятельность. Иначе говоря, проблема знака и деятельности или, точнее, знака в деятельности, остается почти не разработанной. Это тем более странно, что целый ряд фундаментальных для психологии вопросов, связанных, в частности, с закономерностями взаимоотношения социального и индивидуального в сознании и деятельности, с диалектикой мышления и речи и т.п., может быть успешно решен лишь на путях создания психологической теории знака, опирающейся на философско-методологическую базу диалектического и исторического материализма.

Однако основные тенденции развития семиотики даже противоположны этому психологическому направлению. Само употребление термина "семиотика" стало своего рода сигналом, что данный автор принципиально не приводит качественной границы между знаковыми системами разных типов и в частности - между коммуникативными системами у животных и человеческим языком. Куда более оправдана позиция де Соссюра, писавшего, как известно, что семиотика, или семиология, является "частью социальной психологии, а следовательно, и общей психологии...

Точно определить место семиологии — задача психолога... 88

При таком понимании более чем проблематично существование зоосемиотики и правомерность говорить о коммуникативных системах животных как о "языках", хотя и *au générique*. Если пользоваться терминами Т. Сибеока,⁸⁹ то вся так называемая "зоосемиотика" автоматически сводится к "зоопрагматике" — "знаки", используемые в коммуникативных системах у животных, не имеют ни семантики, ни синтаксиса (в семиотическом смысле, да, кстати, и в любом другом). Впрочем, коммуникативные системы у животных не удовлетворяют и по крайней мере трем из пяти необходимых признаков языка, сформулированных Ч. Моррисом.

Главное отличие знакового поведения человека и коммуникативно обусловленного поведения животных лежит в совершенно чуждой современной семиотике психологической специфике "человеческого" знака. Мы позволим себе изложить это различие словами Л.С. Выготского. "... До самого последнего времени... полагали, что... звук сам по себе способен ассоциироваться с любым переживанием, любым содержанием психической жизни и в силу этого передавать или сообщать это содержание или это переживание другому человеку. Между тем для того, чтобы передать какое-либо переживание или содержание сознания другому человеку, нет другого пути, кроме отнесения передаваемого содержания к известному классу, ... это ... непременно требует обобщения... Таким образом, высшие, присущие человеку формы психологического общения возможны только благодаря тому, что человек с помощью мышления обобщенно отражает действительность."⁹⁰

88 Ф. де Соссюр. Курс общей лингвистики. М., 1933, стр. 40.

89 T. Sebeok. La communication chez les animaux. "Rev. int. sc. soc.", v. XIX, 1967, N 1.

90 Л.С. Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956, стр. 50-51.

Казалось бы, животное тоже способно к обобщению, поскольку оно может производить функциональное отождествление материально различных и функциональное размежевание материально сходных сигналов. Можно ли, однако, ставить здесь знак равенства? Можно ли считать, что слово имеет для человека фиксированное значение постольку, поскольку оно что-то замещает, поскольку оно "стоит вместо", *is standing for*, другого, неречевого сигнала?

Конечно, нет, и между животным и человеком здесь лежит пропасть. Человек реагирует не на сам знак как физическое явление, не на его "означающее". Так дело обстоит только у животных, "понимающих" человеческую речь — например, у собаки. И совсем не случайно у собаки нет фиксированной стратегии восприятия слов человеческой речи: она, как показано многочисленными экспериментами, начиная с классических опытов Бойтендайка,⁹¹ при подобном восприятии ориентируется прежде всего на акустически доминантные признаки речевого сигнала. Человек реагирует на "означаемое" знака, на значение слова — или, если говорить точнее, вообще на те признаки знака, которые конвенциональны и непосредственно не сводимы к тождеству материального звучания. "...Звуки, издаваемые животными, обладают одной общей всем чертой: они самой природой соответствующих животных организмов предназначены для того, чтобы выражать именно то, что они в действительности выражают... Между тем слова, принадлежащие собственно человеческому языку, отличаются способностью принимать все новые значения... Характер необходимости им совершенно чужд. Им не соответствует во внешнем мире ничего непосредственно чувственного".⁹²

⁹¹ См. P. J. Buytendijk. *Traité de psychologie animale*. Paris, 1959.

⁹² И.А. Бодуэн де Куртене. Избранные труды по общему языкознанию. Т. I, М., 1963, стр. 261-262. Говоря о "непосредственно чувственном", Бодуэн имеет в виду, что функциональная специфика слова человеческого языка не сводится к его материальной форме, доступной для непосредственного восприятия.

Между тем это различие часто недооценивается. Значение понимается именно как способность замещения и, только (ср. хотя бы распространенную концепцию Огстуда, в конечном счете восходящую к "контекстуальной теории значения" Титченера). А "социальность" слова (или значения слова) — это при таком понимании всего лишь общность способа замещения у многих людей, общность конвенциональных признаков. В лучшем случае имеется в виду навязанность отдельному говорящему того или иного употребления социальной средой (ср. "коллективные представления" Дюркгейма) или границы вариативности употребления данного слова, поставленные общением с другими людьми.

А если так, то значение слова перестает быть социальным фактом, если социальный аспект оказывается чисто внешним, случайным. Общество выступает на сцену лишь как механический передатчик частной инициативы от одного индивида к другому.

В этом случае человечество понимается как совокупность индивидов, биологических единиц, живущих сами по себе в биологическом мире и лишь иногда объединяющихся с другими индивидами для каких-то целей. Это, как известно, не соответствует действительности, и ниже мы попытаемся развернуть альтернативную концепцию.

Человек как субъект психических процессов и отношений "не сводим к субъекту сознания и воли, но есть субъект деятельности, которая образует собой весь культурный мир общественного человека, человеческую действительность. Деятельность и есть "способ бытия" всей этой действительности, а никоим образом не процесс, замкнутый в одних лишь сознательно предусмотренных и воле адекватных ее аспектах, в одних лишь феноменах "дурной" субъективности... Он (человек) постигает мир... не как завершенную и замкнутую в ее субстанциальности систему "данностей", а как мир-проблем, решая которые, человек одновременно и наследует, и "достраивает" субстанциальность природы в творимой им истории куль-

туры".⁹³ Этот важнейший марксистский тезис⁹⁴ как нельзя более ясно выступает, в частности, в критике Марксом Фейербаха. Так, первый тезис о Фейербахе, как известно, гласит: "Главный недостаток всего предшествующего материализма... заключается в том, что предмет, действительность, чувственность берется только в форме объекта, или в форме созерцания, а не как человеческая чувственная деятельность, практика, не субъективно" (3, стр. I). Ср. также в "Немецкой идеологии" критику Марксом и Энгельсом Фейербаха за то, что тот рассматривает человека лишь как "чувственный предмет", а не как "чувственную деятельность" и "никогда не достигает понимания чувственного мира как совокупной, живой, чувственной деятельности составляющих его индивидов" (3, стр. 44).

В процессе деятельности происходит, с одной стороны, опредмечивание свойств и способностей общественного человека ("особых человеческих сущностных сил") в "предметах природы" (Маркс), с другой — как бы "распредмечивание" действительности, раскрытие и усвоение человеком сущности этих "предметов природы", развитие человеческих способностей и форм деятельности на основе включения в деятельность новых объективных свойств и качеств предметов действительности. Каждый из этих предметов есть таким образом двусторонняя, точнее — двуединая, единая в своей двусторонности сущность. Он, во-первых, есть реальный, "естественный", чувственный предмет, и, "включая предмет в систему деятельности и тем самым в систему своей культуры, человек населяет его огромным множеством идеальных значений, совершенно отличных от реального изменения его реальной фор-

93

Г.С. Батищев. Деятельная сущность человека : как философская проблема. "Проблема человека в современной философии". М., 1969, стр. 81.

⁹⁴ Не следует смешивать эту сторону марксистского философского материализма с псевдомарксистской "философией практики", развиваемой некоторыми югославскими учеными.

мы: предмет "означает" все то, что деятельность заставляет его "обозначать" (3, 105).⁹⁵ Он, во-первых, есть источник, из которого человек (индивид) берет материал для того, чтобы строить себя как субъекта, как личность, свое деятельное сознание. Здесь мы сталкиваемся с процессом идеализации, превращения реальных предметных форм в идеальные формы благодаря использованию знаков, знаковых систем. "Без постоянно возобновляющейся идеализации реальных предметов общественно-человеческой жизнедеятельности, без превращения их в идеальное, а тем самым и без символизации человек вообще не может выступать в качестве действительного агента, деятельного субъекта общественного производства материальной и духовной жизни общества".⁹⁶

Язык (речь) выступает в этом процессе в двух видах, в двух различных функциях. С одной стороны, это то, что он является "непосредственным телом идеального образа внешней вещи",⁹⁷ т.е. основной составной частью системы обозначимых форм и способов внешнего выражения идеальных явлений. С другой, однако, он — как и другие предметы действительности — "имеет чувственную природу".⁹⁸ Мы уже видели, что такое для Маркса "чувственность". Поэтому к языку в полной мере относится сказанное ранее о других "предметах природы". Он выступает как продукт специфической, адекватной ему деятельности: в языке как общественном достоянии, как части культуры общества, как элемент общественно-исторического опыта, откладываются, опредмечиваются развивающиеся в индивидуальном порядке (хотя и под воздействием общест-

⁹⁵ Г.С. Батищев. Указ. соч., стр. 105. Было бы точнее оговориться здесь, что то, как предмет включается в деятельность, определяется в очень большой мере его объективными свойствами (хотя можно, конечно, и заколачивать гвозди амперметром). А значит, деятельность не "свободна" в том, что именно заставить означать данный предмет.

⁹⁶ Э.В. Ильенков. Идеальное. "Философская энциклопедия", т. 2, М., 1962, стр. 225.

⁹⁷ Там же, стр. 224.

⁹⁸ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 596.

ва) и непосредственно испытывающие на себе воздействие социальной среды речевые умения отдельных носителей языка, членов языкового коллектива. Но он, кроме того, еще и объективная основа речевой деятельности индивида. Носитель языка, во-первых, формирует свою речевую (языковую) способность, усваивая язык в его предметном бытии и превращая его, по известному выражению Маркса, в "форму деятельности" (особенно ясно этот процесс виден при усвоении неродного языка). Во-вторых, и в процессе речи, при наличии уже сложившейся языковой способности, он постоянно ориентируется на систему и норму языка, строя речь так, чтобы не нарушить известных требований к ее осуществлению — даже если эти требования не вытекают непосредственно из необходимости полного и адекватного понимания речи.

Таким образом, ключ к пониманию места языка в жизни и деятельности общественного человека лежит прежде всего в марксовской идее "чувственной деятельности", адекватной объективным свойствам языка как предмета, в трактовке языка не просто как закономерного звена фиксированной системы отношений индивида к реальной внечеловеческой и человеческой действительности, но главным образом как средства, орудия активной познавательной и продуктивной деятельности человека в этой действительности. И далее (*last but not least*) — в четком понимании соотношения предметной действительности, языка и мира идеального, т.е. в последовательной трактовке языка как одной из форм взаимодействия субъекта и объекта человеческой деятельности, как своего рода "мостика", связывающего совокупный опыт и совокупную деятельность общества, человеческого коллектива, с психикой, сознанием, личностным опытом отдельного члена этого коллектива, как условия и формы существования идеальных явлений.

Уже на этой ступени нашего рассуждения становится очевидной неправомерность одностороннего представления о языке как форме замещения и закрепления элементов чувственного познания. Такая функция, несомненно, у языка име-

ется. Но ошибочно, как это делает, например, Б. Исмаилов, сводить роль языка в познании только к этому. По мнению указанного автора, "скачок от чувственного к рациональному при помощи слова заключается в том, что отвлекаемые и обобщаемые стороны чувственных вещей "отрываются" от прочих их сторон и свойств, соединяются с чувственной материей слова и при помощи слова превращаются в нечувственную форму сознания - в понятие... Содержание чувственного образа, все более обобщаясь, не умещаясь в рамках наглядности и выходит из них".⁹⁹ Легко видеть, что при таком подходе мы рассматриваем человека, во-первых, как существо *par excellence* созерцающее, пассивно впитывающее информацию из внешнего мира, из "среды". И, что особенно важно, человек выступает, во-первых, как "голая индивидуальность", а не как общественный человек; его психика отличается от психики животного лишь количественно, но ничуть не качественно.

Так ли это? Несомненно, не так.

"Все особи, относимые нами к одному виду, именно потому и принадлежат к нему, что связаны некоторой суммой общих всем им свойств, унаследованной от общего родоначальника".¹⁰⁰ Каждое вновь рождающееся животное воспроизводит в своей биологической природе изменения, накопившиеся за всю историю вида. И то, что специфично для вида и реализуется в индивидуе - это прежде всего морфологические признаки, особенности строения тела животных. Прогрессивное развитие, эволюция в мире животных сводится к улучшению биологической приспособленности животных данного вида к условиям жизни этого вида.

⁹⁹ Б. Исмаилов. Язык и познание мира. Ташкент, 1969.

¹⁰⁰

В.Л. Комаров. Учение о виде у растений. М.-Л., 1944. стр. 207.

Темпы развития человека совершенно не сравнимы с темпами эволюции в животном мире: за время, прошедшее от появления первого каменного топора на деревянной ручке до первого полета человека в космос, лошадь, например, едва успела сменить три пальца на копыто. Но при таких невероятных темпах эволюции морфологические признаки человека существенно не изменились: если бы можно было одеть кромагонца в европейский костюм и пройти с ним по улицам современного города, никто, пожалуй, и не обернулся бы. Значит, эволюция вида "человек" протекала в какой-то иной, а не в биологической сфере, и накопление видовых признаков опыта происходило не в форме морфологических изменений, а в какой-то иной. Эта сфера — сфера социальной жизни человека, эта форма — закрепление достижений человеческой деятельности в общественно-историческом опыте человечества. Теперь видовой опыт отражается не в изменении, скажем, строения руки человека, а в изменении того орудия, которым рука действует, т.е. закрепленных в этом орудии, обобщенных в нем приемов и способов действия с ним. "В орудиях труда человек приобретает как бы новые органы, изменяющие его анатомическое строение. С того времени, как он возвысился до их употребления, он придает совершенно новый вид истории своего развития: прежде она, как у всех остальных животных, сводилась к видоизменениям его естественных органов; теперь она становится прежде всего историей усовершенствования его искусственных органов".¹⁰¹

Оттого и темпы эволюции человека несоизмеримы с темпами эволюции у животных, что человек никогда не сталкивается с природой, как животное, один на один: даже Робинзон Крузо на своем острове имел в своем распоряжении многовековой опыт всего человечества.

¹⁰¹

Г.В. Плеханов. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. — Избранные философские произведения, т. I. М., 1956, стр. 610.

Отношение человека к природе опосредовано его отношением к обществу: он всегда может вволю черпать необходимые навыки, умения, способности из общей кладовой социально-исторического опыта человечества, не дожидаясь, пока природа поставит его перед необходимостью выработать все эти способности в порядке индивидуального приспособления. И возвращаются эти способности "с процентами": особенности жизни и деятельности одного человека или группы людей обогащают не только их личный опыт, но и коллективный, социально-исторический опыт. Уатту достаточно было однажды изобрести паровой двигатель (или, точнее, обществу было достаточно, чтобы паровой двигатель был однажды открыт Уаттом), Колумбу — однажды открыть Америку, Рафаэлю — однажды создать Сикстинскую мадонну.

Можно сказать, что человек всегда как бы на один шаг опережает природу, не давая ей застать себя врасплох, в то время как животное на шаг отстает от природы. Человек учится на ошибках, — а еще более на достижениях, — других людей, животное же — только на своих собственных.

Но если принять тот тезис, что эволюция человека есть прежде всего эволюция его искусственных органов,¹⁰² то очевидно, что субъектом этой эволюции, равно как и вообще взаимоотношений с природой, является не человеческий индивид, а человеческий род как целое, социум. С биологической средой взаимодействует не отдельный человек, а человеческое общество в целом; именно поэтому внутри этого общества теряют силу такие законы эволюции, как например, закон естественного отбора. Недаром название самого морального принципа, отрицающего правомерность, "естественность" естественного отбора, — мы имеем в виду гуманизм, — произведено от имени человека.

¹⁰² Ср. H. Pieron. Le developpement de la pensée conceptuelle et l'hominiisation. "Les processus de l'hominiisation". Paris, 1958.

Сказанное распространяется не только на практическую, трудовую деятельность человека, опосредствуемую орудиями труда, но и на его теоретическую, в первую очередь познавательную деятельность, опосредствуемую тем, что Л.С. Выготский называл "психологическими орудиями", т.е. знаками. Будучи включено в процесс поведения, психологическое орудие так же видоизменяет все протекание и всю структуру психических функций, как техническое орудие видоизменяет процесс естественного приспособления, определяя форму трудовых операций".¹⁰³

Усваивая значения слов, ребенок усваивает аккумулярованные в этих словах элементы общественной практики, например, объективно значимые свойства предметов. Язык является для ребенка передатчиком общественных знаний человечества о мире. И усвоение языкового знака — это в первую очередь "распредмечивание" его значения, усвоение опредмеченных в слове способов его употребления — включая сюда как семантику, т.е. означение, так и синтаксис (правила сочетания знаков) и прагматику.

Но если так, то значит, говоря о человеке как биологическом существе, игнорируя то, что субъектом в его взаимоотношениях с природой, с окружающей действительностью выступает не индивид, а социум (или, точнее, индивид как представитель социума, как носитель социальных, а не только биологических признаков), мы допускаем не только философскую, но и собственно психологическую некоррекцию. Между тем в ряде направлений современной психологии, в частности, психологии речевого общения, мы сталкиваемся именно с таким — биологизирующим пониманием. Охарактеризуем хотя бы точку зрения Э. Леннеберга по этому вопросу. Наследственность, по его мнению, обеспечивает индивиду "готовность к языку" (language readiness), в которой мы находим "латен-

¹⁰³ Л.С. Выготский. Развитие высших психических функций. М., 1960, стр. 255.

тную языковую структуру" (latent language structure); приобретение человеком языка есть процесс "актуализации", превращения этой латентной структуры в реальную. "Социальные условия могут рассматриваться как своего рода спусковой крючок, включающий реакцию. Может быть, лучшей метафорой будет понятие резонанса".¹⁰⁴ При этом характерно, что индивид рассматривается как *causa sui*: причиной его языкового развития является исключительно внутренняя "потребность" (need), но ни в коей мере не "произвольные внешние факторы", как например, влияние окружающих ребенка взрослых.

Даже если не обращаться к теоретико-методологической стороне проблемы, эти тезисы Леннеберга не представляются бесспорными. Приведем для экономии места только два примера. Исследуя структуру процесса восприятия речи, и в частности механизм перекодировки акустических образов в субъективные признаки, В.И. Галунов вслед за Л.А. Чистович показал, что эти субъективные признаки ни в коей мере не являются врожденными и не просто актуализируются, но заново формируются в процессе обучения.¹⁰⁵ Относительно роли "внешних факторов" в свое время убедительный материал, как известно, привели А.Р. Лурия и Ф.Я. Юдович, наблюдавшие над пятилетними близнецами с задержанным речевым развитием и весьма развитой автономной речью до и после изменения внешней ситуации (оба ребенка были помещены в детский сад, а один из них проходил систематическое обучения речи).¹⁰⁶

Весьма показателен тот факт, что в книге Леннеберга, безусловно представляющей собой выдающееся явление в психологической литературе о речи, прекрасно аргументировано биологическими, анатомо-физиологическими и патопсихологическими данными только то, что относится к низшим уровням ре-

¹⁰⁴ Е.Н. Lenneberg. Biological foundations of language. N.Y., 1967, стр. 378.

¹⁰⁵ См. В.Н. Галунов. Структура множества речевых образов. Автореф. канд. дисс. Л., 1967.

¹⁰⁶ А.Р. Лурия и Ф.Я. Юдович. Речь и развитие психических процессов у ребенка. М., 1956.

чевой организации речи и тем более — к проблемам значения.

Итак, еще раз повторим основную мысль предшествующей части этого параграфа: язык есть орудие активной деятельности человека, одна из форм взаимодействия субъекта и объекта деятельности, связующее звено между общественно-историческим опытом и коллективной деятельностью общества, с одной стороны, и с другой — психикой, сознанием, личностным опытом отдельного человека.¹⁰⁷ Именно в этом своем качестве слово (или какая-либо иная языковая единица) выступает как знак. Перейдем к более подробному анализу этого понятия.

Познавая действительность, познавая предметы и явления в их связях и отношениях с другими предметами и явлениями, человек выделяет в этих предметах существенные признаки (существующие с точки зрения общественной практики), абстрагирует их, закрепляет и передает другим людям, которые проецируют закрепленное таким образом общественное знание, общественный опыт на новую действительность, опосредуя им свое познание. Этот процесс переживает историческое развитие, проходя по крайней мере два последовательных этапа.

Первым, относительно простым способом закрепления общественного знания является то, что Л.С. Выготский условно называл "удвоением" предмета, т.е. проецирование выделенных и абстрагированных признаков предмета непосредственно на сам этот предмет, как бы взгляд на него с другой точки зрения — тот взгляд, который, по Энгельсу, отличает глаз человека от глаза орла. На этом этапе "обобщение означает, что из конкретного содержания предметов выделяются черты и свойства, которые существенны для действия и являются его специфическим объектом. Выделяются, но не отделяются! Когда же действие переносится в речевой план, эти средства закрепляются за отдельными словами, превращаются в значение слов, отрываются от конкретных вещей и таким путем становятся абстракциями...

¹⁰⁷

Ср. А.Г. Спиркин. Сознание и самосознание. М., 1972, стр. 214.

Перенесение действия в речевой план означает не только выражение действия в речи, но прежде всего речевое выполнение предметного действия — не только сообщение о действии, но действие в новой, речевой форме".¹⁰⁸

По-видимому, некоторые идеи, выработанные школой Л.С. Выготского применительно к особенностям онтогенетического развития языкового мышления, могут быть использованы при анализе его филогенеза. Разумеется, в постановке вопроса здесь имеются принципиальные отличия. В первом случае мы имеем исторически сложившуюся систему знаний, умений, способностей, "задаваемую" каждому индивиду для усвоения и с той или иной степенью полноты усвояемую (по Марксу, "присваиваемую") им. Во втором случае налицо двусторонний процесс возникновения этой системы, с одной стороны, и психофизиологических предпосылок для формирования соответствующих способностей у индивида — с другой. Мы будем подходить к вопросу с этой точки зрения, отвлекаясь пока от исследования соответствующей социальной системы.

Остановимся прежде всего на противоположности специфически человеческого умственного действия, т.е. мысли, и высших форм поведения животных. У животных принципиально невозможен процесс интериоризации, так как у них немислимо формирование новых действий по образцу,¹⁰⁹ лежащее в основе присвоения человеком социальные исторического опыта. "Формирование новых действий идет у них двумя путями: или путем проб и ошибок с постепенным отсевом неудачных движений, или на основе восприятия правильного пути между предметами; в обоих случаях контролем служит только подкрепление или неподкрепление. Даже подражание является у животных лишь

¹⁰⁸ П.Я. Гальперин. Развитие исследований по формированию умственных действий — Психологическая наука в СССР, т. I, М., 1959, стр. 456.

¹⁰⁹ Т.е. осознанное подражание, предполагающее понимание по крайней мере цели и средств действия и умения повторить действие с любым материалом и в изменившихся конкретных условиях. См. П.Я. Гальперин. Указ. соч., стр. 447-448.

одним из средств второго пути... Действие по заданному образцу выражает общественную природу человеческого обучения, а контроль за этим действием — характерное общественное отношение к своему действию: как бы со стороны других людей и с помощью ими данного критерия".^{IIО}

Таким образом, действие по заданному образцу, сопровождаемое контролем, "удвоенное", предполагает общественный контроль, осуществляемый в социальных, экстерниоризованных формах. Какими могли быть формы такого контроля у истоков формирования языкового мышления? Они не могли быть иными, кроме абстракций действия, закрепленных во внешней, следовательно, кинестетической или речевой форме. Едва ли, впрочем, мы вправе говорить здесь о "кинестетической или речевой" форме, так как процесс абстрагирования непременно должен был иметь связь с обеими этими формами. С одной стороны, дальнейший переход к чисто речевому действию необходимо предполагает отделение действия от конкретного предмета, от конкретного предмета, от конкретной предметной ситуации, принципиальную возможность его имитации; по А. Валлону,^{III} в основе такого отделения лежит ритуальное использование действия. С другой стороны, этот переход предполагает на каком-то этапе сосуществование этих форм.

По-видимому, когда речевое действие еще не было отделено от предметного, система речевых средств выступала в двойной функции. С одной стороны, это была форма обобщения действия, первичная форма мышления наряду с мышлением "ручным", кинестетическим. (При этом следует иметь в виду, что конкретные предметные условия действия едва ли отражались в речи даже в обобщенной форме: не случайно даже в большинстве современных языков мира орудия и предметы труда называются, как правило, по действию). С другой стороны, необхо-

^{IIО} П. Я. Гальперин. Указ. соч., стр. 461.

^{III} См. А. Валлон. От действия к мысли. М., 1956.

димость обобщения сама по себе не приводит к необходимости перехода от предметного к чисто речевому действию и, следовательно, у речевого действия должны были быть какие-то дополнительные преимущества по сравнению с предметным.

Мы не можем допустить, что таким преимуществом являлась членораздельность речи со всеми вытекавшими из нее последствиями, так как членораздельность, как это видно из палеоантропологических данных,¹¹² — достижение сравнительно позднего этапа в развитии языкового мышления. Вероятно, речевые средства уже использовались в какой-то функции, отличной от функции обобщения, но совместимой с ней. И естественно предположить, что такой функцией и была функция общения, коммуникативная функция.

Как видно из сказанного, на этапе "удвоенного" действия у нас еще нет оснований говорить о знаковости. Она связана со следующим этапом развития описываемого способа познания действительности, начинающимся тогда, когда общественно значимые признаки предметов и явлений закрепляются в особой, специфической форме — форме так называемых квази-объектов.¹¹³

Понятие квазиобъекта введено советскими философами в связи с анализом марковского понятия "превращенной формы" — понятия, неоднократно встречающегося на страницах "Теорий прибавочной стоимости" и "Капитала". Особенность превращенной формы, "отличающая ее от классического отношения формы и содержания, состоит в объективной устраненности здесь содержательных определений: форма проявления получает самостоятельное "сущностное" значение, обособляется, и содержание

¹¹² См. например: В.В. Бунак. Происхождение речи по данным антропологии. "Происхождение человека и древнее расселение человечества", М., 1951, стр. 232-233; А.А. Леонтьев. Возникновение и первоначальное развитие языка. М., 1963, стр. 69 и след., 85.

¹¹³ Сам термин "квазиобъект" не представляется нам удачным. Однако, чтобы не вводить дополнительных терминологических сложностей, мы будем придерживаться его в тексте настоящей работы.

заменяется в явлении иным отношением, которое сливается со свойствами материального носителя (субстрата) самой формы (например, в случаях символизма) и становится на место действительного отношения. Эта видимая форма действительных отношений, отличная от их внутренней связи, играет вместе с тем — именно своей обособленностью и бытийностью — роль самостоятельного механизма в управлении реальными процессами на поверхности системы. При этом связи действительного происхождения оказываются "снятыми" в ней... Прямое отображение содержания в форме здесь исключается".^{II4} Примером может являться денежная форма, которая является превращенной товарной. В превращенной форме важна, во-первых, сама "превращенность" отношений, во-вторых, ее качественно новый характер. Структуру превращенной формы "можно представить в виде следующей последовательности: выключение отношения из связи — восполнение его иной предметностью и свойствами — синкретическое замещение предшествующего уровня системы этим формообразованием".^{II5}

Итак, квазиобъект, будучи подставлен на место системы отношений, в которую включен своими существенными признаками познаваемый нами предмет или явление, как бы "привязывает" "проявление этих отношений к какой-либо субстанции, конечной и нерасчленимой", и восполняет их "в зависимости от ее "свойств".^{II6} Отсюда возникают "мнимые предметы": труд и капитал, знаки языка и т.д. "В этих предметах нет и на деле не может быть непосредственной связи между стоимостью и трудом, между знаком и объектом и т.д."^{II7} При определенных условиях эти мнимости мистифицируют сознание, выступая в качестве "независимых" от человека, наделенных видимой "самостоятельностью" феноменов (отсюда фетишизм, феномены духовного отчуждения и т.п.).

^{II4} М. Мамардашвили. Форма превращения. "Философская энциклопедия", т. 5, М., 1970, стр. 387.

^{II5} Там же, стр. 387.

^{II6} Там же, стр. 388.

^{II7} Там же, стр. 388.

Очерченное понимание исключительно важно и для собственно психологического исследования, для полноценной марксистской трактовки явлений сознания. Оно прежде всего требует отвлечения от замкнутого "в себе" изучения механизмов индивидуального сознания. "Чтобы проникнуть в процессы, происходящие в сознании, Маркс производит следующую абстракцию: в промежутке между двумя членами отношения "объект (вещественное тело, знак социальных значений) - человеческая субъективность"; которые только и даны на поверхности, он вводит особое звено: целостную систему содержательных общественных связей, связей обмена деятельностью между людьми, складывающихся в дифференцированную и иерархическую структуру. Затем он изучает процессы и механизмы, вытекающие из факта многократных переплетений и наслоений отношений в этой системе, по уровням и этапам которой объективно "растекается" человеческая деятельность, ее предметно закрепляемые общественные силы.

Введение этого посредствующего звена превращает все отношение, в рамках которого сознание изучалось. Формы, принимаемые отдельными объектами (и воспринимаемые субъективно) оказываются кристаллизациями системы (или подсистем) отношений, черпающими свою жизнь из их сочленений. А движение сознания и восприятия субъекта совершается в пространствах, создаваемых этими же отношениями, или, если угодно, ими замыкается. Через эти отношения и должен пролегать реальный путь изучения сознания, то есть того вида сознательной жизни мотивов, интересов и духовных смыслов, который приводится в движение данной общественной системой".¹¹⁸

"Объективные мыслительные формы" - смыслы, значения и т.п. - это и есть результат движения в "пространстве" ре-

118

М.К. Мамардашвили. Анализ сознания в работах Маркса. ВФ, 1968, № 6, стр. 17. Подчеркнуто нами -А.Л.

альных отношений, но не прямое отображение этих отношений. Будучи перенесены на квазиобъект и в этом качестве став достоянием сознания, признаки, свойства, отношения действительности претерпевают кардинальное преобразование: форма, в которой они выступают, оказывается "снятой", свернутой, переструктурированной и дополненной тем, что содержится уже в самом квазиобъекте. Отсюда огромной важности гносеологическая задача - при каждом анализе конкретной "превращенной формы" четко разделять те связи, признаки и отношения, которые перенесены нами на квазиобъект и преобразованы в нем, и те, которые мы находим в самом квазиобъекте, которые образуют его сущность и специфику.

Как уже отмечалось выше, язык есть именно такая система квазиобъектов, где на место реальных отношений подставлена их "видимая форма". Если понимать язык таким образом, то ряд псевдопроблем в исследовании языкового знака сам собой отпадает, как например "проблема" идеальности и материальности знака, "проблема" предметной отнесенности (и вместе с ней знаменитый "треугольник" Огдена-Ричардса и все его модификации в последующих работах других авторов). То, что дано нашему сознанию в наблюдении, то в языке, что предде-
жит сознанию, ни в коей мере не исчерпывает сути дела. Поэтому - то семиотический и лингвистический подходы к знаку при всей видимой тонкости анализа принципиально не могут вскрыть его сущности.

Понятие квазиобъекта как "превращенной формы" действительных отношений неразрывно с марксистско-ленинским толкованием понятия идеального. Квазиобъект, прежде всего языковой знак, как раз и является "непосредственным телом идеального образа внешней вещи", ^{II9} основной составной частью системы общезначимых форм и способов внешнего выражения идеальных явлений, продолжая в то же время иметь "чувственную природу" (Маркс). Естественно, что при этом мы не

^{II9} В.В. Ильенков. Идеальное. "Философская энциклопедия", т. 2, М., 1962, стр. 224.

можем забывать, что само идеальное "непосредственно существует только как форма (способ, образ) деятельности общественного человека, т.е. вполне предметного, материального существа, направленной на внешний мир. Поэтому, если говорить о материальной системе, функцией и способом существования выступает идеальное, то этой системой является только общественный человек в единстве с тем предметным миром, посредством которого он осуществляет свою специфически человеческую жизнедеятельность. Идеальное ни в коем случае не сводимо на состояние той материи, которая находится под черепной крышкой индивида, т.е. мозга... Идеальное есть особая функция человека как субъекта общественно-трудовой деятельности, совершающейся в формах, созданных предшествующим развитием".¹²⁰ Идеальный образ "опредмечен в теле языка".

Понятие знака, собственно, и возникает как следствие из такого понимания идеального. Знак — это квазиобъект в его отношении к реальному объекту, как его заместитель в определенных ситуациях деятельности.¹²¹ Квазиобъект, выступая как знак, может сохранять свое "материальное существование" (Маркс), свое "вещественное бытие". Но у знаков "функциональное бытие поглощает, так сказать, их материальное бытие"²³, 140. Это означает, что в качестве знака (по терминологии Э.В. Ильенкова — "символа") может выступать сама вещь как таковая ("когда, например, руководитель работ в первобытном обществе в определенной ситуации брал в руки топор, то это воспринималось как приказ начать, скажем, рубку леса").¹²² Но эта его материальная, вещественная оболочка является для него чем-то несущественным, и "далее материальное тело этой вещи приводится в согласие с ее функцией.

В результате символ превращается в знак, то есть в предмет, который сам по себе не значит уже ничего, а только представляет, выражает другой предмет, с которым он

¹²⁰ Э.В. Ильенков. Идеальное. "Философская энциклопедия", т. 2, М., 1962, стр. 221. Подчеркнуто нами — А.Л.

¹²¹ Ср. А. Полторацкий, В. Швырев. Знак и деятельность. М., 1970, стр. 16-18.

¹²² Там же, стр. 27.

непосредственно не имеет ничего общего, как, например, название вещи с самой вещью".¹²³ Это - путь к появлению языкового знака, который и есть, таким образом, знак "в чистом виде", знак, "материя" которого подчинена его функциональному бытию.

Известную сложность представляет, однако, тот факт, что под одним и тем же названием "знака" в практике научного исследования выступают три различных аспекта, по существу три несовпадающих понятия. Это, во-первых, знак как реальный компонент реальной деятельности, как вещь или материальное языковое "тело", включенное в деятельность человека (знак₁). Это, во-вторых, знак как идеальный образ, как эквивалент "реального знака" в обыденном сознании (знак₂). (Вслед за Е.Н.Соколовым)¹²⁴ мы вправе понимать этот внутренний образ как внутреннюю модель, в известном (но ограниченном!) смысле программирующую деятельность субъекта благодаря тому, что она соответствующим образом моделирует внешний мир). Для языковых знаков выделение этого аспекта особенно существенно в связи с понятием значения (см. об. этом ниже). Наконец, в-третьих, под знаком можно понимать продукт научного осмысления структуры и функций объективного знака, т.е. знаковую модель (знак₃). Все три аспекта, как правило, нечетко разграничиваются или вообще не разграничиваются в практике научного исследования. Между тем для наших - психологических - целей их разделение исключительно важно.¹²⁵

Для отдельно взятого человека, для субъекта психической деятельности знак предстает в двух ипостасях, как эле-

¹²³ Э.В. Ильенков. Идеальное, стр. 224. Ср. Ср. также А.М. Коршунов. Теория отражения и творчество. М., 1971, стр. 31.

¹²⁴ Е.Н. Соколов. О моделирующих свойствах нервной системы. "Кибернетика, мышление, жизнь", М., 1964.

¹²⁵ Быть может, целесообразно ввести вместо одного термина "знак", получившего в тексте данной работы цифровые индексы, соответственно понятия знака (знак₁), знакового образа (знак₂) и знаковой модели (знак₃).

мент двух различных проблемных ситуаций. С одной стороны, знак есть субъективный заменитель действительности, есть то, что выступает перед субъектом как "носитель" объективных признаков соответствующего предмета или явления, как превращенная форма реальных связей и отношений, в которые этот предмет вступает в деятельности. Перед субъектом стоит задача вернуть квазиобъект в мир реальных объектов. Объективно знак предстает субъекту как реальный знак (знак₁). Но субъективно он имеет дело с тем, что М.К. Мамардашвили удачно называет "фигурой сознания", т.е. с таким бытием знака как квазиобъекта, в котором реальное социальное значение этого знака как бы "смещено" и преобразовано (знак₂). Его сознание в этом случае остается "созерцающим сознанием". Он лишь "переводит" знак на "язык" своей реальной жизни, но не способен – в обычном случае выйти за пределы ограниченности своего представления об этой реальной жизни. Значение знака – это форма, в которой "субъект фиксирует и переживает свой социальный опыт сознания, не проникая в его реальные пути и генезис".¹²⁶

Но, с другой стороны, знак используется субъектом и в ином качестве – как то, что опосредует коммуникативное намерение субъекта. Здесь отношение знака₁ и знака₂ как бы перевернуто: коммуникатор имеет конечной целью создание у реципиента знака₂, и для этой цели он должен объективизировать соответствующее содержание в знаке₁. В сущности, вся основная психологическая проблематика речевого воздействия, и прежде всего массовой коммуникации, и может быть сведена к динамике соотношения общественно-трудовой деятельности реципиента, подлежащих ему квазиобъектов и субъективных образов его сознания, отражающих эти квазиобъекты. Именно в этом смысле А.А. Брудный говорит о двух возможных подхо-

¹²⁶ М.К. Мамардашвили. Анализ сознания в работах Маркса, стр. 21.

дах к речевому выражению мысли. 127

Иными словами, возможны два пути анализа при интерпретации сущности знака. Можно отталкиваться от тех свойств реальных объектов, которые используются в деятельности как функциональные характеристики знака – иначе говоря, можно рассматривать готовый знак и соотносить его с объективной предметной и общественной действительностью и с предметной деятельностью человека в этой действительности. Возможен и другой путь: проследить, как человек "воплощает" в знак свое восприятие и осмысление действительности, как он использует знак для того, чтобы передать другому человеку определенное психическое содержание (если вообще можно говорить о таком содержании вне его знакового воплощения). В первом случае мы анализируем знак через процессы понимания, через переход от объективного к субъективному, от знака к мысли. Во втором – через процессы объективизации субъективного коммуникативного намерения в знаке, через переход от мысли к знаку.

В обоих случаях мы неизбежно сталкиваемся с проблемой значения и смысла, психологические аспекты которой нуждаются в особом рассмотрении.

Нередко – в сущности, почти всегда – значение знака трактуется как нечто внешнее по отношению к нему. Причину

127 По его мнению (к которому мы полностью присоединяемся), "любую законченную мысль, выраженную словами, следует рассматривать в двух отношениях: в отношении к действительности, которую эта мысль должна отразить, и в отношении к людям, которые эту мысль должны понять. Рассматривая мысль в первом отношении, мы проверяем, адекватно ли она отражает объективный мир, верна ли она. Когда мы берем мысль во втором отношении, то проверяем, адекватно ли понимание мысли ее действительному содержанию". (А.А. Брудный. Коммуникация и сознание. "Известия АН Киргизской ССР", 1969, № 6, стр. 13). См. он же. Семантика языка и психология человека. Фрунзе, 1972. Интересную параллель этой концепции А.А. Брудного представляет теория, развиваемая У. Стефенсоном; см. W. Stephenson. Concourse theory of communication. (Preprint).

этого хорошо вскрыл А.М. Коршунов. Он пишет: "При вычленении отдельного знака из знаковой системы (и в более общем смысле - из знаковой ситуации в целом) в поле зрения исследователя прежде всего попадают те признаки, которые характеризуют его материальное тело, только "вещественное бытие" знака. А самое существенное в знаке - его "функциональное бытие" - никак не фиксируется и не отражается в полученной абстракции... Такой подход, независимо от субъективных намерений исследователя, является данью натуралистической трактовке знака. При этом и возникает дилемма: либо попытаться "вывести" репрезентативную функцию знака из особенностей его природного тела, либо отрицать объективный характер ее, объяснять ее возникновение исключительно активностью субъекта.

Но есть и иной путь выявления объективной обусловленности отношения знака к обозначенному предмету, который представляется нам верным в научном отношении. Он связан с тем, чтобы при анализе отдельного, единичного знака удержать не только природные, но и, так сказать, "сверхприродные" его свойства, т.е. те свойства, в которых выражается социально-обусловленный способ его функционирования, его "функциональное бытие". 128

Ранее мы уже вводили понятие "знаковой операции" и различие виртуального и реального знаков. В свете сказанного выше необходимость этих понятий выступает особенно ясно. Под знаковой операцией мы понимаем такой компонент деятельности (операцию или даже действие; в последнем случае целесообразно говорить о "знаковом действии"), который предполагает употребление знака как "стимула-средства" или "стимула-объекта" (Выготский). Под реальным знаком мы понимаем знак как элемент конкретной знаковой операции. "Виртуальный

128 А.М. Коршунов. Теория отражения и творчество, стр. 180-181. Ср. также А.М. Коршунов и А.Ф. Полторацкий. Знак как форма функционального отражения. "Вестник МГУ", серия Ум, философия, 1966, № 1.

знак — это известные особенности деятельности, отвлеченные от конкретных операций и атрибутированные соответствующему материальному объекту, т.е. закрепленные в знаковой форме, это — деятельность, опредмеченная в знаке".¹²⁹ Можно сформулировать это различие и иначе: виртуальный знак — это знак₁, взятый как квазиобъект со всеми потенциальными функциональными "наслоениями", знак в его функциональном бытии в обществе. Реальный знак — это знак как психологическое понятие, как такое понятие, введение которого необходимо для раскрытия психологической специфики высших форм деятельности. Это несколько упрощает анализ, так как позволяет в известном отношении свести соотношение "социального" и "психологического" представлений знака к соотношению виртуального и реального знаков.

В предшествующих работах, в том числе в книге "Язык, речь, речевая деятельность", мы, говоря о знаке, утверждали, что "знак не есть реальный предмет или явление действительности", но "модель, обобщающая функциональные свойства данного предмета". Эта формула, представляющая собой надежки полемики, может дать повод к неправильной трактовке нашей принципиальной позиции. Конечно, правильнее говорить, что знак есть предмет в его функциональных свойствах; с другой стороны, распространенное понимание термина "модель" в указанном смысле, правомерное для знака₂, едва ли удачно применительно к знаку₁ и знаку₂.

Присоединяясь к цитированным положениям А.М. Коршунова, следует признать односторонним и совершенно недостаточным сведение психологической сущности значения лишь к тому его аспекту, который обычно называется "предметной отнесенностью" или "предметным содержанием". Такое сведение упускается в ошибочное убеждение, что объективно лишь то и настолько, что и насколько непосредственно соотносено с миром

129

А.А. Леонтьев. Слово в речевой деятельности. М., 1965, стр. 26.

вещей, лежащим вне человека. Это едва ли правильное и последовательно марксистское утверждение. На наш взгляд, единственно закономерное понимание природы значения — это такое понимание, которое связывает значение с содержанием и структурой деятельности носителей языка — при условии, конечно, что сама эта деятельность будет пониматься как общественная по своей природе, а не только по своей внешней обусловленности.

Наше познание мира не есть пассивное его отражение. Оно по природе своей активно и связано с общественной практикой человечества. Поэтому едва ли можно говорить, что "язык моделирует реальный мир"; правильнее было бы сказать, что в языке, или, вернее, речевой деятельности, моделируется система отношений общественного человека к миру. Значение не есть отражение денотата в зеркале языка. Оно, если брать его в его психологическом аспекте, есть система констант речевой деятельности, обуславливающих относительно постоянное ее отношения к тому или иному классу предметов или явлений действительности — отношения, в свою очередь, обусловленного общественно-практическим опытом человечества.

Понятие значения, впрочем, употребляется в науках о человеке совершенно неоднозначно. С одной стороны, за этим термином стоит представление об объективной, социальной функции знака; в этом смысле значение совершенно неотделимо от знака, оно составляет не одну из его "сторон", а его сердцевину, то, без чего знак теряет свое бытие. С другой, за термином "значение" стоит чисто лингвистическое понятие; в этом смысле значение следует приписывать не знаку как таковому, а слову, морфеме — вообще языковым единицам. (Слово может быть, а может и не быть знаком, например, в персигнальном его употреблении; с другой стороны, в функции знака может выступать почти любая единица языка — от морфемы до предложения). Наконец, возможны различные уровни осознания значения, что исследовано крайне плохо.

Подведем итог сказанному ранее. Понятие знака (имеется в виду объективный знак, знак₁) крайне тесно связано с такими важнейшими гносеологическими (и имеющими и психологическую значимость!) понятиями, как идеальный образ, квази-объект, превращенная форма. В известном смысле знак есть гносеологическая техника; другой вопрос, что совершенно неправомерно, как это иногда делается, изображать эту технику как содержание гносеологических процессов, видеть в знаке не способ познания, а источник познания. Но не менее важно подчеркнуть и то, что неправомерно вырывать знак из системы деятельности общественного человека, что это понятие лишь тогда имеет право на существование в материалистической психологии, когда мы видим за ним весь тот сложнейший механизм взаимоотношений личности и общества, идеального и материального, деятельности и сознания, который обслуживается знаком. В противном случае это понятие просто-напросто теряет свой психологический смысл и либо вполне может быть редуцировано до знака₃ (знаковой модели), что переносит это понятие внутрь границ лингвистики (в лучшем случае семиотики), либо сводясь к знаку₂, приобретает совершенно неприемлемый для нас индивидуально-психологический характер. Другой вопрос, что мы еще не располагаем концептуальной системой, которая позволила бы нам исчерпывающим образом описать структуру и протекание знаковой деятельности человека.

Возвращаясь еще дальше к началу нашего рассуждения, вспомним о том, что общение не обязательно может быть знаковым. Сейчас мы можем высказать ту же мысль в несколько более детализированной форме: общение не обязательно может использовать квазиобъекты, а если использует их, то не обязательно эти квазиобъекты являются знаками, т.е. аккумулируют признаки, связанные со значением. Иными словами, усваиваемые нами в ходе общественно-практической деятельности в окружающей действительности знания об этой действительности совершенно не обязательно должны опредмечиваться, закрепляться в виде понятийных характеристик, в виде семантических компонентов или семантических признаков знака. Характерней-

шим примером может служить искусство, пользующееся специфическими квазиобъектами, а когда оно использует "чужие" квазиобъекты (например, языковые знаки), — наслаивающее на них принципиально новые функции.¹³⁰

Но особенно важно подчеркнуть, что в принципе интеллектуальная деятельность человека может реализоваться не только при помощи словесных знаков и вообще знаковых систем разных уровней. Мышление можно и должно рассматривать и "как деятельность, создающую науку и технику, то есть как реальный продуктивный процесс, выражающий себя не только в движении слов, а и в изменении вещей".¹³¹ Это гегелевская мысль, четко прослеживаемая и у Маркса (ср. его известную фразу об "овеществленной силе знания" из "Критики политической экономии", не говоря уже о популярнейшем месте из "Экономическо-философских рукописей 1844 г."), как известно, получила четкое психологическое осмысление в работах Л.С. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева. Однако, поскольку данная работа посвящена прежде всего речевому общению, мы позволим себе не останавливаться на этой стороне вопроса.

Итак, в том смысле, в каком мы говорили до сих пор о знаке, это понятие отнюдь не является общепринятым. Оно гораздо уже и в то же время, на наш взгляд, гораздо "функциональнее", чем то расплывчатое понятие знака, которое предлагает нам семиотика.

130

См. А.А. Леонтьев. Искусство как форма общения. "Психологические исследования". Тбилиси, 1973.

131

Э.В. Ильенков. К истории вопроса о предмете логики как науки. (Статья вторая). ВФ, 1966, № 1, стр. 33.

§ 4. Языковой знак как орудие познания и общения

В предшествующем изложении мы исходили из того, что знак, в частности языковой знак, сам по себе уже есть орудие общения и "техника познания". Однако это — упрощение реального положения дел, допустимое только на определенном этапе рассуждения.

Будучи взят сам по себе, знак, в частности языковой знак, не есть ни орудие познания, ни орудие общения. Он — лишь своего рода "клеточка", используемая для общения и общения действительности в составе более сложных "построек".

Эти постройки различны в зависимости от того, какой проблемной ситуации, какой задаче они отвечают. В наиболее общем виде мы сталкиваемся с двумя типами проблемных ситуаций: с познавательной (когнитивной) и с коммуникативной проблемной ситуацией.¹³² В одном случае мы имеем перед собой своего рода "информационный вакуум", который нам надо заполнить — и в этом смысле когнитивное использование системы языковых квазиобъектов ориентировано на потребности личности. В другом случае нам необходимо осуществить информационное равновесие в группе — и в этом смысле коммуникация ориентирована на непосредственно социальные потребности. Психологически мы сталкиваемся здесь с процессами мышления и восприятия, с одной стороны, и с процессами речи как таковой (речевого общения) — с другой.

Те структуры, в которые языковой знак входит как материал общения и материал обобщения, не тождественны. Это — структуры различных проблемных ситуаций использования языка. И в общении (речи), и в обобщении (мышлении, восприятии) мы используем языковые знаки как оперативные единицы,

¹³² Ср. в этой связи работы К.А. Абульхановой-Славской.

организуя решение той или иной стоящей перед ними задачи при их помощи. Способ такого использования не находится каждый раз *ad hoc*; существуют типовые, общественно закрепленные схемы проблемных ситуаций, существующие либо в форме правил использования знаков, либо в форме эталонных образов. Такие типовые отображения ситуаций в той же мере представляют собой единство общения и обобщения, как знаки; но если знак есть такое единство в потенции, то в соответствующей единице более высокого порядка мы находим одну из этих деятельностей в снятом виде, в виде превращенной формы.

Приведем пример. Если мы возьмем структуру предложения, в ней несомненно отражена структура когнитивной проблемной ситуации. Именно она рождает, например, различие тем и ремы ("актуальное" строение высказывания). Но эта структура присутствует в структуре предложения в неявном виде, мы не строим свое высказывание сознательно в соответствии с его когнитивным содержанием — в этом случае наша установка диктует нам приспособление к коммуникативной задаче, а когнитивный аспект остается как бы фоном, на котором происходит этот поиск. С другой стороны, когда мы стоим перед той или иной познавательной задачей, требующей участия речи — скажем, решаем задачу в речевой форме — мы при этом автоматически, как с чем-то данным, оперируем с грамматическими структурами, в которых точно так же коммуникативный аспект оказывается "снятым". Кстати, именно эта "снятость" и возможность замены реальных языковых структур в целях познания любыми другими функционально равнозначными (в когнитивном аспекте) структурами образует для человека потенциальную возможность использования для когнитивных целей не только внешней, но и внутренней речи. В сущности, внутренняя речь есть — в общем случае — не что иное, как использование коммуникативных структур для когнитивных целей; в этом ее важнейшее отличие от внутреннего программирования, которое представляет собой в функциональном плане как раз обратное явление — использование когнитивных структур для коммуникативных целей. Но если во внутреннем про-

Возвращаясь к речевому общению, еще раз укажем, что таким квазиобъектам, как знаки языка, адекватны два вида деятельности: деятельность познания (когнитивная) и деятельность общения. Выбор той или другой деятельности, включение квазиобъекта в ту или иную структуру зависит от той задачи, которая стоит перед субъектом. Это следует специально подчеркнуть: дело в том, что, разделяя вслед за большинством советских психологов понятие проблемной ситуации и задачи, мы считаем совершенно неверным искать специфику коммуникативного (или, соответственно, когнитивного) употребления знака в особенностях проблемной ситуации. Он становится элементом проблемной ситуации благодаря тому, что возникает та или иная задача.

Как уже отмечалось выше, когнитивный аспект языка выступает по крайней мере в трех ситуациях его использования. Мы имеем в виду, во-первых, язык как орудие общественного познания, как орудие получения обществом новых знаний. Именно языковая природа человеческого мышления в его развитых формах и обеспечивает для человека возможность оперировать образами и понятиями, формировать суждения и совершать умозаключения и в результате всего этого, не обращаясь непосредственно к предметной действительности, получать о ней новое познание. Во-вторых, язык является орудием индивидуального познания, способом решения отдельным человеком познавательной задачи. Разница между первой и второй ситуациями не носит психологического характера: никакое знание не может стать общественным прежде, чем оно не пройдет через "индивидуальную голову", и с психологической стороны безразлично, насколько результат познания общественно значим. В-третьих, язык является средством "распредмечивания" объективной действительности, важнейшим орудием социализации личности, о которой мы будем специально говорить в следующей главе.

Процесс использования в индивидуальном познании с психологической стороны выступает как процесс мышления и как

процесс восприятия. Остановимся сначала на роли языка в процессах мышления.

Проблема эта необязательна, и, чтобы хотя бы немного ее сузить, мы будем отправляться в нашем дальнейшем рассуждении от популярной среди методистов иностранного языка концепции Б.В. Беляева о "мышлении на иностранном языке". Эта концепция наиболее отчетливо отразилась в его посмертной публикации. Б.В. Беляев пишет: "Обучаясь языку, учащиеся по сути дела должны обучаться мышлению на этом языке. Владеть языком в качестве средства общения всегда значит мыслить на этом языке. Стало быть, и весь процесс обучения языку следует понимать как процесс переключения мышления учащихся с базы одного языка на базу другого языка". Далее: "Владея по-настоящему иностранным языком, человек не испытывает никакой надобности в использовании средств своего родного языка, т.е. говоря другими словами, он приобретает способность мышления непосредственно на иностранном языке". Еще ниже: "... Мышление на иностранном языке характеризуется специфическими особенностями и обладает некоторым своеобразием сравнительно с мышлением на родном языке, вследствие чего и преподавателям языка надлежит специально заботиться о том, чтобы вместе с усвоением иноязычных средств общения у учащихся формировалось и несколько иное мышление". И наконец: "Вообще мышление человека осуществляется всегда с помощью понятий. Из этого вытекает, что... обучение лексике иностранного языка имеет решающее значение для развития способности мышления на иностранном языке".¹³³

Справедливы ли эти утверждения, кстати, очень типичные для современных работ по речи и усвоению языка? Чтобы проанализировать их, обратимся к психологической сущности процесса мышления.

¹³³ Б.В. Беляев. Новое в психологии обучения иностранным языком. В сб. "Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком". М., 1969, стр. 145, 151, 152, 153.

Очень точную, хотя терминологически, быть может, безупречную квалификацию дал ему акад. Д.Н. Узнадзе. Он пишет: "... Скажем, субъект совершает более или менее сложный акт поведения, и вот какое-нибудь значительное препятствие закрывает ему путь к дальнейшей деятельности. В таком случае он чувствует себя принужденным отказаться от активной деятельности, приостановиться и вместо очередного акта поведения обратиться к объективации. Это дает ему возможность перенести активность своего поведения в область теории - он обращается к мышлению с тем, чтобы разрешить возникшую перед ним проблему и таким образом удовлетворить специфическую потребность, выросшую на основе объективации.

Так возникает человеческое мышление. Оно представляет собой психическую активность, приходящую в движение лишь на базе объективации и направленную на удовлетворение специализированной таким образом теоретической, познавательной потребности".¹³⁴

Но способность объективации, способность "остановить" часть или сторону своего поведения, "презентировать" его в сознании, сознательно задержать в зоне внимания с тем, чтобы подвергнуть анализу, предлагает опору на какие-то не единичные, даже не индивидуальные, а обобщенные, социальные, закрепленные при помощи общественно выработанных средств и черпаемые индивидом из общественного опыта компоненты поведения (деятельности).¹³⁵

Мышление начинается с проблемной ситуации: человек осознает какую-то ситуацию как проблемную, он чувствует, что здесь "не все ладно", что ему надо понять, что происходит, и принять определенное решение. В сущности, понятие проб-

¹³⁴ Д.Н. Узнадзе. Психологические исследования. М., 1966, стр. 272.

¹³⁵ С.Л. Рубинштейн. Основы общей психологии. М., 1940, стр. 285 и др.

лемной ситуации приложимо и к поведению животного: на этой стадии еще не происходит обращения к социальному опыту, не происходит того, что Д.Н. Узнадзе называет объективацией. Она нужна для того, чтобы от проблемной ситуации перейти к задаче, представляющей собой результат первичной обработки этой проблемной ситуации. Возникновение задачи означает, что в проблемной ситуации уже выделено и расчленено известное и неизвестное, — например, в школьной учебной задаче зафиксированы условия задачи и поставлен вопрос.¹³⁶

Само собой очевидно, однако, что за постановкой задачи должен следовать поиск способа ее решения. Именно в этом звене мы и сталкиваемся с огромным многообразием процессов мышления, многообразием, зависящим от целого ряда факторов. Есть простейшие задачи, не требующие для своего решения ничего, кроме приложения хорошо известного, нередко автоматизированного набора операций. Есть задачи, требующие поиска специального способа решения на базе тех общественно выработанных знаний, умений и навыков, которыми человек располагает. Есть, наконец, такие задачи, для решения которых необходим пересмотр самого этого набора "социальных предпосылок" их решения, обогащение социально-исторического опыта новыми компонентами.

Всегда ли эти "социальные предпосылки" выступают в форме словесно закрепленных понятий? Конечно, нет: это означало бы, что во всех тех случаях, когда человек мыслит, его мышление дискурсивно, расчленено, "логично" (не в смысле соответствия правилам логики, а в смысле осуществления непосредственно по этим правилам). Но так бывает не только далеко не всегда, но крайне редко, преимущественно если мы специально тренируем интеллект человека, обучаем его мышле-

136

См. Общая психология. Под ред. проф. А.В. Петровского. М., 1970, стр. 305. Мы имеем в виду здесь и ниже, конечно, не объективную задачу, стоящую перед действующим человеком, а задачу субъективную, т.е. его знание об этой задаче, умение ее выделить.

ние (например, решению математических задач). Обычно мышление человека свернуто, оно использует наряду с дискурсивными, понятийными компонентами наглядно-образные, эмоционально-аффективные, даже моторные. Чтобы быть в основном творческим, пластичным, оно должно в чем-то второстепенном быть застывшим (ригидным), опираться на стереотипы, алгоритмы и, следовательно, опускаться в этих своих звеньях с уровня сознательного оперирования понятием (уровень "актуального осознания")¹³⁷ на более элементарные уровни осознания. Более того, можно сказать, что подлинное мышление, т.е. деятельность человека по решению задач, всегда опирается наряду с понятийными компонентами на специально выработанные для целей мышления вспомогательные принципы и орудия типа схем, планов, зрительно представляемых образных картин. Альберт Эйнштейн указывал: "Слова или язык, как они пишутся или произносятся, не играют никакой роли в моем механизме мышления. Психические реальности, служащие элементами мышления, — это некоторые знаки или более или менее ясные образы, которые могут быть "по желанию" воспроизведены и комбинированы".¹³⁸

Другой вопрос, что все эти вспомогательные орудия генетически, по своему происхождению (как в онто-, так и в филогенезе) связаны с языком, речевой деятельностью, что они всегда (у взрослого человека) вторичны. Тонкий психологический анализ таких "вторичных образов" был дан М.С. Шехтером.¹³⁹

¹³⁷ См. А.Н. Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения. "Известия АПН РСФСР", вып. 7, М., 1946; А.А. Леонтьев. Слово в речевой деятельности. М., 1965; Он же. Некоторые проблемы обучения русскому языку как иностранному. М., 1970, стр. II.

¹³⁸ А. Эйнштейн. Письмо Жаку Адамару. В кн.: "Эйнштейновский сборник. 1967", М., 1967, стр. 28.

¹³⁹ М.С. Шехтер. Об образных компонентах речевого мышления. — "Доклады АПН РСФСР", 1959, № 2 и 3.

Возвращаясь к нашему рассуждению, мы можем уже сейчас отметить неточность тезиса об обязательной понятийности всякого мышления. Но даже если иметь в виду только вербальное мышление, только мышление, использующее языковые понятия, и здесь все обстоит гораздо сложнее, чем допускает концепция "мышления на иностранном языке".

Ошибочно полагать, что речь и мышление неотделимы друг от друга как процессы; тем более нельзя изучать мышление на иностранном языке на базе языковых высказываний. В этой связи важно проанализировать действительное место мышления в речевом процессе, в акте общения, действительные возможности взаимоотношений мышления и речи в разных условиях.

Если взять типовой интеллектуальный акт человека, имеющий трехфазную структуру (фаза ориентировки и планирования — фаза осуществления — фаза контроля), то речь может выступать в нем на всех трех его фазах. Речевым может быть планирование действий (и ориентировка в ситуации), причем сами планируемые действия могут быть речевыми и неречевыми. В этих двух случаях характер планирования не тождественен. В первом из них это программирование речевого высказывания без предварительного эксплицитного формулирования плана при помощи языка. Во-втором — это именно формулирование плана действий в речевой форме, обычно "в уме". Между первым и вторым есть огромная психологическая разница, и лишь существование распространенного термина "внутренняя речь", покрывающего оба случая, может в какой-то мере оправдать их смешение большинством психологов, пишущих о речи.¹⁴⁰ В своих работах мы стремимся последовательно противопоставлять

140

См. напр.: Б.Ф. Баев. Процесс общения и внутренняя речь. "XVIII Международный психологический конгресс. Тезисы. П", М., 1966, стр. 313-314; Б.Ф. Беллев. Очерки по психологии обучения иностранным языкам. Изд. 2. М., 1965, стр. 32. и др.; и даже: П.К. Анохин. Биология и нейрофизиология условного рефлекса. М., 1968, стр. 249.

в этом смысле "внутреннее программирование" (первый случай) и "внутреннюю речь" (второй случай), вводя также понятие "внутреннего проговаривания" для случаев, когда внутренняя речь приближена к внешней не только по функции, но и по характеру осуществления. (Пока мы говорим о программировании не отдельного речевого высказывания, а речи в целом, т.е. не затрагиваем собственно психолингвистической проблематики). Легко видеть, что использование речи для ориентировки соответствует первым этапам мыслительного акта. В сущности, это не что иное, как анализ проблемной ситуации и формулировка задачи. Планирование неречевых действий при помощи речи соответствует заключительному, основному этапу мыслительного акта — собственно решению задачи.

Но речевыми могут быть и сами действия. Они могут, следовательно, выходить за пределы мыслительного акта как такового: мышление завершилось, решение принято, выбор сделан, остается осуществить это решение. Чаще всего такой случай трактуется упрощенно, как автоматическая реализация каких-то исполнительных механизмов (особенно типична такая трактовка для разного рода бихевиористских концепций). Однако для советской науки характерна иная трактовка речевого действия, идущая от Л.С. Выготского, на которой мы постоянно уже останавливались.

Наконец, речевым может быть не только действие и его планирование, но и сопоставление полученного результата с намеченной целью. Эта рефлексия происходит в тех случаях, когда интеллектуальный акт очень сложен, особенно когда он носит целиком или почти целиком теоретический характер (например, в деятельности ученого).

Таким образом, концепция "мышления на иностранном языке" недопустимо упрощает реальное соотношение процесса мышления и процесса речевого общения. Речь не есть простая вербализация, подыскивание и наклеивание словесных ярлычков к мыслительным сущностям; это творческая интеллектуальная деятельность, включенная в общую систему психической и иной деятельности человека. Это — решение задачи, это — дейст-

вне в проблемной ситуации, которое может осуществляться и с опорой на язык. Поэтому принципиально неверен любой подход, не учитывающий, что за термином "мышление" стоят психологически очень различные факты, подход, при котором научное истолкование сущности мышления подменяется упрощенным и схематизированным, можно сказать — формалистическим, его изображением как своего рода цепи логических операций — анализ + синтез, индукция + дедукция и так далее, — производимых непременно на базе языка и в процессе речи. В этой связи нельзя не поддержать ту тенденцию в современной психологии обучения языку, представители которой ратуют за "подключение" иностранного языка к различным аспектам интеллектуальной деятельности учащегося;^{I41} чем более многосторонней будет психическая деятельность, которую учащийся способен производить с опорой на иностранный язык, тем более свободным и адекватным будет процесс общения на этом языке.

Обращаясь к проблемам восприятия, можно констатировать, что в психологии анализ взаимоотношения речевых и перцептивных процессов производился по ряду независимых линий, и нам придется подробнее остановиться на важнейших из таких работ.

Напомним прежде всего о известном различии "коммуникации событий" и "коммуникации отношений". Это различие, принадлежащее шведскому лингвисту Г.Сведелиусу,^{I42} по существу заново было введено в психологию А.Р. Лурия. При коммуникации событий формулируется и передается конкретное взаимодействие вещей: дом горит, девочка плачет, собака лает. Коммуникация отношений фиксирует абстрактно-логическое соотношение предмета и признака: Сократ — человек. В случае "коммуникации отношений" "средства языка играют совсем особую, специфическую для языка роль: они формируют извест-

^{I41} См. в частности работы Л.Д. Франк и В.Х. Салибаева.

^{I42} G.Svedelius. L'analyse du langage. Uppsala, 1897.

ные отношения, отвлекая известные признаки и выделяя на их основе абстрактные отношения, которые не могут быть выражены наглядными, внеязыковыми средствами... За "коммуникациями событий" лежат процессы наглядного мышления, лишь выражающиеся в языковой форме".¹⁴³

Близкую концепцию предложил А.А. Брудный. По его указанию, "существует взаимодействие двух типов семантических состояний слова: 1) параситуативного (или системного) состояния, в котором слово обладает некоторым семантическим потенциалом, и 2) ситуативных состояний, в которых семантический потенциал реализуется в виде множества "контекстуальных значений".¹⁴⁴

С изложенными здесь положениями А.Р. Лурия и А.А. Брудного можно соотнести некоторые существенные экспериментальные исследования, выполненные в рамках американской психолингвистики Миллера-Хомского. Из подобных исследований мы можем указать как на наиболее фундаментальные на два. Д. Слобин в своей широко известной работе изучил влияние предметной ситуации на понимание синтаксических конструкций. Использовалась следующая методика: давались картинки двух типов: "обратимые" (автомобиль догоняет поезд; но ведь и поезд может догонять автомобиль) и "необратимые" (человек ест дыню - но дыня не может есть человека). При этом произносилась фраза, и испытуемый должен был ее верифицировать (относительно картинки). Выяснилось, что время реакции очень тесно связано с фактором обратимости: при восприятии необратимых ситуаций "элиминируется проблема пассивности, ядерные и пассивные предложения требуют примерно одинакового времени".¹⁴⁵ В экспериментах Слобина явно осуществлялась

¹⁴³ А.Р. Лурия. Проблемы и факты нейролингвистики. "Теория речевой деятельности". М., 1968, стр. 208-209.

¹⁴⁴ А.А. Брудный. К проблеме семантических состояний. "Сознание и действительность". Фрунзе, 1964, стр. 6.

¹⁴⁵ D. Slobin. Grammatical Transformations and Sentence Comprehension in Childhood and Adulthood. JVLVB, v.5, 1966, n 3, стр. 226.

ориентировка в изображенной ситуации, в результате которой релевантные в психолингвистическом отношении особенности ситуации закрепились в виде вторичного образа или в какой-то иной форме.¹⁴⁶ Однако в ситуации, когда необходимо было осуществить не верификацию, а описание изображенной сцены, оказалось "несущественным, являются субъект и объект потенциально обратимыми или нет".¹⁴⁷

В этом плане, кроме экспериментов, выполненных под руководством Ромметвейта, интересен опыт, поставленный в Гарварде итальянским психолингвистом Флорес д'Аркаи. Он пытался установить корреляцию между структурой изображения и выбором синтаксического типа предложения, описывающего это изображение. Выяснилось, в частности, что большие по размеру объекты и объекты, находящиеся в левой части картинки (при воображаемом движении их слева направо), имеют тенденцию делаться субъектами. Так, если движение объектов предполагается слева направо, обычной будет конструкция: Автомобиль догоняет телегу; при обратном движении - наоборот: Телега догоняется автомобилем.¹⁴⁸ Этот эксперимент показывает, что есть определенная стратегия обработки картинки, отражающаяся в порождении высказывания.

К мысли о такой фиксированной стратегии приводит и анализ спонтанной мимической речи глухонемых. Напомним, что в этой речи имеется своеобразный "универсальный синтаксис": сначала обозначается субъект, затем объект (плюс - в позиции - определения к ним), затем предикат и обстоятель-

I46

См. А.А. Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1969, стр. 110. Ср. в этой связи результаты экспериментов Ф. Гоу, резюмированные там же (стр. 90-91).

I47 E.A. Turner, R. Rommetveit. Experimental Manipulation on the Production of Active and Passive Voice in Children. - "Language and Speech", v. 10, 1967, N 3, стр. 179.

I48 Harvard University. The Center for Cognitive Studies. Sixth Annual Report 1965-1966. Cambridge (Mass.), 1966, стр. 28-29.

ственные "слова" (по модели: Кот черным ухом почесал лениво). По всей видимости, здесь мы имеем дело не с фиксированной последовательностью именно компонентов высказывания как такового, а со стратегией интерпретации описываемой ситуации (ориентировки в этой ситуации), соотносимой со специфической структурой внутренней программы высказывания. Однако и сам процесс программирования в этом случае (и в других случаях, когда мы сталкиваемся с фиксированным порядком компонентов высказывания, т.е. в детской речи на досинтаксическом этапе ее формирования, в автономной речи и т.п.), носит, по-видимому, очень специфический характер и сводится к оперированию с образами как компонентами воспринимаемой ситуации. Здесь мы приходим к обширной самостоятельной проблеме соотношения образного и словесного компонента на различных этапах формирования детского общения (и в различных маргинальных случаях общения), по которой существует обширная литература, но на которой мы не можем останавливаться в настоящей работе по соображениям экономии места.

Второй круг работ, о котором мы должны здесь упомянуть, связан с восприятием и дифференцированным вербальным кодированием изолированных неречевых стимулов. С точки зрения бихевиористской теории "обусловливания" эти вопросы рассматривались, в частности, в работах А. Стаатса.¹⁴⁹ С другой стороны, в нашей стране, в Институте языкознания АН СССР, были выполнены два цикла экспериментальных исследований такого кодирования. Первый, принадлежащий О.Н. Селиверстовой, касается различий в вербальном отображении русских и английскими испытуемыми процессов излучения света тем или иным объектом.¹⁵⁰ Второй был проделан А.Н. Журино-

¹⁴⁹ Ср. напр. A. Staats. Emotions and Images in Language. "Research in Verbal Behavior". N.Y. - London, 1967.

¹⁵⁰ См. О.Н. Селиверстова. Опыт семантического анализа группы русских и английских глаголов с общим компонентом "излучать свет". Сб. "Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку". М., 1970.

ким и его сотрудниками и посвящен межязыковому сопоставлению факторов выбора пространственных прилагательных и предлогов с пространственным значением.¹⁵¹ Все эти эксперименты приводят к общему выводу о том, что при опознании и вербальном кодировании зрительных стимулов испытуемые используют определенную, достаточно общую всем носителям языка систему операций опознания, не отраженную непосредственно в языке как социальной системе и не осознаваемую испытуемыми; иными словами, вместе с усвоением языка как такового мы усваиваем и систему отношений между предметной действительностью и ее вербализацией, систему "прагматических правил" (Дж. Миллер) анализа предметной ситуации, систему невербальных критериев выбора той или иной кодовой единицы как класса кодовых единиц. Эта система, специфичная для определенного языка, не является совершенно жесткой и допускает индивидуальные и ситуативные вариации в известных пределах; она в сущности представляет собой систему ориентировочных действий на уровне выбора отдельных семантических единиц.

В этой связи необходимо еще раз остановиться на работах, связанных с так называемой гипотезой Сепира-Уорфа. Напомним, что эта гипотеза в наиболее общей формулировке сводится к следующему утверждению: особенности того или иного языка непосредственно отражаются в структуре психических процессов, осуществляемых на базе этого языка, и в определенной мере предопределяют эту структуру. Человек якобы "видит" в действительности то, что подсказывает ему язык ("языковая картина мира"); человек действует в проблемной ситуации в соответствии со способом вербализации этой ситуации и т.д.¹⁵² Эта гипотеза получила уже множество раз

¹⁵¹ А.Н. Хуринский. О семантической структуре пространственных прилагательных. Сб. "Семантическая структура слова". М., 1971; Т.Д. Кобзарева, Л.Г. Лахути. О структуре денотативного значения предлогов. Там же.

¹⁵² См. Б.Л. Уорф. Отношение норм поведения и мышления к языку. Наука и языкознание. Лингвистика и логика. "Новое в лингвистике", вып. I, М., 1960.

критический анализ в работах зарубежных и советских авторов — философов, психологов и лингвистов;¹⁵³ в частности, о ней многократно писал и автор настоящей работы. Это освобождает нас от необходимости еще раз подробно излагать всю аргументацию, приводящую к выводу о научной несостоятельности гипотезы Сепира-Уорфа в ее "классической" формулировке. Однако определенное рациональное зерно в этой гипотезе, конечно, есть (иначе она не могла бы, по-видимому, получить столь широкой популярности). Оно заключается в том, что язык, действительно, широко используется в психической деятельности человека, выступая как опора и как средство этой деятельности. Но, конечно, используя как опора в психической деятельности человека (мы имеем в виду осуществление высших психических функций — мышления, памяти, восприятия), язык ни в коей мере не диктует пути этой деятельности, способы ее осуществления. Человек не запоминает то, что подсказывает ему язык: он использует язык для того, чтобы запомнить то, что ему нужно. Человек не мыслит так, как ему диктует язык: он опосредствует свое мышление языком в той мере, в какой это отвечает содержанию и задачам мышления. Человек не воспринимает только то, что означено, он означает, вербализует¹⁵⁴ то, что ему нужно воспринять. Естественно, что понять это можно лишь при условии правильного представления о взаимоотношениях индивидуального (личностного) и социального компонентов в психической жизни человека.

Из многочисленных экспериментальных исследований, направленных на подтверждение, опровержение и или разумную коррекцию гипотезы Сепира-Уорфа, нам интересны сейчас лишь те, которые связаны с вербальным кодированием неречевых стимулов.

153

Эти критические замечания суммированы в работе: Д.А. Сорокин. Внеязыковая обусловленность психолингвистических явлений. "Основы теории речевой деятельности", М., 1973.

154 Или использует другие способы социального закрепления и презентации.

Рассмотрим некоторые данные о вербальном кодировании цветовых оттенков, т.е. о выборе цветообозначений. Очевидно, что языковые термины для различных цветовых оттенков, языковая "карта" спектра, различаются в различных языках. Эти различия убедительно продемонстрированы, в частности, в сводной монографии Б. Берлин и П. Кей.¹⁵⁵ На этом основании неоднократно выдвигался тезис о том, что и само цветовое восприятие различно у носителей разных языков и культур, т.е. что, скажем, древние греки не различали синего и зеленого цветов, поскольку в языке Гомера для этих цветов (плюс черный) нередко употребляется одно и то же слово. Несостоятельность этого тезиса убедительно показана, в частности, Ф.Н. Шемакиным.¹⁵⁶ Соглашаясь с ним в данном случае, хотелось бы, однако, возразить ему и З.М. Истоминой, когда эти авторы сводят проблему к соотношению словесных и чувственных обобщений и полагают, что чувственное обобщение всегда предшествует словесному.

Думается, что авторы здесь не различают обобщение в языке и обобщение при помощи языка, с опорой на язык. Если классификация цветовых оттенков у маленького ребенка (в опытах З.М. Истоминой) не совпадает с классификацией их у взрослого, это еще не означает, что ребенок в классификации оттенков совершенно не использует их. Данные Истоминой просто не дают основания для суждения по этому вопросу. Она убедительно показала, что "маленького ребенка чрезвычайно затрудняет нахождение цвета по названию";¹⁵⁷ однако из этого еще не следует, что в иной экспериментальной ситуации, когда перед ребенком стояла задача подобрать сходные образцы, он использовал только "чувственную" стратегию (тем более, что в качестве стимулов предъявлялись предметы семи основных цветов, варьировавшиеся только по

¹⁵⁵ B.Berlin, P.Kay. Basic Color Terms. Berkeley - Los Angeles, 1969.

¹⁵⁶ Ф.Н. Шемакин. К вопросу об отношении слова и образа. "Известия АН РСФСР", вып. II3. М., 1960.

¹⁵⁷ З.М. Истомина. Восприятие и название цвета в раннем возрасте. Там же, стр. III.

светлоте). Э.М. Истомина исходила здесь из априорного предположения о том, что умение или неумение использовать знание цветообозначений при задаче выбора цветового оттенка необходимо влечет за собой умение или неумение использовать это знание в ситуации "выбора по образцу". Но правомерно ли это предположение?

Интересные данные для обсуждения этой проблемы дают многочисленные эксперименты по цветообозначениям, суммированные Э. Леннебергом (и проведенные в основном его учениками и сотрудниками).¹⁵⁸ Они производились по двум основным методикам. "Методика А" заключалась в соотнесении цветовых наименований со спектром; "Методика В" - в расчленении спектра и дальнейшем соотнесении результатов этого расчленения с системой цветообозначений.

Общие результаты, к которым приходит Леннеберг на основании этих и более ранних экспериментов, могут быть суммированы следующим образом. 1. Имеется определенная связь между точностью различения оттенков и системой цветообозначений: эта точность наибольшая на тех участках спектра, где происходит пересечение цветовых зон (при "методике А"). Это может означать либо прямую и однозначную зависимость точности различения от цветообозначений (что ставит под большое сомнение правомерность основного вывода Шемякина и Истоминой), либо, вероятно, что при задаче различения или вообще оперирования с цветовыми оттенками человек может использовать как "перцептивную", так и "языковую" стратегию. 2. "Кодабильность" цветового оттенка, т.е. его большая или меньшая соотнесенность с цветообозначением, не коррелирована с узнаванием этого оттенка "по образцу", если задача узнавания психологически несложна, но чем экспериментальная ситуация сложнее, тем корреляция больше. Это означает, что в зависимости от ситуации испытуемый может в разной мере использовать "языковую" стратегию.

¹⁵⁸ См. Э.Н. Леннеберг. Biological Foundations of Language. N.Y., 1967.

В 1971-1972 гг. под нашим руководством вьетнамским аспирантом Буй Динь Ми было произведено экспериментальное исследование процессов цветоразличения, цветообозначения и запоминание цветовых оттенков в двух группах - с родным русским и родным вьетнамским языками. Основные результаты исследования получились следующие.

Во-первых, как и в экспериментах Леннеберга и его сотрудников, проявилось заметное различие в поведении испытуемых как при "методике А", так и при "методике В", причем это различие соотнесено с системой цветообозначений соответствующего языка.

Во-вторых, - и это представляется нам особенно важным - выявилось серьезное расхождение в характере выбираемой стратегии расчленения спектра ("методика В"). Если мы даем вьетнамским испытуемым установку расчленить спектр на большие цветовые зоны, то их стратегия оказывается языковой - спектр расчленяется на зоны, соотнесенные с цветообозначениями, вне зависимости от того, навязываем ли мы испытуемым в эксперименте опору на язык или предлагаем им свободно выбирать стратегию. Однако, если давать установку на выделение минимальных "кусочков" спектра, или вообще не давать таковой, испытуемые - вьетнамцы оперируют отдельными оттенками или группами оттенков, не воспринимая их obligatorно как относящиеся к определенной цветовой зоне (что проявляется, в частности, в том, что целый ряд оттенков нередко характеризуется одними и теми же испытуемыми как соотносящиеся с различными зонами, т.е. их обозначение производится от обозначений разных основных цветов) и используя обозначение типа "цвет такого-то предмета" (предметная стратегия) или чаще "такой-то цвет такого-то предмета" (фиолетовый цвет цветка лотоса = розовый) (предметно-языковая стратегия).¹⁵⁹ Использование предметной или предметно-языковой

159

Так, один и тот же оттенок может определяться как "синий" цвет рассады риса и как "коричневый" цвет канарейки.

стратегии вьетнамцами особенно существенно в связи с тем, что примерно один и тот же оттенок обозначается по-разному в зависимости от того, какому предмету он принадлежит. Такая стратегия используется, естественно, только в тех случаях, когда нужно уточнить оттенок — в противном случае используется обозначение основного цвета. Еще одна особенность предметно-языковой стратегии вьетнамцев заключается в том, что она обща всем носителям языка, а не вырабатывается отдельным испытуемым *ad hoc*, чтобы обозначить оттенок в данной единичной ситуации.

Русские испытуемые в аналогичной экспериментальной ситуации практически никогда не используют предметной стратегии. Если они стоят перед задачей обозначить оттенок, это происходит чаще всего по принципу дополнительной характеристики основного цвета по светлоте или путем соположения двух основных цветообозначений: светло-синий, сине-зеленый.¹⁶⁰ Если русский испытуемый и использует предметный принцип обозначения оттенка, то это чаще всего делается *ad hoc* и не может рассматриваться как общеупотребительное и общепонятное обозначение.

В-третьих, применение предметной (предметно-языковой) стратегии вьетнамцами связано с теми участками спектра, которые в наибольшей степени соотносены с практическими потребностями цветообразования у вьетнамцев. Это относится, например, к цвету *xanh*, т.е. сине-зелено-голубому (во вьетнамском языке это единое цветообозначение), — по понятным причинам (цвет моря, цвет неба, цвет различных растений); к фиолетовому цвету — так как это национальный цвет, оттенки которого широко используются в одежде, и т.п. В целом исследование Буй Динь Ми приводит к определенному выводу о невозможности изолировать исследование восприятия цветообо-

¹⁶⁰ Оба принципа используются достаточно часто и вьетнамцами (до 60% всех принятых цветообозначений), но у русских это безусловно доминирующие принципы, а у вьетнамцев нет.

значений от практической деятельности носителей языка и от конкретной ситуации цветообозначения.¹⁶¹

Таким образом, можно выделить следующий, более высокий уровень предречевой ориентировочной активности при восприятии. Еще более "глобально" проблема соотношения перцептивной деятельности и речи была поставлена в нескольких циклах исследований, осуществленных в последние годы также на психологическом факультете МГУ – под руководством и при участии Ю.Б. Гиппенрейтер, а также в лаборатории В.П. Синченко.

Как известно, исследуя движения глаз в процессе зрительного восприятия, Ю.Б. Гиппенрейтер пришла к выводу о ведущей роли в процессах восприятия так называемых "операций предметного типа", осуществляемых эфферентным аппаратом зрительной системы. "К ним относятся, например, ... операции промеривания параметра прямоугольника или пересчета штрихов, нанесенных на тест – объекте... Эти произвольные "выученные" операции первоначально формируются в процессе внешней деятельности с предметами, совершаемой под контролем зрения, а затем целиком передаются зрительной системе, становятся "поведением глаза"... Предметной в широком смысле слова является также функция обследования, т.е. функция, обеспечивающая ориентировку в объекте... Движения, выполняющие эту функцию, характеризуются тем, что они подчиняются той или иной стратегии, адекватной сенсорным возможностям зрительной системы. Иногда эта "стратегия" определяется стоящей перед испытуемым задачей и логикой объекта, а иногда навязывается извне, например прямой инструкцией".¹⁶²

¹⁶¹ Подробное описание методики и результатов экспериментов см.: Буй Динь Ми. Экспериментальное исследование кодирования цвета во вьетнамском и русском языках. "Материалы IV всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации". М., 1972; Буй Динь Ми, А.А. Леонтьев. Экспериментальное исследование роли языка в перцептивной и мнемической деятельности. "Общая и прикладная психолингвистика", М., 1973.

¹⁶² А.Н. Леонтьев, Ю.Б. Гиппенрейтер. О деятельности зрительной системы человека. "Психологические исследования", М., 1968, стр. 22.

Таким образом, процессы зрительного восприятия - поскольку мы имеем в виду опознавание объектов - предметы, связаны с категориальностью восприятия. А "словесное обозначение объекта является необходимым условием категориальности его восприятия. Более того, процесс словесного обозначения в опознании справедливо понимается не как особый, отделенный от восприятия процесс последующей обработки его продукта мышления, а как процесс, включенный в деятельность самого восприятия... Ведь опознавание, т.е. собственно восприятие объекта, необходимо требует соотнесения получаемой предынформации с эталоном, который у человека хранится в обобщающих системах, имеющих языковую основу. Такие эталоны являются не только адресатом для поступающей предынформации, но выполняют и функцию управления процессами опознавания".¹⁶³

Дальнейший анализ механизмов подобного соотнесения и дан В.П. Зинченко. Он подчеркивает, что "перцептивные образы всегда имеют определенное смысловое значение", и "сознательно воспринять предмет - это значит мысленно назвать его".¹⁶⁴ Но именно сознательно воспринять, вывести за пределы зрительной системы для целей использования в практической деятельности или деятельности мышления! "Период узнавания протекает в основном при наибольшем удельном весе активности периферического и центрального отделов зрительной системы и только к концу этого периода акцент в активности падает на артикуляционный аппарат. На основании такой перестройки функциональных физиологических отношений подсистем можно предположить, что идентификация изображений осуществлялась по эталонам, хранимым в зрительной системе, и только после сличения и выбора соответствующего эталона изображениям присваивалось наименование. В результате полученных данных можно сделать вывод, что при решении зритель-

¹⁶³ А.Н. Леонтьев, Ю.Б. Гиппенрейтер. Указ. раб., М., 1968, стр. 19.

¹⁶⁴ Общая психология под ред. А.В. Петровского. М., 1970, стр. 226.

ных задач и некоторых задач наглядного мышления артикуляционный механизм используется для организации и вынесения планируемых действий на более высокий уровень осознания".¹⁶⁵

Исследования, кратко охарактеризованные выше, приводят к следующим общим выводам.

1. Предметное восприятие, т.е. собственно восприятие, включает в себя элемент словесного обобщения, осуществляется с опорой на язык.

2. Эта опора может выступать в различных ситуациях восприятия в разных функциях, на разных этапах, и реализоваться в различных стратегиях использования языка. Во всяком случае, нельзя отождествлять факт такой опоры с категоризацией действительности в языке как объективной системе, рассматривать язык как "картину мира".

3. В ситуациях ориентировки в предметной ситуации (с дальнейшей задачей вербализации) имеется более или менее фиксированная стратегия такой ориентировки, связанная с речевым "выходом" и в частности — со структурой внутренней программы речевого действия.

В то же время особенности ориентировки бесспорно отражаются в структуре речевого действия и в частности — в звене грамматической и семантической реализации внутренней программы.

Совершенно особую проблему, здесь нами не затронутую, составляют зрительные и вообще образные опоры в самом процессе внутреннего программирования. Логично было бы предположить, что в ситуациях зрительной ориентировки, предшествующей речевому действию, отдельные компоненты воспринимаемой предметной ситуации вычленяются как изолированные образы и используются на дальнейших этапах порождения речевого высказывания. Есть основания полагать, что нечто аналогичное происходит и на ранних этапах развития детской речи.¹⁶⁶

¹⁶⁵ В.П. Зинченко. Продуктивное восприятие. ВП. 1971, № 6, стр. 40.

¹⁶⁶ См. А.М. Шахнорович. О роли образа в онтогенезе речевой деятельности. "Общая и прикладная психолингвистика", М., 1973.

Правильное понимание функций языковых знаков и аналогичных им квазиобъектов в деятельности человека предполагает, в сущности, анализ взаимоотношения деятельности познания и деятельности общения, т.е. чисто психологический подход. Отказ от такой психологической трактовки немедленно влечет за собой "крен" в ту или иную сторону.

Так например, для многих логиков и философов характерно сведение функций знака к его когнитивной стороне. В статье П.В. Копнина, в частности, язык определяется как "форма существования знания в виде системы знаков".¹⁶⁷ Отдавая должное интерпретации языка, которую он называет "прагматической", П.В. Копнин считает ее, тем не менее, периферийной по отношению к познавательной функции языка. И это совершенно естественно, если, как это делает Копнин вслед за излагаемыми им авторами, рассматривать коммуникативный аспект языка как влияние "языковых систем... на реакции отдельных людей и их коллективов".¹⁶⁸ Однако мы уже отмечали выше, что общение не есть по своей природе индивидуальный процесс (и тем более не есть простая стимуляция, за которой автоматически следует невербальная или вербальная реакция), но процесс социальный, процесс, осуществляемый внутри общества для нужд общества. Думается, что нет оснований "подчинять" гносеологической трактовке знака его социальную трактовку; П.В. Копнин бесспорно прав, что без решения гносеологических проблем языка "не может быть выяснена и роль языка в общении людей"; но верно и обратное.

¹⁶⁷ П.В. Копнин. Философские проблемы языка. "Философия и современность". М., 1971, стр. 200.

¹⁶⁸ Там же, стр. 196.

Противоположный "крен" мы можем усмотреть в разного рода прагматических (действительно прагматических) концепциях языка. Едва ли не наиболее характерна в этом отношении школа так называемой "общей семантики". Здесь язык рассматривается почти исключительно как система стимулов, непосредственно и автоматически вызывающих то или иное поведение реципиента; проблема психологического воздействия сводится к поиску и реализации нужного стимула. Обычно в подобных случаях и сама когнитивность понимается чрезвычайно упрощенно, в грубо-бихевиористском духе: помимо "общей семантики", можно привести в качестве примера то направление в американской психологии массовой коммуникации, которое коренится в "теории стереотипизации" У. Липпмана и ныне представлено, в частности, Гарольдом Лассуэллом.

Деятельность общения, использующая знак, в психологическом отношении не противоположна, а в каких-то своих структурных особенностях даже аналогична деятельности познания, использующей знак. И та, и другая суть деятельности, направленные на ориентировку в проблемной ситуации и на решение определенной задачи; только в одном случае эта задача носит познавательный характер, а в другом — коммуникативный.

Что стоит за положением о "коммуникативном" характере задачи, стоящей перед субъектом в деятельности общения? По-видимому, специфику этой задачи можно охарактеризовать психологически с двух сторон: через мотивацию и через цель действий.

Подведем итоги сказанному в настоящем параграфе. Языковому квазиобъекту (знаку) адекватны три вида психических процессов. Это вербальное мышление, высшие формы восприятия и собственно речь (речевое общение). В разных ситуациях использования знаков они включаются в разные знаковые структуры, по-разному организуя решение соответствующей психологической задачи — познавательной или коммуникативной. (В этом смысле можно говорить о квазиобъектах высших

уровней). Психологически правомерно рассматривать речевое общение, речь как решение специфической задачи; характер такой задачи дифференцирован в зависимости от различия мотивов и целей речи.

Детальному анализу мотивационного, целевого и некоторых других аспектов обусловленности речевого общения посвящена следующая глава работы.

Глава II. Психологическая обусловленность процесса речевого общения.

§ I. Психологическая структура деятельности общения и место в ней процессов ориентировки.

Выше мы не раз оперировали общепринятым в советской психологии (и введенным, по-видимому, С.Д.Рубинштейном) представлением о трехфазной структуре любого акта деятельности: а/ этап ориентировки и планирования, б/ этап исполнения или реализации, в/ этап контроля. Важно отметить, что эти этапы в процессе реальной деятельности не обязательно строго последовательны (сукцессивны): естественно, что первый этап предшествует двум другим, но возможно их взаимоналожение, осуществляющееся в разной мере в разных конкретных ситуациях.

Будучи рассматриваемо как деятельность, общение также может быть представлено как последовательность этапов или фаз. Попробуем в самой общей форме охарактеризовать их. Для этой цели кратко рассмотрим речевую деятельность как наиболее исследованный вид деятельности общения¹⁶⁹. Ср. также сказанное выше (§4, глава I) о речевом мышлении.

Сама идея фазовой структуры речевого акта, или, — более точно, — фазовой структуры "внутреннеречевого" этапа порождения речевого высказывания, — принадлежит Л.С.Выготскому. Рассматривая такое порождение как процесс движения от мысли к слову, к внешней речи, Л.С.Выготский представлял его так: "... от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем — в значениях внешних слов, и наконец, в словах"¹⁷⁰. В другом месте: "Мысль есть внутренний опосредованный процесс. Это путь от смутного желания

¹⁶⁹ См. также: А.А.Леонтьев. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания. М., 1974.

¹⁷⁰ Л.С.Выготский. Избранные психологические исследования. М., 1956, стр. 380—381.

к опосредованному выражению через значение, вернее, не к выражению, а к совершению мысли в слове". И наконец "...Мысль не есть нечто готовое, подлежащее выражению. Мысль стремится, выполняет какую-то функцию, работу. Эта работа мысли есть переход от чувствования задачи - через построение значения - к разворачиванию самой мысли"¹⁷¹.

Опираясь на эти положения Выготского, можно представить себе последовательность этапов ("фаз") порождения речи следующим образом.

В начале движения лежит /а/ система мотивов. Мы считаем необходимым расширить понимание Выготского, говоря не о мотиве как изолированном факторе, а о системе внеречевых факторов, образующих мотивацию речевого действия. На этом этапе осуществляется первичная ориентировка в проблемной ситуации (см. ниже).

Мотивация и первичная ориентировка порождают /б/ речевую (коммуникативную) интенцию. Этот этап соответствует "смутному желанию" или "чувствованию задачи". Ср. категорию "воображаемой ситуации" у Д.Н.Узнадзе. На этом этапе говорящий имеет то, что Дж.Миллер и его соавторы называют "Образом результата", но еще не имеет Плана действия, которое он должен совершить, чтобы этот результат получить. (Здесь, видимо, следует особо поставить вопрос о динамике мотива - тии. По А.Н.Леонтьеву, следует разграничить мотив и потребность. Потребность опредмечивается в мотиве, а мотив - "это объект, который отвечает той или иной потребности и который в той или иной форме отражаясь субъектом, ведет его деятельность"¹⁷²). На этапе "мотива" мы имеем дело, строго говоря, с потребностью, а не с мотивом. Переход от первой ко второму и связан с понятием речевой интенции.

Этот этап Л.С.Выготский называет этапом "мысли". Мы называли его этапом "речевой интенции", поскольку употребле-

¹⁷¹ Из неизданных материалов Л.С.Выготского. "Психология грамматики". М., 1968, стр. 190.

¹⁷² А.Н.Леонтьев. Потребность, мотивы и сознание. стр. 5.

ние термина "мысль" в значении определенного этапа речемыслительного процесса требует специального обсуждения (см. выше главу I). И на этом этапе, когда четко выделилась коммуникативная задача, происходит вторичная ориентировка - в условиях этой задачи.

Следующий, принципиально важный для нас этап - это этап /в/ внутренней программы речевого действия. Он соответствует у Выготского "опосредованию мысли во внутреннем слове". На этом этапе происходит опосредование речевой интенции кодом личностных "смыслов" (в понимании А.Н.Леонтьева и нашем - см. ниже), закрепленных в тех или иных субъективных (но, конечно, являющихся результатом интериоризации объективных внешних действий) кодовых единицах ("код образов и схем" Н.И.Жинкина). Важно подчеркнуть, что речь идет именно о процессе программирования, а не о статичном, закрепленном в каких-то фиксированных формах плане /программе/. Программирование есть процесс опосредования речевой интенции кодом личностных смыслов. В этом звене говорящий принимает решение о характере высказывания; дальнейшее уже относится к условиям этого решения.

То, что обычно называется (в том числе Выготским) внутренней речью, а нами названо внутренним программированием, как раз и является орудием осуществления "мысли", связующим звеном между рождающей мысль интенцией и развертыванием мысли при помощи объективного языкового кода. Переход к коду в свою очередь есть процесс двуступенчатый: сначала происходит переход от смыслов, закрепленных в субъективном коде, к значениям "внешних" слов реального языка ("перевод с субъективного кода смыслов на объективный код значений, опосредование речевой интенции "значениями внешних слов"), а затем - "превращение грамматики мысли в грамматику слов", (ведь "мысль иначе построена, чем ее речевое выражение"). Таким образом, мы имеем этап /г/ - реализацию внутренней программы, который предполагает два относительно независимых процесса - семантическую реализацию и грамматическую реализацию.

Помимо двух указанных процессов, входящих в этап /г/, можно выделить еще процесс акустико-артикуляционной и морфной реализации программы (опосредование мысли во "внешнем слове", по Выготскому), следующий за выбором синтаксической структуры высказывания и непосредственно предшествующий следующему этапу, а именно этапу /д/ - звуковому осуществлению высказывания. Этот последний этап, строго говоря, предполагает накладывающийся на процессы семантико-грамматической реализации и зависящий от них процесс "моторного программирования" ("моторный План"), и лишь на основе этого последнего и следующего за ним процесса акустико-артикуляционной реализации осуществляется собственно фонация.

Внутренняя структура и соотношения друг с другом процессов реализации есть основное содержание психолингвистики в ее современном виде. Это - огромная специальная область, которой мы не можем касаться в данной работе.

Выше, в том числе в данном параграфе, мы уже не раз обращались к понятию личностного смысла. Остановимся на этом понятии и его отличии от понятия значения несколько подробнее.

Значение - это социально кодифицированная форма общественного опыта. Эта кодифицированность (связанная с потенциальной возможностью сознания) является его конституирующим признаком.

Однако, если взглянуть на значение как на факт психики, как на фрегевское "представление", а не "значение", то можно заметить парадоксальную вещь. Хотя значение объективно, для каждого индивида оно никогда не выступает как объективное явление. Дело не в том, каковы индивидуальные вариации при усвоении данного значения, какова разница в "чувственных впечатлениях, которые человек имел раньше" (Г.Фреге) и т.п.; дело в том, что, усваивая общественный опыт, зафиксированный в значениях, индивид включает его в систему своих жизненных отношений, в систему своей деятельности. И в первую очередь это сказывается в том, что всякое содержание, закрепленное в значении, воспринимается и переживается человеком по-разному, в зависимости от мотива соответствую-

щей деятельности.

Итак, если попытаться определить смысл в нашем понимании, то вернее всего будет говорить о нем как об аналоге значения в конкретной деятельности. Но это ни в коей мере не просто индивидуально-психологический аспект значения и тем более — не его аффективная окраска: "В начале своей жизни человек обычно ... ведет себя так, как если жизнь длилась бы целую вечность. Но вот что-то меняется в его жизни, или, может быть, жизнь его подходит к концу, и тот же человек рас — считывает теперь оставшиеся ему годы, даже месяцы; спешит довести до конца выполнение одних своих намерений, отказывается вовсе от других. Можно сказать, что его сознание смерти сделалось иным. Изменилось ли, однако, увеличилось ли его значение, стало ли иным в его сознании самое понятие, — "значение" смерти? Нет. Изменился его смысл для человека...". И дальше: "Как раз в первом случае представление смерти может быть для субъекта остро аффективным, а во втором случае может, наоборот, и не вызвать сколько-нибудь сильных эмоциональных переживаний"¹⁷³.

Чтобы сделать следующий шаг в нашем рассуждении, нам придется взглянуть на отношения значения и смысла со стороны исторического развития человеческого сознания. И первый фундаментальный факт, с которым нам придется столкнуться, — это факт зависимости форм и способов отражения человеком объективной действительности от особенностей того общества, в котором человек живет. Применительно к капиталистическому обществу он описан еще Карлом Марксом как факт "самоотчуждения"¹⁷⁴.

Если мы рассмотрим коллективную деятельность первобытных охотников, то увидим, что в ней мотив согласован, можно сказать даже — совпадает с объективным результатом. Она побуждается долей каждого в общей добыче, но эта добыча явля-

¹⁷³ А.Н.Леонтьев. Психологические вопросы сознательности учения. "Известия АН РСФСР". Вып.7, М., 1946, стр.28.

¹⁷⁴ Здесь и ниже мы частично излагаем соображения, высказанные А.Н.Леонтьевым в его книге "Проблемы развития психики" (М., 1965, стр. 315 и след.).

ется вместе с тем и результатом деятельности первобытного коллектива и каждого его члена. Иначе обстоит дело в классовом обществе, в частности /с наибольшей остротой/ капиталистическом. Здесь мотив трудовой деятельности рабочего не совпадает с ее результатом, объективное содержание деятельности — с субъективным, смысл его труда не совпадает с его значением. "Для себя самого рабочий производит не шелк, который он тклет, не золото, которое он извлекает из шахты, не дворец, который он строит. Для себя самого он производит заработную плату, а шелк, золото, дворец превращаются для него в определенное количество жизненных средств, быть может в хлопчатобумажную куртку, в медную монету, в жилье где-нибудь в подвале... Смысл двенадцатичасового труда заключается для него не в том, что он тклет, прядет, сверлит и т.д., а в том, что это — способ заработка, который дает ему возможность поесть, пойти в трактир, поспать"¹⁷⁵. Возникает парадоксальное явление, как раз и характеризующее Марксом как "самоотчуждение" рабочего, отчуждение его сущности; с одной стороны он — творец, производитель материальных ценностей, носитель знаний и умений, обеспечивающий жизнь и развитие общества; с другой — для него содержание его труда вторично, он работает не для того, чтобы производить, а для того, чтобы жить. Он как бы раздваивается в своем отношении к труду, и это не может не отражаться в его сознании, в его восприятии предметной и общественной действительности, мира, предметов и мира человеческих отношений; это раздвоение приобретает нередко уродливые формы, которые, быть может, наиболее очевидно демонстрируют внутреннюю тенденцию, общую всему капиталистическому обществу. "Стеколыщик радуется граду, который перебил бы все стекла", — писал Фурье.

Описанное явление с большой ясностью отражается и в речевой деятельности, порождая резкое расхождение значения слов и их смысла. Вот какие — весьма показательные — слова вкладывает в уста своего героя, рабочего-пролетария, жителя окраины один современный испанский писатель, не имеющий ни-

¹⁷⁵ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 6., стр. 432.

чего общего с марксизмом. "Люди центра присвоили язык людей предместья. Раньше слова были как монеты — настоящие и фальшивые. Теперь в ходу одни только фальшивые монеты. Слова "хлеб", справедливость", "человек" потеряли свое истинное значение. Они стали простым звуком, орудием лжи... Люди центра захватили слова, лишили их живой плоти и пересадили на свою бесплодную почву. Правда не может сойти с их языка, как не может расти трава на асфальте улиц... Слово "хлеб" у них не означает хлеб, слово "человек" не означает человека. Каждое слово стало у них мышеловкой, каждая фраза ловушкой... И люди предместья вынуждены молчать. Ибо язык уже неподвластен им" (Хуан Гойтисоло, Прибой).

Попытаемся проанализировать эту тираду. Конечно, герой Гойтисоло не думает всерьез, что значение (в принятом нами понимании этого термина) слова хлеб оказывается разным у "людей центра" и "людей предместья". Оно продолжает означать хлеб. Но сам хлеб воспринимается по-разному. Для одного человека это средство существования, средство удовлетворения естественной потребности и в то же время — ясно осознаваемая, легко измеримая количеством затраченного труда общественная ценность. Для другого человека хлеб не воспринимается как общественная ценность, он оплачивается в булочной безличной и легко доставшейся монетой, а не за станком или в борозде — трудовым потом, и отношение к нему в принципе иное. Смысл хлеба, а следовательно и восприятие слова хлеб — различны; рабочий, герой романа, интуитивно ощущает это. Корнем этого различия является социальная структура капиталистического общества, отражающаяся в мотивации трудовой и иной деятельности человека, окрашивающая восприятие им таких, казалось бы, нейтральных слов, как "хлеб" или "человек".

Это не значит, что разница в мотиве деятельности, а отсюда и разница в смысле денотата или соответствующего ему слова, обязательно упирается в классовые различия. Но в классовом обществе (и с особенной ясностью в капиталистическом) объективное значение денотата (или слова) и его смысл всегда в той или иной мере расходятся, так как расходятся

"личный" интерес, "личный" мотив и интерес общества в целом. Важнейший шаг, сделанный социалистическим обществом вперед по сравнению с капиталистическим и заключается в том, что в нем ликвидирована социально-экономическая база отчуждения.

Независимо от того, отражается ли непосредственно в особенностях смысла классовое расслоение общества, он, как правило, связан тем или иным способом с социальной структурой этого общества. Смысл не индивидуален, ибо не индивидуальные мотивы деятельности, которую люди осуществляют, не индивидуально отношение людей к предметной и общественной действительности; это отношение всегда окрашено теми или иными групповыми интересами.

Таким образом, смысл, как и значение, есть форма воздействия общества на отдельного человека, форма общественного опыта, усваиваемого индивидом. Но в отличие от значения, это форма не кодифицированная. Как правило, смысл не существует для человека-носителя этого смысла как что-то отдельное от значения; напротив, человеку кажется, что он непосредственно воспринимает денотат /или слово/ в его объективном значении. Но все предметы человеческой действительности, как и все слова человеческого языка, видятся каждому из нас как бы через призму нашего "личного" (а не общественного) интереса. И нужно специальное усилие аналитической мысли, чтобы встать над этим интересом и уловить раздельность смысла и значения.

Сказанное выше, на наш взгляд, не противоречит известной концепции А.Н.Леонтьева о личностном смысле как отношении мотива к цели деятельности. Ведь то, что формирует наше отношение к предмету /слову/ — это и есть система мотивов, а предмет /слово/ всегда включен, если не актуально, то потенциально, в деятельность человека, имеющую ту или иную направленность.

Если мы вернемся теперь к деятельности общения, то психолингвистическая модель, кратко охарактеризованная выше, окажется вполне применимой и к более общему случаю. Деятельность общения обязательно включает в себя определенную мотивацию или, вернее, потребность в общении, формирующуюся у

коммуникатора благодаря тем или иным внекоммуникативным факторам и — в процессе ориентировки в проблемной ситуации — преобразуются в мотив деятельности общения. Одновременно формируется "смутное желание" (Л.С.Виготский), т.е. коммуникативное намерение (коммуникативная интенция), вычленяется коммуникативная задача. Затем осуществляется ориентировка в условиях этой задачи, благодаря чему становится в дальнейшем возможным планирование речевых (и вообще коммуникативных) действий. Это планирование (программирование), происходящее при помощи внутреннего (субъективного) кода¹⁷⁶, делает возможным переход к следующему этапу — конкретной семантико-грамматической реализации плана (программы, замысла) высказывания и т.д.

Психологическая специфика разных видов деятельности общения может быть охарактеризована по двум разным линиям, в двух основных аспектах. Это, во-первых, то, что связано с мотивацией и целеполаганием в деятельности общения, с ее "стратегическими" (по Л.Тайеру) аспектами, т.е. этапом ориентировки и планирования. Именно здесь и лежит главный ключ к анализу психологических факторов общения, здесь определяется и характер его ориентированности, и его психологическая динамика. Именно здесь объективные факторы, управляющие деятельностью общения, начинают существовать "... идеально, как внутренний образ, как потребность, как побуждение, и как цель"¹⁷⁷, презентирывая коммуникатору как мысленный результат этой деятельности, который "определяет способ и характер его действий"¹⁷⁸. В условиях деятельности общения

¹⁷⁶ См. Н.И.Линкин. Внутренние коды языка и внешние коды речи. "To Honor Roman Jakobson", The Hague-Paris, 45, 1967. Об основных фазах деятельности общения см. также: В.М.Соколов-нин. О природе человеческого общения. Фрунзе, 1973, стр. 52-53.

¹⁷⁷ К.Маркс и Ф.Энгельс. Собр.соч., т.12, стр.718.

¹⁷⁸ К.Маркс и Ф.Энгельс. Собр.соч., т.23, стр.189. Ср. Л.П.Будева. Проблема деятельности личности в марксистской и буржуазной социологии. "Исторический материализм как теория социального познания и деятельности". М., 1973.

контроль, носящий здесь прежде всего социальный характер (обратная связь от реципиента), реализуется прежде всего в этой фазе, влияя на изменение ориентировки и — через нее — на коррекцию (или полную перемену) плана¹⁷⁹, это заставляет нас уделить особое внимание процессам ориентировки.

Это, во-вторых, то, что связано с "тактической" стороной общения, т.е. его реализацией и в первую очередь — с опосредованием этой реализации различными вербальными и невербальными средствами.

Наше дальнейшее изложение мы — в соответствии со сказанным — и посвятим главным образом первой ориентировочной фазе. При этом мы рассмотрим само понятие ориентировки, а затем последовательно разберем различные компоненты этой фазы общения (различные факторы, определяющие ориентировку и планирование), а именно:

а) мотивацию общения как в широком смысле, так и применительно к различным типам ориентировочной активности в общении;

б) проблему специфической "коммуникативной потребности" и различные социально-психологические функции общения в современном обществе;

в) личностные факторы, определяющие процесс общения, и прежде всего такие категории, как роль, интернализированная роль, направленность личности;

г) установку на собеседника в разных ее аспектах;

д) социальные /точнее, "микросоциологические"/ факторы общения, прежде всего — процесс интеракции в малой группе;

е) ситуативные в широком смысле факторы ориентировки, в частности пространственные условия контакта, временные условия (общение в условиях временного дефицита), а также роль "социальной ситуации" в общении (так называемый речевой этикет");

¹⁷⁹ Прежде всего, но не исключительно! См. в этой связи А.А. Леонтьев. К психологии речевого воздействия. "Материалы IУ Всесоюзного симпозиума по психолингвистике и теории коммуникации". М., 1972.

ж) проблему "социальной техники" общения в связи с речевыми и неречевыми компонентами.

В заключение главы мы остановимся на некоторых психологических особенностях фазы реализации, уделив особое внимание застывшим "стереотипам" общения (ритуалы, "игры" в смысле Берна - "games people play" и т.д.).

ж ж ж

Понятие ориентировочной активности (в разных аспектах этого понятия) занимает очень существенное место в современной психологической теории.

Уже на физиологическом уровне мы вслед за И.П.Павловым¹⁸⁰ можем говорить о так называемой "ориентировочной реакции", генезис, динамика и приспособительные функции которой были в последние годы детально исследованы Е.Н.Соколовым, И.М.Фейгенбергом и другими авторами. "С помощью ориентировочного рефлекса выделяется объективная связь между сигналом, реакцией и подкреплением и обеспечивается ее отражение в центральной нервной системе"¹⁸¹. Об ориентировочном рефлексе или ориентировочной реакции целесообразно говорить в тех случаях, когда результатом соответствующей активности организма является настройка рецепторов в соответствии со свойствами раздражителей, обеспечивающая наилучший учет этих свойств¹⁸². Однако ориентировка высших животных, не говоря уже о человеке, в новой ситуации ни в коей мере не сводится к такой настройке и представляет собой во многих случаях сложную аналитико-синтетическую деятельность, адекватно интерпретируемую лишь в психологических терминах. В этих слу-

¹⁸⁰ И.П.Павлов. Полн.собр.соч., изд.2, т.IV, М.-Л.,1951, стр. 142 и др.

¹⁸¹ П.Я.Гальперин. Ориентировочная деятельность. "Философская энциклопедия", т.4, М., 1967, стр.166.

¹⁸² См. напр. Е.Н.Соколов. Высшая нервная деятельность и проблема восприятия. Доклады на XIV Международном конгрессе по психологии". М., 1954.

чаях следует, по-видимому, говорить об ориентировочной деятельности (если не придавать последнему термину значения смысла деятельности) или ориентировочных действиях.

Ориентировочная деятельность может сопутствовать различным видам "основной" деятельности, а именно продуктивной деятельности, познавательной деятельности (ориентировочный компонент восприятия)¹⁸³, мнемической деятельности, деятельности по усвоению знаний и умений. Она сопутствует также и деятельности общения и составляет ее существеннейшую интегральную часть. С другой стороны, сама ориентировочная деятельность может выступать не обязательно в форме познавательной деятельности, но и как эмоциональная или волевая активность субъекта; выдвинутая А.Н.Леонтьевым психологическая теория эмоций как раз и направлена на подчеркивание именно этой ориентировочной функции эмоциональных проявлений.

Будучи рассматриваемая под наиболее общим углом зрения, ориентировочная деятельность связывает "основную" деятельность человека с теми внепсихологическими, прежде всего социальными по своей детерминации факторами, которые образуют динамику условий этой деятельности. Для того, чтобы построить деятельность оптимальным образом, мы должны соотнести деятельность /действие/ с ситуацией, произвести "выделение отдельных элементов в качестве последовательных ориентиров, на которые направляется и по которым контролируется выполнение отдельных операций"¹⁸⁴. Для этой цели, в свою очередь, мы должны иметь образ будущего действия ("идеальное действие") и организованную систему образов.

Проблема образа в ориентировочной деятельности специфична. Как правильно отмечает П.Я.Гальперин, нельзя рассматривать образ ситуации и ее отдельных компонентов (ориентиров) вне той реально осуществляемой ориентировочной дея-

¹⁸³ См. Л.А.Венгер. Восприятие и обучение. М., 1969, стр. 122 и след.

¹⁸⁴ П.Я.Гальперин. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. "Исследования мышления в советской психологии", М., 1966, стр.248.

тельности, - а далее и вообще вне той комплексной деятельности, включающей ориентировку, - в которую эти образы включены. Способы же включения и соответственно функции образа в ориентировочной деятельности неоднозначны.

Во-первых, мы имеем здесь дело с полностью автоматизированным действием, стимулируемым целостным образом ситуации при минимуме ориентировочной активности. Этот маргинальный случай, возможный и в животной сигнализации, нас не интересует сейчас.

Во-вторых, мы имеем дело с образами как результатами анализа ситуации и с ориентировочной деятельностью, опирающейся на эти образы. П.Я.Гальперин указывает, что эти образы "возникают потому, что элементы здесь не имеют таких значений, которые обеспечили бы успешность действия в его прежнем виде, и действие приходится регулировать по ходу исполнения"¹⁸⁵. Видимо, целесообразно тут же подчеркнуть и другой аспект проблемы, несколько затуманенный в цитируемой статье П.Я.Гальперина, а именно, то, что образ позволяет не только "остановить" динамику проблемной ситуации, но и "разложить" ее.

Поясним это положение. С нашей точки зрения, неточно говорить о глобальном "образе ситуации", выступающем в процессе ориентировки¹⁸⁶. Подобный образ может иметь принципиально различный характер. Во-первых, он может возникать как результат соотнесения прошлого опыта и ориентировочной деятельности в ситуации: иначе говоря, мы, оценивая ситуацию, производим бессознательный отбор адекватного способа речевого поведения, опираясь на свой опыт общения в прошлом. В этом случае есть результат опознания известной ситуации, диктующей выбор определенного речевого поведения. Например, входя в аудиторию, я, как достаточно опытный лектор, не ана-

¹⁸⁵ П.Я.Гальперин, Психология мышления и учения о поэтапном формировании умственных действий. "Исследования мышления в советской психологии". М., 1966, стр.248.

¹⁸⁶ См. напр. П.Я.Гальперин, Д.Б.Эльконин. К анализу теории Жана Пиаже о развитии детского мышления. В кн. Дх.Х. Флейшвалд. Генетическая концепция Жана Пиаже. М., 1967, стр. 620.

лизируя ситуацию, сразу выбираю определенный стиль речи и манеру поведения в зависимости от числа, уровня, степени усталости слушателей. Именно выбираю, и не вырабатываю! Но, во-вторых, "образ ситуации" может быть результатом своего рода обратного синтеза после активного "нащупывающего" анализа и соотнесения, осуществляемых мною в ходе ориентировочной деятельности. В этом случае такому вторичному образу предшествует более или менее сознательное выделение и презентация в сознании коммуникатора отдельных компонентов ситуации и оперирование с образами таких отдельных компонентов. Здесь мы имеем дело с ориентировочной деятельностью более сложного типа, и она может быть сведена к простому выбору из наличных вариантов речевого поведения; нам приходится активно строить и постоянно корректировать свое общение, удерживая в памяти необходимые сведения ориентировочного характера. Пример подобного рода — изложение прочитанного текста, пересказ; в данном случае текст (или, точнее, процесс понимания этого текста) выступает как ориентировочная основа общения. И для того, чтобы оно было адекватным, необходимо все время соотносить этот пересказ с "образом текста".

Очевидно, что если в первом случае мы имеем дело, как уже сказано, с выбором исполнительной части действия, то во втором сталкиваемся с активной ее коррекцией. Ориентировочно планирующая фаза здесь соотнесена с фазой контроля. По-видимому, целесообразно четко разделять случай "выделения отдельных элементов в качестве последовательных ориентиров, на которые направляется и по которым контролируется выполнение отдельных операций" и случай, когда "действие приходится регулировать по ходу исполнения"¹⁸⁷.

К сожалению, в большинстве работ, посвященных ориентировке, не приводится систематического противопоставления

¹⁸⁷ П.Я. Гальперин. Психология мышления и учение о поэтапном формировании умственных действий. "Исследования мышления в советской психологии". М., 1966, стр. 248.

понятия ориентировочной основы формирования действия и ориентировочной основы его осуществления¹⁸⁸. Многие из характеристик ориентировочной основы, выделяемые в нашей психологии, относятся именно и только к формированию. Это касается, например, такой характеристики, как полнота или неполнота ориентировочной основы¹⁸⁹. Если человек, вступающий в общение, сталкивается с какими-то ранее не встречавшимися ему компонентами ситуации общения и вынужден текущим образом их учитывать, это ни в коей мере не свидетельствует о неполноте сложившейся ранее ориентировочной основы его речевых действий; в том и заключается, по-видимому, одна из важнейших функций ориентировочной деятельности, что она позволяет человеку гибко приспособляться к изменяющейся ситуации, выделять в ней новые ориентиры. Дело не только в том, что изменяются отдельные компоненты ситуации, "элементы среды", как пишет П.Я.Гальперин, и приходится их "удерживать" в виде образов; изменяется сама структура и состав этой ситуации, ситуация в целом. Не "их [условий действия] значение подлежит уточнению", а подлежит анализу вся ситуация, и отдельные, известные ранее ориентиры выступают в этом процессе как опора, как самая общая и первоначальная схема, но не более. Приступая к ориентировке, мы часто еще не знаем, какие ориентиры окажутся нам необходимыми и в каком системном соотношении они будут находиться.

В случае речевого общения эта психологическая системность ориентиров, подчиненная их социальной, "объективной" системности, выступает особенно ясно, так как, даже имея один и тот же набор ориентиров, говорящий в зависимости от разных факторов меняет их иерархическое соотношение, делает тот или иной элемент ситуации доминантным, практически не учитывает другие элементы и т.п.

¹⁸⁸ Наиболее последовательно эти два аспекта ориентировки "разведены" в работах А.В.Запорожца.

¹⁸⁹ См. напр. Н.Ф.Талызина. Теоретические проблемы программированного обучения. М., 1969, стр.67.

Выдвинутое здесь положение особенно существенно подчеркнуть в той связи, что ориентировочная деятельность не всегда есть специализированная исследовательская деятельность. По-видимому, правомерно рассматривать как ориентировочное звено определенной деятельности какую-то иную относительно самостоятельную деятельность, функционально объединенную с данной в рамках более глобальной активности субъекта. В этом смысле (на наш взгляд, такое понимание в наибольшей мере соответствует духу психологической концепции школы Выготского) и правомерно говорить о смысловом анализе текста как ориентировочном звене деятельности по его пересказу; о перцептивных действиях как ориентировочном звене речевой деятельности, связанной с описанием или иным отображением воспринимаемой ситуации и т.п.

Думается, что "генетический" крен в трактовке П.Я.Гальперинам ориентировочной деятельности объясняет и то, что он связывает необходимой связью отдельные ориентиры и отдельные операции в составе деятельности. Этот тезис, бесспорный применительно к формированию действия, едва ли правомерен в случае сформированного действия; по-видимому, здесь правильнее говорить не об отношении "элемент : элемент", а об отношении "система : система".

В свете сказанного выше проблема ориентировочной деятельности в общении может быть представлена в разных аспектах. Во-первых, это будет проблема операционально значимых ориентиров в их соотношении с системно значимыми ориентирами. Во-вторых, это проблема соотношения объективной ориентировочной основы и ее психологического использования. В-третьих, это проблема функциональных взаимоотношений деятельности общения с другими деятельностями. Все эти аспекты ориентировочной деятельности нам придется учитывать в дальнейшем при анализе отдельных видов ориентировки.

Как уже отмечалось ранее, задача является результатом ориентировки в проблемной ситуации, а создание плана решения задачи (в том числе коммуникативной задачи) является результатом ориентировки в условиях задачи. Поэтому возникает проблема последовательных ступеней ориентировки, исключи-

тельно важная для анализа общения, о которой мы скажем подробнее несколько ниже.

Можно выделить три основных типа психологических ситуаций, в которых мы сталкиваемся с коммуникативной задачей. Первая из них есть ситуация, в которой общение есть один из возможных путей или способов удовлетворения личностных потребностей наряду с некоммуникативными (неречевыми) путями; мы выбираем этот (опосредованный) способ только потому, что не располагаем физической /или какой-либо иной/ возможностью добиться желаемой речевой цели. Я прошу передать мне тарелку, потому что не могу до нее дотянуться. Укажем, что в этом случае всегда присутствует доминирующая мотивация, управляющая речевой деятельностью, в которую включено речевое действие. Мне нужна не тарелка: я голоден, и тарелка с пищей является лишь средством удовлетворить этот голод. Эта ситуация соответствует "инициативной речи" Ф.Кайнца: в этом случае "некто по собственной инициативе и с самостоятельным выбором языкового материала формулирует усвоенное и обработанное им самим предметное и смысловое содержание при помощи выразительных средств языка"¹⁹⁰.

Вторая ситуация есть - в наиболее общем случае - ситуативно мотивированная речь, когда импульс для общения задан в самой ситуации. Пример - наблюдаемое нами поведение другого человека, которое мы не можем однозначно истолковать и спрашиваем: "Что это ты делаешь?" Если в первом случае задача общения, "задача" в смысле, принятом в психологии мышления, задана с самого начала, то в этом случае она вычленяется в ходе ориентировки в проблемной ситуации. При этом интенция не сужается до коммуникативной, а с самого начала возникает как коммуникативная. Природа мотивации здесь познавательная.

Третья ситуация есть речь, мотивированная контекстуально, речь в широком смысле этого слова реактивная, скажем, ответная реплика в диалоге. Такого рода речевому высказыванию предшествует обработка чужой речи. В свою очередь, эта

¹⁹⁰

Ф.Кайнц. Psychologie der Sprache, Stuttgart, 1951, Bd. III, стр. 112.

обработка может быть разной по характеру. Это может быть, например, простое отождествление высказывания, отнесение его к определенному классу речевых стимулов, требующему более или менее однозначного речевого высказывания; так, при встрече возможны различные варианты приветствия, иногда выходящие за границы коммуникативной речи — студент, пробегая, может бросить другому студенту нечто совершенно нечленораздельное, но этот звук будет адекватно воспринят его собеседником именно как приветствие. Это может быть "контролируемое вербальное поведение" Кайнца, т.е. разного рода операции над текстом и на базе текста. Наконец, это может быть собственно реактивное речевое поведение, когда говорящий осуществляет понимание произнесенного собеседником текста, перекодирова его на смысловой код, производя соответствующую обработку смысловой информации и "обращая" ее снова "наружу".

Итак, одним из характерных случаев предречевой ориентировки является ориентировка в тексте. Литература вопроса грандиозна, и мы изложим здесь лишь некоторые важнейшие соображения, возникающие в связи с имеющимися экспериментальными исследованиями и теоретическими разработками.

В сущности всякое осмысленное понимание текста выступает как ориентировка, ибо человек почти никогда не воспринимает текст ради абстрактной потребности в чтении (гоголевский Петрушка — исключение!). Другой вопрос, что эта ориентировка может быть включена в различную деятельность, например, в тот ее вид, который можно назвать эстетической деятельностью — художественным познанием, отражением и обобщением при помощи искусства¹⁹¹. В этом смысле сам процесс понимания можно рассматривать на различных уровнях, точнее — как разные процессы в зависимости от того, на какого рода деятельность он направлен. Например, в одной из статей американского психолога Ирвинга Ли, близкого к общей семантике, дается такая иерархия различных "пониманий": I. Понимание как следование определенной инструкции. "А понимает расписание поездов, если он способен при помощи этого расписания попасть

¹⁹¹ См. А.А. Леонтьев. Искусство как форма общения. "Психологические исследования". Тбилиси, 1972.

на нужный поезд". 2. Понимание как способность делать предсказание. "А понимает₂ В, если А способен правильно предсказать, какое несловесное действие В предпримет после высказывания". 3. Понимание как способность дать словесный эквивалент. "А понимает₃ В, если он способен описать, чего хочет В, в терминах, принятых или приемлемых для В, независимо от того, хочет ли А того же, что В". 4. Понимание как согласование программы. "А понимает₄ В, если они могут достигнуть согласия относительно какого-то действия независимо от того, является ли это согласование словесным". 5. Понимание как решение проблемы. "А понимает₅ ситуацию или проблемы, если он знает шаги, которые должны быть сделаны для ее разрешения, независимо от его способности или возможности для него сделать эти шаги". 6. Понимание как способность дать приемлемую реакцию. "А понимает₆ обычай, табу, художественные произведения и т.д., если его реакция на них принадлежит к числу реакций, приемлемых для В"¹⁹². Наконец, понимание может интерпретироваться как способность производить правильное рассуждение (making proper evaluations) о данном объекте, ситуации и т.п.¹⁹³.

Применительно к пониманию текстов этот общий тезис о разных видах понимания можно конкретизировать прежде всего в различении "смыслового" и "значенческого" понимания. В сущности, именно это имеет в виду Дж. Миллер, различая понимание как таковое и интерпретацию высказывания. "...Для нас, по-видимому, существенно провести некоторое различие между интерпретацией высказывания и пониманием его, так как пониманию обычно способствует нечто иное сверх лингвистического контекста, связанное с этим конкретным высказыванием. Муж, встреченный у двери словами: "Я купила сегодня несколько электрических лампочек", не должен ограничиваться их буквальным истолкованием, а должен понять, что ему надо пойти в кухню и заменить перегоревшую лампочку. Такая контексту-

¹⁹² J. Lee. Why Discussions Go Astray. "Language, Meaning and Maturity". Ed. by S. I. Hayakawa. N. Y., 1954, стр. 42.

¹⁹³ Там же, стр. 43, 49 и др.

альная информация лежит вне грамматики или лексики. Слушатель может понять функцию высказывания при помощи контекстуальных знаний самых различных видов¹⁹⁴.

Ориентировка в текстовой информации, как показывают исследования советских психологов (А.А.Смирнов, А.Н.Соколов, Н.И.Жинкин) происходит прежде всего в виде "смысловой группировки" и выделения "смысловых опорных пунктов". Важнейшая публикация в этой области, блестяще экспериментально фундаментальная и далеко выходящая по своей значимости за рамки узкой темы, обозначенной в заглавии – это монография А.А.Смирнова "Психология запоминания" и в особенности глава 6 этой книги ("Мыслительная деятельность при запоминании"). Более поздние работы по существу лишь развивают положения А.Смирнова и прежде всего его мысль, что смысловые опорные пункты не суть в строгом смысле опора при запоминании. "Смысловой опорный пункт – это опорный пункт понимания... Значение опорных пунктов в том, что выделяя их, мы лучше осознаем смысл содержания раздела... Выделение опорных пунктов есть перекодирование материала"¹⁹⁵. Это перекодирование может, естественно, быть разной "глубины", что послужило предметом исследования в кандидатской диссертации В.Ф.Сатиновой. Если представить текст вслед за Н.И.Жинкиным, И.А. Зимней, В.Д.Тункель, Т.М.Дридзе, Л.П.Апатовой как иерархию смысловых предикаций или иерархию "смыслов" (в нетерминологическом значении этого слова), то "понимание речи на уровне значений может иметь... дробные уровни, зависящие от того, как глубоко обучаемый проникает в смысловое содержание воспринимаемой речи". В.Ф.Сатинова выделяет три таких уровня: 1. Передача смыслового содержания на уровне "смыслов-суждений" /в рамках одного высказывания/; 2. Передача сюжетной линии /смыслов второго порядка/; 3. Передача основного со-

¹⁹⁴ Дж.Миллер. Психолингвисты. "Теория речевой деятельности" М., 1968, стр. 249.

¹⁹⁵ А.А.Смирнов. Проблемы психологии памяти. М., 1966, стр. 231-232.

держания /на уровне целого текста/¹⁹⁶.

Но возможно не только "значенческое" (объективное содержание текста), но и смысловое (в терминологическом значении) понимание, а именно: 1. Понимание цели поступка действующего лица сообщения; 2. Понимание мотива поступка действующего лица сообщения; 3. Понимание цели речевого поступка говорящего; 4. Понимание мотива деятельности говорящего. Очевидно, что понимание на уровне /4/ глубже понимания на уровне /3/ и соответственно /2/ и /1/.¹⁹⁷

Понимание текста на "значенческих" уровнях необходимо в том случае, когда базисная деятельность, обслуживаемая ориентировкой, есть деятельность над текстом, например, пересказ. Понимание текста на "смысловых" уровнях — это такая ориентировка, которая обслуживает деятельность с тем, что стоит "за" текстом. Например, получив письмо и поняв его на высших смысловых уровнях, я могу предпринять действия, совершенно никак не связанные с самим текстом письма; но тем не менее основным звеном ориентировки будет именно ориентировка в содержании этого письма.

Пониманию текста на различных уровнях, в частности, умение выделять "смысловые опорные точки" и соединять их в "коммуникативную перспективу", целесообразно специально учить. В ряде диссертаций, защищенных в последние годы, эта задача ставится и решается применительно к обучению иноязычной речи.¹⁹⁸

Непосредственно связана с проблемой понимания текста как одного из видов предречевой ориентировки модная ныне проблема "быстрого чтения". Как известно, под быстрым чте-

¹⁹⁶ Е.И.Пассов, В.Ф.Сатинова. Трансформация как психолингвистический критерий понимания речи. "Вопросы психолингвистики и преподавания русского языка как иностранного". М., 1971, стр. 126, 131.

¹⁹⁷ Там же, стр. 131.

¹⁹⁸ См. О.Д.Кузьменко. Содержание обучения чтению на английском языке в средней школе. Канд.дисс. М., 1970; В.Ф.Сатинова. Проблемы обучения аудированию монологической речи на творческом этапе. Канд.дисс. Минск, 1971; Л.И.Апатова. Обучение пониманию иноязычной речи на слух /начальный этап языкового вуза/. Канд.дисс. М., 1971.

нием понимается "такое чтение, которое обеспечивает смысловое усвоение и запоминание считываемой информации не традиционными методами"¹⁹⁹, или, иначе, "быстрое чтение - это скорее быстрое усвоение считываемой информации"²⁰⁰. Если выразить эту мысль в психологических терминах, "быстрое чтение" есть такой метод (или такие методы) считывания текста, которые обслуживают эвристические стратегии получения смысловой информации из этого текста. Подобные стратегии формируются в индивидуальном порядке под влиянием специфических задач усвоения информации, условий чтения, речевого и "чтецкого" опыта, и распространяются на тексты определенного типа и определенные ситуации смыслового восприятия. Непосредственно обучать им невозможно; однако возможно: 1) облегчать "считывание", т.е. "освобождать" человека от ригидной алгоритмической стратегии смыслового восприятия, навязываемой не вполне сформированным навыком чтения. Этой задаче и служат все существующие практические методы обучения "быстрому чтению", которые сводятся к тому, что мы не столько научаем человека читать быстро, сколько отучаем читать медленно; 2) выработать у чтеца умение быстро ориентироваться в смысловом содержании текста, что позволило бы ему применить стратегию, оптимальную в данном конкретном случае. Работы в этой области, специально направленные на обучение "быстрому чтению" пока практически отсутствуют²⁰¹.

¹⁹⁹ О.А.Кузнецов. Обучение быстрому чтению - средство повышения эффективности научно-информационной деятельности. НТИ, сер.1, 1971, №1, стр. 15.

²⁰⁰ Там же, стр.16.

²⁰¹ В настоящее время под нашим руководством студентами факультета психологии МГУ выполнен ряд курсовых работ по данной проблеме (работы Т.Борисовой, Т.Фалалеевой, И.Телевизского).

§ 2. Функционально-целевые факторы ориентировки в процессах общения.

Выше уже мы подчеркивали, что ориентировка выступает в процессах общения дважды, на двух этапах формирования речевого действия.

Прежде всего мы имеем дело с тем звеном процессов общения, которое соответствует ориентировке в проблемной ситуации. Анализируя ситуацию, в которой осуществляется общение, мы разделяем в ней известное и неизвестное, вычленив цель общения, его задачу и одновременно фиксируя имеющиеся условия достижения цели. В ходе этой ориентировки потребность превращается в мотив, объективизируется; формируется коммуникативная интенция; образуется "модель потребного будущего" /Н.А.Бернштейн/.

Мотивом общения в собственном смысле всегда является представление о той или иной цели общения, закрепленное в виде "воображаемой ситуации" /Д.Н.Узнадзе/ или "образа результата" /Дж.Миллер, К.Прибрам, Е.Галантер/. Таким образом, мы всегда сталкиваемся с двумя ситуациями: реально существующей в момент общения и предвидимой нами как результат общения²⁰². Вся психологическая динамика общения, о которой шла речь выше, и разворачивается как бы между этими двумя глобальными моделями действительности; это динамика не только и не столько во времени /было-стало/, сколько в соотношении условий задачи и самой задачи (есть-должны быть).

Очевидно, что данная ситуация ("ситуация прошедшего - настоящего") может быть весьма подробно проанализирована и учтена в мельчайших ее деталях участниками общения. Что же касается "ситуации потребного будущего", то она может субъективно выступать для участников общения в очень различных

202

Ср. различие "существующего=положения дел" и "желаемого=положения-дел" в схеме коммуникации, предлагаемой Л.Тайером: L. Thayer, *Communication and Communication Systems*. Homewood, (Ill.) 1968, стр. 63.

формах, часто весьма неопределенных. Так, например, в диалогическом общении, она, как правило, сводится к осознанной или бессознательной ориентации говорящего на ту или иную модальность глагола, о чем речь пойдет ниже.

Чрезвычайно важно подчеркнуть, что на этой ступени ориентировки мы отнюдь не имеем дело — даже если в дальнейшем последует речевая активность — с собственно речевой деятельностью. Имея ту или иную проблемную ситуацию, мы в принципе можем разрешить ее, не обязательно что-то сказав; возможны почти любые способы общения, включая сюда и то, что было ранее названо "материальным общением", которые способны привести нас к тому же конечному результату. Например, я работаю на станке и обнаруживаю, что мне нехватает заготовок²⁰³. Передо мной ситуация, складывающаяся из факта нехватки, системы материального обеспечения производства, моих производственных и личных взаимоотношений с товарищами по работе, мастером и заведующим складом и т.п. Анализируя эту ситуацию, я ставлю перед собой конкретную задачу. Она будет определяться моим представлением о том, что имеется сейчас, и ситуацией "потребного будущего". Что это за "потребное будущее" в данном случае? Естественно — ликвидация нехватки, для чего я должен вступить в контакт с кем-то из окружающих меня лиц. С кем и в какой контакт — зависит от ориентировки в проблемной ситуации. Я могу подойти к тому, кто работает за соседним станком, и взять у него пару заготовок; могу сделать знак проходящему мимо мастеру; могу сбежать на склад и там попросить нужные заготовки и т.п. Какой из этих путей я выберу, и определяется ориентировкой. Но когда она произведена, я уже точно знаю, вступил ли в общение, с кем и для чего и в какое именно общение (речевое, неречевое и т.п.).

После того, как у нас образовалась коммуникативная интенция, т.е. произошло преобразование проблемной ситуации общения в коммуникативную задачу, мы производим вторичную ори-

²⁰³ Из этого примера, кстати, видно, что проблемная ситуация в мышлении и проблемная коммуникативная ситуация не совпадают. Данная ситуация не является проблемной в познавательном смысле.

ентировку – на этот раз в условиях задачи, чтобы выбрать тот или иной способ ее решения. Результатом этой ориентировки является внутреннее программирование высказывания (мы исходим из предпосылки, что выбран речевой путь), т.е. формирование смысловой стороны высказывания, еще не связанное с выбором того или иного определенного языкового способа закрепления смыслового содержания.

В связи со сказанным выше несколько по-иному представляется проблема генезиса потребности общения. И первый вопрос, на который следует ответить – существует ли вообще такая потребность?

Почти все психологи, стремящиеся дать классификацию потребностей (needs), включают сюда и потребность в общении. Известная классификация Гилфорда²⁰⁴ относит ее к социальным потребностям. Р.Кеттелл говорит об "инстинкте общения"²⁰⁵. У Макколла потребность в общении, также врожденная, трактуется как стремление к "аффилиации", соучастию²⁰⁶. С другой стороны, А.Г.Ковалев, классифицируя потребности на материальные, духовные и социальные, относит потребность в общении к числу последних, ссылаясь при этом на авторитет Энгельса²⁰⁷. А.В.Петровский считает ее духовной потребностью (по происхождению культурной)²⁰⁸.

Говоря о потребности в общении, – независимо от того, считается ли она врожденной или "культурной", социальной, – обычно предполагается ее первичность, непроемкость, ее несводимость к другим потребностям, по крайней мере на опреде-

²⁰⁴ J. Guilford. Personality. N.Y., 1959.

²⁰⁵ R. Catell. Personality, motivation structure and measurement. N.Y., 1957.

²⁰⁶ R. McCull. Invested self-expression. "Psychological Review", 70, 1963, 4. См. П.М.Якобсон. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969, стр. 94-95. Классификация Макколла в этом звене восходит к классификации Мёррея, где, однако, "аффилиация" относится к психогенным (социальным) мотивам: Н.А. Murray (ed.). Explorations in Personality. Oxford, 1938, стр. 80-83.

²⁰⁷ А.Г.Ковалев. Психология личности. М., 1970, стр. 132.

²⁰⁸ "Общая психология". М., 1970, стр. 97.

ленном этапе онто- и филогенеза. Так ли это?

Очень четкий ответ на этот вопрос дает Н.Ф.Добрынин. Вот, что он пишет: "Потребность в общении свойственна не только человеку, но и многим животным, рождающимися беспомощными и требующими ухода окружающих. Первоначально эта потребность у маленького ребенка, возможно, имеет сходство с животными. Но очень скоро она приобретает собственно человеческий характер. Маленький ребенок после рождения также совершенно беспомощен и нуждается в помощи взрослых... Общение позволяет ему научиться понимать, что и как нужно делать, как добиваться исполнения его желаний. Маленький ребенок хватает за руку взрослого и показывает ему желаемый предмет даже еще тогда, когда не умеет говорить. Он стремится пользоваться помощью взрослых во всех трудных для него случаях. Общение у него связано также с пониманием того, чего хотят от него взрослые, и того, как ему следует поступать... Речь, как хорошо в свое время указал П.П. Блонский, возникает у ребенка именно под влиянием желания высказать то, чего ему хочется, с целью получить это от взрослых"²⁰⁹.

Итак, первоначально интересующая нас потребность "животна", т.е. не является социальной - В действительности, это другая потребность. Становясь человеческой, она перестает быть потребностью в собственно общении, но с самого начала служит своего рода соединительным звеном между личностью ребенка и социальными взаимоотношениями его с окружающими, возникающими в силу действия тех или иных некоммуникативных потребностей и мотивов. "Общение должно стать проблемой для того, чтобы возникла потребность в нем"²¹⁰. В сущности, ребенок вступает в кооперацию со взрослыми для достижения тех или иных целей - другое дело, что эти цели

²⁰⁹ Н.Ф.Добрынин. Активность личности и принцип значимости. "Проблемы личности". Материалы симпозиума". М., 1970, стр. 452-453.

²¹⁰ К.Р.Мегралидзе. Основные проблемы социологии мышления. Тбилиси, 1965, стр.105.

могут определяться либо самим ребенком, либо взрослым. Как очень точно определяет М.И.Лисина, "развитие" представляет собой усвоение детьми социально-исторического опыта человечества и материальной культуры. Человеческий опыт овеществлен в них таким образом, что дети не могут усмотреть его непосредственно и нуждаются в помощи старших детей и взрослых, уже овладевших частью этого опыта, для того, чтобы раскрыть его"²¹¹.

По М.И.Лисиной, общение у ребенка проходит несколько последовательных этапов. Оно начинается с непосредственно — эмоциональной формы: автор /на наш взгляд, терминологически неудачно/ определяет содержание такого общения как "обмен информацией об аффективном взаимоотношении общающихся сторон"²¹². Думается, что здесь еще рано говорить о собственно общении, так как оно не имеет, даже потенциально, никакого социально значимого содержания. Н.Ф.Добрынин прав, сопоставляя подобное "общение" с общением у животных. А как только у ребенка появляются предметные действия, "аффективные контакты ребенка с окружающими людьми разворачиваются уже в ходе их совместных действий с предметами" (там же), хотя игровые и манипулятивные действия ребенка отчасти приобретают специфическую социально-функциональную нагрузку — они совершаются не столько ради их непосредственного практического результата, сколько для того, чтобы заинтересовать взрослого и заслужить его похвалу и т.д."²¹³. Однако, существенно, что эта дополнительная социальная функция накладывается над игровыми и манипулятивными действиями.

²¹¹ М.И.Лисина. Развитие коммуникативных процессов у детей от рождения до семи лет. "Всероссийская научная конференция по актуальным проблемам общественного дошкольного воспитания и вопросам подготовки детей к школе". Тезисы докладов. Том II, М., 1970, стр. 104-105.

²¹² Там, стр. 105

²¹³ Там же, стр. 105-106. Дальнейшие этапы развития общения, выделяемые М.И.Лисиной, нас не интересуют.

В этом отношении чрезвычайно важны данные, полученные А.И.Мещеряковым на слепоглухонемых детях. Он подчеркивает, что уже "самые первые средства общения, имеющиеся еще до появления специальных коммуникативных средств - жестов, - те движения обслуживающего ребенка взрослого, которые являются началом их совместного предметного действия и которые стали выполнять две функции (деловую и коммуникативную), - и они возникают по инициативе взрослого. И эти первые средства общения слепоглухонемого возникают совсем не как выразительные движения, а создаются в деятельности по обслуживанию ребенка, то есть в труде, и знаменуют собой начало разделения пока еще простейшей трудовой операции между взрослым и ребенком"²¹⁴. Потребность в общении возникает у слепоглухонемого как следствие необходимости удовлетворения простых нужд ребенка.

Таким образом, "потребность в общении", по крайней мере на ранних этапах развития ребенка, сводится к использованию общения для удовлетворения некоммуникативных потребностей, прежде всего - социально-практических, т. е. - к проблеме генезиса социальных функций общения. Именно эти социальные функции прежде всего определяют и дифференцируют постановку цели в акте общения, вообще его (общения) психо-логическую динамику.

Остановимся на характеристике важнейших социальных /включая сюда и социально-психологические/²¹⁵ функций общения.

Ранее уже отмечалось, что деятельность общения в общем случае может быть понята как деятельность, которая в своих типичных формах - имеет целью планирование и координацию совместной производственной (непосредственно продуктивной, материальной, но и также и духовной, теоретической) деятельности группы индивидов и общества в целом. Она направлена на обеспечение единства целей и средств любой иной

²¹⁴ А.И.Мещеряков. Развитие средств общения у слепоглухонемых детей. Бр, 1971, № 8, стр. 127.

²¹⁵ Анализ функций речевого общения, в том числе социальных, с обзором литературы вопроса дается, между прочим в кн.: W. P. Robinson. Language and social behavior. Harmondsworth, 1972, главы 2-3.

продуктивной деятельности, носящей общественный характер, и таким образом как бы обслуживает эту последнюю, выступая как средство конституирования и оптимизации этой деятельности.

По-видимому, в наиболее "чистом" виде указанная выше функция "обеспечения" выступает тогда, когда мы имеем дело с коллективной производственной деятельностью. Обратимся к этому случаю, затрагивая попутно и вопросы, связанные с функциями речевого общения вообще в социальной группе либо общности, хотя бы и не носящей характера производственного коллектива.

Прежде всего необходимо отметить, что деятельность общения может выступать как орудие простого контакта между членами общности. С этим случаем мы обычно имеем дело, когда данная общность не является производственным коллективом, а ее члены не имеют общих целей деятельности и общих средств. В этих условиях контакт оказывается необходимым не столько для регулирования деятельности данной общности, сколько для самого поддержания ее существования. Примером таких общностей может служить, например, система клубов в Англии и некоторых других капиталистических странах, система ферейнов в Германии и Швейцарии и т.д. В этой связи целесообразно говорить о двух видах общностей - общностях, социологически ориентированных, направленных на достижение определенных социально значимых целей, и общностях, социально-психологически ориентированных, деятельность которых опосредована теми или иными особенностями личности их членов. Примером вторых могут служить неформальные группы, объединяющие подростков и юношей - так называемые "компании", в условиях буржуазного общества перерастающие иногда в "банды".

В буржуазной социальной психологии широко распространено убеждение, что коммуникация сама по себе формирует социальную группу. В интеракционистских теориях возникает даже тезис, что социальная группа и общество в целом имеют свое реальное бытие лишь в процессе коммуникации. В разных вариантах эту концепцию можно встретить у Дж.Дьюи, К.Черри, отчасти Т.Шибутани, Р. и Р.Хартли. Марксистская социальная психо-

логия не может, естественно, принять подобную концепцию, о чем не так давно интересно и аргументированно писали Г.Гибб и М.Форверг²¹⁶. По-видимому, здесь важно различать формирование социальной группы или общества как таковых и конституирующую роль общения в деятельности группы. А деятельность, даже если это производственная деятельность трудового коллектива, не тождественна бытию этого коллектива.

Естественно, что в производственном коллективе функция контакта не является определяющей для общения, но она тоже имеет место. Важно отметить, что она, наряду с другими функциями общения, играет значительную роль в формировании группового сознания. Огромный шаг вперед в этом формировании происходит, однако, как раз тогда, когда в основу группового сознания, скажем, рабочего класса ложится в первую очередь не контакт, не совместное пребывание в стенах завода и даже не факт совместной деятельности, а осознание единства целей этой совместной деятельности и средств их достижения, единства интересов рабочего класса. Вот эта-то функция деятельности общения — именно, обеспечение единства целей и средств деятельности производственного коллектива и вообще социальной группы — является несомненно основной²¹⁷.

Несколько лет назад румынским психологом Т.Слама-Казанку, как уже говорилось выше, было осуществлено монографическое исследование роли коммуникации в процессе труда. В ходе этого исследования было установлено, что основными побудительными причинами использования общения в трудовой деятельности являются: необходимость передачи сведений о положении вещей лицам, которые лишены возможности ясно и полно его воспринимать; необходимость взаимной консультации и обмена ин-

²¹⁶ Г.Гибб и М.Форверг. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972.

²¹⁷ Ср. у Т.Шибутани: "Коммуникация — это такой обмен, который обеспечивает кооперативную взаимопомощь, делая возможной координацию действий большой сложности" (Социальная психология. М., 1969, стр.126). Но Шибутани явно переоценивает эту сторону вопроса, сводя к ней все функции коммуникации.

формацией для изыскания решений; необходимость координации движений при непосредственном совместном труде и т.д. Были проанализированы также важнейшие модификации основных функций речи в трудовой деятельности. Среди них были выделены: а/ инструктирование; б/ планирование трудового процесса. В последнем выделяются в свою очередь две стороны – постановка единой цели и согласование единого способа ее достижения; в/ координация в трудовом процессе. И здесь также возможны различные стороны: синхронизация трудовых процессов – /"Раз-два! Взяли!"/, команда, т.е. обеспечение производства трудового действия в один и тот же, точно определенный момент времени /"Мотор!", "Стоп!"/ или дистрибуция трудовых процессов /"Левое в воду, правое суши!"/ или регуляция качества действия /скорости, направления, сложности/ и т.д.; прямой призыв к совместному действию; информация о ситуации; оценка результатов труда /"Готово!"/. Указанные модификации получают в работе Т.Слама-Казаку еще более подробную дифференциацию, на которой здесь нет нужды останавливаться²¹⁸.

Особенно существенно здесь отметить, что общение не просто опосредует совместную деятельность людей, деятельность социальной группы и в частности производственного коллектива: оно позволяет презентировать каждому из участников этой деятельности некоторые ее элементы, начиная с цели или задачи деятельности и включая ее структуру /вплоть до операционной/, цели отдельных действий, входящих в ее состав, объекты деятельности, используемые в ней орудия /поскольку речь идет об орудийной деятельности/, сведения о ситуации, необходимые для обстановочной афферентации, обобщенные сведения о вероятностном опыте отдельных участников деятельности и вообще о психологических особенностях их личности, необходимые для принятия решений коллективом в целом, и т. д. Эта сторона использования общения приобретает исключительную важность в условиях современного труда, весьма специа-

²¹⁸ T. Slama-Cazacu, Comunicarea in procesul muncii.

Bucuresti, 1964. Ср. уже у Г.Тарда: "Именно при помощи слова сначала, во время разговора, люди одного общества сообщают друг другу ...свои желания...производства /Общественное мнение и толпа. М., 1902, стр. 123/.

лизированного и автоматизированного, все больше переходящего из формы непосредственной коллективности, характерной для эпохи расцвета капитализма, в различные более сложные по внешности формы. Особенно важен он в социалистическом обществе с его сознательным трудом.

Наконец, в условиях совместной деятельности возникает еще и третий социально-психологический аспект использования деятельности общения. Речь идет о различных формах социального контроля над деятельностью индивида со стороны социальной группы, коллектива. Общеизвестно, что язык является одной из форм (хотя и не единственной), в которой существуют, передаются и усваиваются индивидом социальные ценности. Но этим его роль отнюдь не исчерпывается, и очень важно, в частности, указать на то, что сам по себе язык тоже представляет определенную норму²¹⁹.

До сих пор мы анализировали использование речевого общения внутри социальной группы. Переходя к использованию его в межгрупповых отношениях, укажем на два наиболее характерных случая, где общение оказывается носителем важных социально-психологических функций. Мы имеем в виду использование речи как орудия идентификации группы и индивида как члена данной группы (здесь, впрочем, налицо переходный случай от внутригруппового к межгрупповому общению) и как орудия социального обособления и противопоставления. Как способ идентификации обычно выступают выбранные, а нередко и кодифицированные, языковые приметы, для обозначения которых целесообразно терминологически использовать общеизвестное слово "пароль". Подобные пароли могут быть отдельными словами или словосочетаниями, фразами и т.д. Примером пароля является широко известное в 30-х г.г. антифашистское приветствие "Рот фронт!". Употребляя пароль, член группы сознательно заявляет о своей принадлежности к данной группе; таким образом пароль является средством идентифика-

²¹⁹ В.Г. Костомаров, А.А. Леонтьев, Б.С. Шварцкоф. Теория речевой деятельности и культура речи. "Основы теории речевой деятельности". М., 1974.

ции не только для слушающего, но и для самого говорящего. С другой стороны, в той же функции могут использоваться речевые или языковые особенности, возникающие стихийно, как следствие приспособления говорящего к речи окружающих его членов данной группы, не осознаваемые самим говорящим и информативные лишь для слушающего. Такого рода особенности возникают обычно в тех случаях, когда происходит переход человека из одной социальной группы в другую либо в пределах одного и того же общества, либо в порядке ассимиляции другим обществом (например, в условиях иммиграции).

Как способ противопоставления наиболее часто выступают так называемые "тайные языки", или, что то же, "социальные диалекты" /жаргоны, аргот/, например, "блатная музыка". Этот, воровской по своему происхождению, аргот широко используется подростками и молодежью именно как средство отделить себя (в социально-личностном отношении) от окружающих взрослых. Не следует думать, что эта функция тождественна предыдущей. Дело в том, что, противопоставляя себя окружающим, подросток не заявляет о своей принадлежности к определенной социальной группе, т.е. особенности его речи не являются паролем; если он и оказывается членом такой группы, то: а/ эта группа, как правило, неформальна, б/обычно членство в ней никак не связано с языковой спецификой речи ее членов. "Блат" выступает здесь исключительно в негативной, "отталкивательной" роли, что резко отличает этот случай его употребления от первоначальных его функций в воровском "коллективе".

Наконец, язык /речь/ выступает как орудие коммуникации между группами. Мы имеем в виду не простое "количественное" изменение характеристик общения, а изменение качественное — междгрупповое общение в условиях современного производства служит для специфических целей и пользуется специфическими средствами. Если межличностное общение, как видно из сказанного выше, детерминировано в значительной мере социально-психологически и — по крайней мере в своих маргинальных функциях — лишь через посредство социальной психологии социологически, то междгрупповое общение в условиях

производства есть прежде всего общение, непосредственно ориентированное на принятие решений производственным коллективом²²⁰. Характерно, что в языке, как правило, вырабатываются специфические "подязыки", специализированные для подобного межгруппового общения, например, так называемый "канцелярско-деловой" стиль, специфические языковые средства массовой коммуникации²²¹ и т.д. Межгрупповое общение со всей его социологической и коммуникативной спецификой может осуществляться не в непосредственно коллективной форме: скорее даже напротив — оно обычно как бы проецируется на то или иное лицо, взятое не как личность, а как носитель определенной социальной роли.

Здесь уместно, по-видимому, упомянуть вообще об "обратном" влиянии социальных и социально-психологических функций общения на структуру языка, словарный состав и т.д. Подобное влияние имеет место уже при внутригрупповом общении, хотя это последнее влияет больше на строение высказывания, чем на характер тех единиц, из которых оно складывается. Однако, наиболее ярко оно выступает именно в случае межгруппового общения. Далее, особую проблему может представить изучение того, как отражаются в языке и речи такие моменты, как разного рода стратификация общества (классовая, профессиональная, кастовая и т.д.); различные социальные институты, для обслуживания которых нередко возникают специализированные языковые подсистемы типа "языка науки", "языка права" и т.д.; наконец, социальные отношения внутри групп. Эти последние отражаются прежде всего в системе социолингвистических средств, регламентирующих порядок и формы общения с членами группы, находящимися в различных позициях относительно говорящего. Отступление от этих регламентированных форм общения вызывает — особенно в классовых обществах — огромный социально-психологический резонанс, который и служит мощным

²²⁰ См. М. Argyle, Social Interaction. N.Y., 1969, стр. 290 и след. Значительная часть исследований этой функции общения выполнена в рамках концепции "человеческих отношений", не приемлемой для советской психологии.

²²¹ См. В.Г. Костомаров. Русский язык на газетной полосе. М., 1971.

орудием санкции группы по отношению к "нарушителю" принятых форм.

Подводя итог нашему обзору способов использования речевого общения в условиях реальной коллективности и прежде всего в коллективной производственной деятельности, укажем, что обычно, анализируя социальные факторы в речевой деятельности, ограничиваются только внешней ее социальной обусловленностью (именно эта и только эта сторона вопроса изучается, как правило, под флагом проблемы "Язык и общество"). Очень редко обращаются при этом к другой стороне — внутренней социальной обусловленности речи, т.е. ее социальной природе, в частности, в аспекте процесса социализации личности говорящего. Если это и делается, то анализируется исключительно развитие и изменение значений, но никогда личностных смыслов. Между тем, именно система смыслов является основным каналом социальной обусловленности речевой/и иной/ деятельности²²².

Будучи введены в заблуждение смещением внутренней и внешней социальной обусловленности деятельности, многие лингвисты, равно как и психологи речи, проводят жесткое различие между функциями речевого общения в условиях реальной коллективности и в условиях "оторванной" от этой коллективности теоретической деятельности индивида. Думается, что это принципиально неверно, если следовать известному тезису Маркса, что "мое всеобщее сознание есть теоретическая форма того, живой формой чего является реальная коллективность"²²³. С точки зрения марксистско-ленинской философии, — точки зрения, находящей дальнейшее обоснование и развитие в прогрессивных течениях современной научной психологии, — общественный, социальный по природе характер деятельности имеет место во всех случаях, когда человек осуществляет специфически человеческую деятельность: "даже и тогда, когда я занимаюсь научной и т.п. деятельностью, даже и тогда я занят общественной деятельностью, потому что я

²²² См. А.А.Леонтьев. Смысл как психологическое понятие. "Психологические и психолингвистические проблемы владения и овладения языком". М., 1969.

²²³ К.Маркс и Ф.Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 590.

действую как человек. Мне не только дан, в качестве общественного продукта, материал для моей деятельности — даже и сам язык, на котором работает мыслитель, — и на и мое собственное бытие есть общественная деятельность²²⁴. Это определяет правомерность рассмотрения речевых факторов, влияющих на творческую, теоретическую деятельность индивида, под социально-психологическим углом зрения и распространения на этот случай общих положений, высказанных выше.

Проанализируем деятельность ученого. Нет ни малейшего сомнения, что его деятельность не может осуществляться — особенно в наше время, когда резко увеличился удельный вес коллективности в общем объеме научных исследований и неизмеримо ускорился темп научного развития — в отрыве от общения. Такое общение выступает в его деятельности в нескольких функциях. Начнем с того, что ни один ученый не может не отталкиваться от известного среднего или хотя бы минимального уровня знаний, свойственного данной науке или вообще данной отрасли знаний: у него всегда есть "фон", на котором он работает, и эти фоновые знания он считает аксиоматическими и бессознательно полагает (хотя это и не всегда соответствует действительности), что они имеются у всех коллег и всех читателей его работ. Далее, темп развития науки в целом и темп эволюции научных взглядов (и накопление научных знаний) конкретного ученого чаще всего не совпадают: должен существовать способ как-то приводить в соответствие с первым, может быть за счет прямого заимствования и использования "чужой" информации, может быть, за счет отнесения ее в разряд "фоновых" знаний и, образно выражаясь, перепрыгивая через нее. (Наблюдения показывают, что это распространенный случай, особенно у ученых старшего поколения). Далее, общение необходимо для правильной постановки задач в целях последующего их решения: ясно, что ученый, если он не будет контролировать общением правильность и своевременность постановки решаемых задач, может оказаться через какое-то время просто не нужным обществу²²⁵. Это — координация целей.

²²⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Из ранних произведений. М., 1956, стр. 550. Не следует отождествлять это положение с похожим на него тезисом "философии практики", отождествляющим духовную деятельность с продуктивной предметной деятельностью то, что в них общее, не исчерпывает их сущности.

²²⁵ Это не означает призыва к узкому практицизму. Но даже и среди чисто теоретических задач всегда можно выделить первый эшелон, второй эшелон и, так сказать, обоз.

В научной работе есть и координация средств: это использование общения для обмена научной информацией о методах и технических возможностях анализа. Мне не нужно конструировать заново экспериментальной установки, если в соседнем институте такая же установка уже создана, хотя бы и для другой цели. Мне не нужно планировать исследование какого-то частного вопроса, подчиненного моей основной задаче, если на этот вопрос уже дан исчерпывающий ответ моим коллегой. В научной деятельности общение используется и в функции, соответствующей координации трудовых процессов: это и есть, собственно, главная проблема организации науки, решаемая путем прямого (например, на научных конференциях) и косвенного (через посредство реферативных журналов и т.п.) общения ученых. Здесь важно отметить, кстати, важность личного общения ученых для координации их научной деятельности. Наконец, необходимым звеном деятельности ученого является общественное одобрение, так сказать, санкционирование обществом результатов работы. По-видимому, подобный анализ можно было бы продолжать и дальше, тем более, что сейчас сходными вопросами много занимаются в рамках науковедения. К сожалению, науковедение до последнего времени гораздо больше интересовалось "статикой" научного общения, формами и результатами информации, чем его "динамикой", реальными процессами и способами такого общения. В частности, крайне недостаточно исследовано формирование и функционирование так называемых "невидимых коллективов", играющих в современной науке огромную роль.

Говоря о роли общения в теоретической деятельности ученого (мы совершенно не исчерпали этой проблемы), мы сознательно оставили вопрос об общении между научным коллективом и остальным обществом, между наукой и не наукой, вопрос, приобретающий особенную остроту в связи с заметным ростом интереса общества к науке и распространением научно-популярной и научно-художественной литературы. В сущности, это — проблема межгруппового общения, и, как в любом межгрупповом общении, в нем имеются тенденции как к успешному разрешению возникающих противоречий, так и к своеобразному замыканию в рамках группы, к "языку авгуров"²²⁶.

²²⁶ См. С.П.Трапезников. Марксистско-ленинская философская наука и современность. ВФ, 1973, № 8, стр. 26-28.

Наконец, еще одна функция речевого общения, носящая исключительно социально-психологический характер – это функция социализации личности²²⁷. Социализация может быть первичной и вторичной (межличностное и социальное воздействие на уже сложившуюся личность, направленное на изменение уровня знаний и умений, системы ценностей и т.п.). Под первичной социализацией мы будем понимать процесс формирования личности ребенка и подростка в процессе усвоения знаний, умений, норм, ценностей. В ней могут быть выделены три основных компонента.

Во-первых, осуществляется накопление и усвоение знаний о действительности, и здесь речевое общение играет бесспорно первенствующую роль, особенно если мы включим в объем речевого общения и процесс восприятия печатного слова – учебника и другой литературы. Общество осуществляет своего рода социальный контроль над уровнем усвоенных индивидом знаний, имеющийся в его распоряжении минимум знаний должен быть достаточным для обеспечения адекватности его деятельности в соответствующей предметной и общественной деятельности, для правильной и достаточной ориентировки. Если этого минимума у него нет, возникает система санкций со стороны группы (насмешка, жалость и т.п.), стимулирующая овладение необходимыми знаниями. Объем и характер необходимых знаний, как это видно из сказанного, различен в разных условиях: деревенский мальчик знает многое из того, что не нужно городскому и о чем этот последний не имеет ни малейшего понятия, и наоборот.

Осуществляется, во-вторых, формирование умений, способностей, необходимых для того, чтобы производить саму эту деятельность. Формирование их тоже находится под социальным контролем. И формирование знаний, и формирование умений может происходить при разных видах контроля. Минимум того и другого обеспечивается бессознательным ощущением своей "неполноценности" – отсюда простейший мотив овладения таким минимумом. Дальнейшее овладение связано уже с иными мотивами, достаточно сложными и обычно прямо и сознательно диктуемыми обществом – мотивами социального и познавательного плана.

В процессе общения ребенка или подростка со взрослыми

²²⁷ При этом мы употребляем сам термин "социализация" условно, следуя в таком употреблении за большинством советских социологов. См. напр.: "Человек и общество. Проблемы социализации индивида" /УЗ НИИ комплексных социальных исследований ЛГУ, вып. IX/. Л., 1971.

осуществляется, однако, еще и третий процесс - это воспитание, т.е. формирование системы социальных установок, норм, ценностей, одним словом, - формирование ценностной ориентации личности²²⁸. Воспитание осуществляется опять-таки в процессе общения и невозможно без него. И чем более сложные аспекты личности мы "настраиваем", тем большую роль здесь играет именно речевое общение. В раннем возрасте ребенок гораздо больше получает в этом плане из прямого подражания, чем из словесного воздействия. Взрослея, он начинает ориентироваться на речевые санкции (одобрение или неодобрение) и затем уже - на прямую передачу определенных мнений, убеждений, установок.

Каковы те пути, по которым мы, взрослые, осуществляем процесс первичной социализации ребенка? Как вскользь уже было отмечено, это отнюдь не только речевое общение - известно, что даже такое простейшее умение, как умение вбить в дошку гвоздь, невозможно сформировать "теоретически" (мы имеем в виду, конечно, не необходимость для ребенка самому производить соответствующее действие, что тем более очевидно, а невозможность для него получить необходимую для этого информацию исключительно речевым путем, без прямого показа). Однако в настоящей работе мы ограничиваемся только анализом речевого общения. Даже и в его рамках мы имеем по крайней мере четыре связанных, но относительно независимых пути, по которым идет первичная социализация.

Уже при усвоении самого языка (которое является, конечно, частью первичной социализации) ребенок получает в готовом виде некоторые характерные для данного общества (данной культуры) способы осмысления и категоризации предметной и общественной действительности²²⁹. Например, у африканцев хауса имеется расчлененная система обозначения частей суток - "предрассветные сумерки", "рассвет", "время непосредственно перед восходом", "восход", "время от восхода до 7 час. ут-

²²⁸ Как правильно подчеркивает Л.П.Буева, такая ориентация является всегда предварительной: она становится личной установкой лишь при совпадении потребностей, интереса, опыта личности с общественными потребностями и социальным опытом. (Л.П.Буева. Социальная среда и сознание личности. М., 1968, стр. 100).

²²⁹ Не следует отождествлять этот тезис с известным положением о влиянии языка на строй мышления и способ поведения человека, отстаиваемым сторонниками т.н. "теории Сепира-Уорфа".

ра" и т.д. У австралийцев аранда молодые люди между 10 и 30 годами разделяются на четкие возрастные группы, имеющие особые названия, в зависимости от того, какие посвященные церемонии они уже прошли, и т.д. Все эти особенности осмысления действительности, корни которых лежат в особенностях общественной практики данного народа, воспринимаются каждым отдельным членом общества как нечто априорно данное, императивное, как атрибут действительности; для хауса день так же "естественно" состоит из нескольких десятков временных отрезков, как для европейца он распадается на утро, день, вечер и ночь.

Второй путь наиболее обычен — это передача знаний, умений и т.д. не через язык, а при помощи языка, в языковой форме. На нем нет необходимости специально останавливаться, так как в этом звене обучение и есть общение, оно не специфично. Зато очень специфичен и, насколько нам известно, весьма мало изучен третий путь. Это формирование при помощи языка таких относительно простых умений, навыков, отчасти установок, которые, не будучи в прямом смысле речевыми, обеспечивают возможность и успешность более сложных аспектов социализации. Например, обучая ребенка грамоте и в дальнейшем грамматике, мы формируем у него определенные умения анализа, которые в дальнейшем используются им при овладении неязыковым материалом.

На четвертом пути мы вскользь остановились выше. Это формирование личностных смыслов через посредство языковых значений, процессы смыслообразования через речевое воздействие.

Социальные (и социально-психологические) функции речевого общения соответствуют наиболее общим характеристикам проблемной ситуации общения. Можно, однако, сделать дальнейший шаг в сторону конкретизации, поставив вопрос уже не о функциях речевого общения, а о функциях речи, т.е. о еще более мелких целевых модификациях речевых актов. Сюда относятся такие функции, как поэтическая, функция "марки"/номинативная/, экспрессивно-эмоциональная, диакритическая функция и т.п. Эти функции нередко обслуживаются специализированными речевыми формами /формами речи/: отсюда такое понятие, как "поэтическая речь". Однако в практике общения широко

распространены окказиональные замены речи в этих функциях другими коммуникативными средствами²³⁰.

Будучи генетически менее тесно связаны с потребностями общества и отдельных социальных групп и институтов, функции речи тем не менее социально фиксированы: они не возникают, так сказать, *ad hoc*, и человек, вступающий в общение и производящий предварительную ориентировку, в ходе этой ориентировки как бы проецирует на имеющуюся ситуацию стереотипы общения, приспособленные для той или иной цели, функционально специализированные.

Но цель общения может выступать и в форме, менее определенно детерминирующей сам процесс общения. Примером такой обусловленности являются выделенные Н.Д.Арутюновой и А.Р.Балаяном различные коммуникативные аспекты диалога, определяющие его лингвистическую структуру. В качестве основных таких аспектов, позволяющих дать наиболее общую классификацию видов диалога, выделяются два типа диалога — диктальный (или информативный) и модальный. "Вокруг этих двух полюсов формируется весь спектр установок — психосоциальных основ реплицирования. Спектральное разнообразие установок представляет собой функционально-коммуникативную основу диалога. Оформление установки в виде конкретных программ реплицирования позволяет говорить о существовании определенных тактик диалогического поведения"²³¹. Модальное реплицирование может быть по своей установке полемическим и унисонным, диктальное — выясняющим и уточняющим, а эти подвиды в свою очередь позволяют дальнейшие модификации.

Наконец, целевой аспект общения может быть связан с возникающими в той или иной конкретной ситуации групповыми целями, так или иначе отражающимися в мотивах и целях члена группы и учитываемыми им в ходе ориентировки. Эта сторона общения рассматривается нами в следующем параграфе.

²³⁰ См. А.А.Леонтьев. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969, стр.29-42.

²³¹ А.Р.Балаян. Основные коммуникативные характеристики диалога. Автореф. канд.дисс. М., 1971, стр.6.

§ 3. Групповые и ролевые факторы ориентировки в процессе общения

Пионером в изучении социально-групповой обусловленности коммуникации и интеракции является американский психолог Р.Бейлс, которому принадлежат основополагающие исследования в этой области. Главнейшим результатом их явилось, во-первых, открытие тесной зависимости между задачами взаимодействия и типом общения в группе; во-вторых, выявление основных детерминант внутригруппового общения.

Первой из таких детерминант является структура группы, в частности наличие или отсутствие лидера. Уже Бейлс показал, что в группах, не имеющих формального лидера, возникает как бы двойное лидерство, причем оба лидера дополняют друг друга: один из них — лидер взаимодействия, обеспечивающий достижение совместной цели, другой — лидер общения, организующий информационные процессы в группе²³². В формальных группах поведение направляется их "официальной" структурой; по данным Стейнера²³³, такие факторы, как точность восприятия, "жизненно важные для неформальных групп, могут быть не существенными и даже дисфункциональными в системе структурированных ролей, присущих формальным организациям. Нельзя игнорировать в этой связи меру неформальной организации внутри организации формальной. Действительно, частые отступления от формальных каналов коммуникации суть один из лучших признаков неспособности формальной организации эффективно функционировать или удовлетворять эмоциональным потребностям своих членов"²³⁴.

В этой связи встает проблема так называемых "коммуника-

²³² R. Bales, The Equilibrium Problem in Small Groups. "Working Papers in the Theory of Action", N.Y., 1953. Из других известных работ Бейлса назовем здесь: Interaction Process Analysis. Cambridge (Mass.), 1950.

²³³ J. Steiner, Interpersonal Behavior as Influenced by the Accuracy of Social Perception. "Psychological Review", v. 62, 1955.

²³⁴ J. M. McLeod. The Contribution of Psychology to Human Communication Theory. "Human Communication", ed by F. E. X. Dancs. N.Y., 1967, стр. 216.

ционных сетей". Она впервые была поставлена Э.Бавеласом²³⁵, экспериментально показавшим неоптимальность формальных организаций с точки зрения эффективности коммуникативных процессов. Из более поздних работ в этом направлении можно назвать исследования Г.Ливитта, М.Мулдера, а также Дж.Хейзе и Дж.Миллера. Ливитт, в частности, показал, что при сопоставлении двух типов коммуникативных сетей — "кольца", где каждый из пяти коммуникантов может общаться только со своим соседом, и "звезды", где каждый из четырех коммуникантов может общаться с пятым /и наоборот/, но не друг с другом, — "звезда" более эффективна с точки зрения скорости достижения объективного результата; но "кольцо", хотя оно требует большего объема сообщений и генерирует больше ошибочных решений, обеспечивает большее единство группы²³⁶. Хейзе и Миллер исследовали влияние разных типов задач на функционирование коммуникативных сетей и показали, что для различных целей оптимальны различные типы сетей²³⁷. Отсюда логично следует отказ в ряде работ последних лет от использования самого понятия "коммуникативной сети" как рабочего понятия и противопоставление коммуникативной сети (как "набора материальных возможностей коммуникации") и реальной коммуникативной структуры ("набор коммуникаций, действительно функционирующих в группе"), проводимое, в частности, К.Фламентом и Я.Яноушом²³⁸.

Поскольку эффективность коммуникации в различных типах коммуникативных сетей в значительной, если не в решающей ме-

²³⁵ A. Bavelas. Communication Patterns in Task-Oriented Groups. "Journ. Amer. Soc. Acoust.", v. 22, 1950.

²³⁶ H. Leavitt. Some Effects of Certain Communication Patterns on Group Performance. "Journ. of Abnorm. and Soc. Psych.", v. 46, 1951, N 1.

²³⁷ G.A. Heise, G.A. Miller. Problem-Solving by small groups using various communication nets. "Journ. of Abnorm. and Soc. Psychology", v. 46, 1951, N 3. Cp. G. Guetzkow, H.A. Simon. The Impact of Certain Communication Nets upon Organization and Performance in Task-Oriented Groups. "Management Science", v. 1, 1955, N 3-4.

²³⁸ См. C. Flament. Reseaux de communication et structures de groupes. Paris, 1965.

ре определяется возможностями каждого отдельного коммуниканта, его навыками общения и его представлениями о группе и ее цели, постольку стереотипы поведения и общения, а также экспектации, во всяком случае в формальных группах, диктуются в очень большой степени социальными ролями коммуникантов. Это — особая проблема, нуждающаяся прежде всего в точном определении самого понятия социальной роли применительно к данному случаю. Остановимся на этой группе детерминант общения.

В последние годы в советской социологической и социально-психологической литературе, не говоря уже о переводных работах, понятие социальной роли анализировалось неоднократно²³⁹. Не повторяя здесь этого анализа, лишь изложим кратко основные, с нашей точки зрения, его результаты.

За понятием роли стоят три связанных, но гетерогенных понятия. Это: 1/ роль как сумма требований, ассоциированных с данной позицией, или, что то же, — система ролевых предписаний /ролевых ожиданий/; 2/ роль как понимание индивидом того, что от него ожидается, т.е. "интернализованная роль"; 3/ роль как реальное действие с данной позиции, т.е. ролевое поведение²⁴⁰. В первом смысле роль есть понятие социологическое, система так понимаемых ролей конституирует личность как категорию социологии²⁴¹. Роль в третьем смысле — это шаблон поведения²⁴², и именно так прежде всего трактуется роль интеракционалистами²⁴³. Для нас существенна роль₂, т.е. интернализованная роль, ибо как раз она, т.е. представление

²³⁹ Иностранная литература проблемы обобщена в статье: Н.Д.Левитов. "Теория ролей" в психологии. ВП., 1969, № 6. Важнейшая советская литература приводится далее в сносках.

²⁴⁰ Э.В.Беляев, Д.Н.Шалин. К понятию "роль" в социологии. "Социальные исследования", вып.7, М., 1971, стр. 184-185; А.Кречмар. О понятийном аппарате социологической концепции личности. "Социальные исследования", вып.5, М., 1970, стр.80-81.

²⁴¹ Н.Ф.Наумова. Проблема человека в социологии. ВФ, 1971, стр.60.

²⁴² См. Т.Шибутани. Социальная психология. М., 1969, стр. 44 и след.

²⁴³ См. Э.В.Беляев, Д.Н.Шалин. Указ.соч.; И.С.Кон. Социология личности. М., 1967, стр.23; Л.И.Божович. Личность и ее формирование в детском возрасте. М., 1968, стр.114-115.

человека о ролевых ожиданиях, является наряду с другими факторами содержанием предречевой ориентировки в общении.

От роли следует отличать позицию, определяющую ролевые ожидания к данному человеку в данной ситуации.

Интернализированная роль определяется как "внутреннее определение индивидом своего социального положения и его отношение к этому положению и вытекающим из него обязанностям"²⁴⁴. По словам того же автора (И.С.Кона), "одна и та же социальная роль по-разному воспринимается, переживается, оценивается и реализуется разными людьми. Здесь сказываются как индивидуально-психологические особенности личности (ее темперамент, характер, склонности), так и усвоенные ею социальные установки, ценностные ориентации и т.п. ... Межиндивидуальный ролевой анализ должен быть дополнен интраиндивидуальным подходом, позволяющим перейти от структуры взаимоотношений данного индивида с другими к его внутренней психологической структуре, одним из элементов которой является интернализированная роль"²⁴⁵. Отсюда И.С.Кон переходит к категории интереса, о чем мы скажем ниже. Но так или иначе получается именно переход "снаружи" "внутрь", интернализированная роль является как бы отражением ролевых предписаний в зеркале личности.

Другое определение интернализированной роли, данное А.Кречмаром, представляется нам методологически более точным. Он правильно подчеркивает, что "интернализированная роль" всегда соотносится с "ролевым предписанием" и "ролевым поведением". Лишь в этой связи понятие "интернализированная роль" приобретает методологическое значение: оно позволяет характеризовать степень идентификации личности с заданными ей нормами и требованиями. Понятие "интернализированная роль" характеризует сознание личности как бы в ситуативном плане, с точки зрения отношения к определенным ролевым предписаниям.

²⁴⁴ И.С.Кон. Социология личности. М., 1967, стр. 25.

²⁴⁵ Там же, стр. 26.

Понятие "интернализованная роль" по сути дела характеризует индивида не как целостную личность, а скорее как функционала²⁴⁶. Отсюда А.Кречмар логически приходит к утверждению о необходимости введения в аппарат теории личности более широкой категории, каковой у него и является ценностная ориентация личности, "позволяющая теоретически фиксировать "сверхситуативную" целостность личности"²⁴⁷.

Однако А.Кречмар оставляет совершенно открытым вопрос о том, чем же детерминируется, благодаря чему возникает сама эта ценностная ориентация, и сводит ее к зафиксированной в качестве стабильного регулятора поведения системе знаний и системе жизненного опыта. Поэтому здесь его понимание нуждается в серьезных коррективах.

Начнем с того, что "разведем" это понятие и его источник - структурно-функциональное понятие "ценностных ориентаций", соотнесенное с ценностными стандартами и "мотивационными ориентациями" и в конечном счете понимаемое Т.Парсонсом как "ориентации на ориентации"²⁴⁸. Мы, вслед за А.Кречмаром, рассматриваем ценностную ориентацию как некоторую глобальную психологическую характеристику личности, отнюдь не распадающуюся на отдельные ситуативно обусловленные компоненты. Поэтому нельзя согласиться и с трактовкой ее в книге И.С.Кона, который вводит следующее понятие ориентации: "это целая система установок, в свете которых индивид /группа/ воспринимает ситуацию и выбирает соответствующий образ действий"²⁴⁹. Такое понимание в сущности сводит проблему к выбору реакции на ту или иную ситуацию - стимул, а ценностную ориентацию представляет как систему критериев такого выбора. Характерно, как трактуются И.С.Коном некоторые другие психологические понятия. Установка определяет "отношение группы или индивида к какому-либо объекту, а также и самый способ его восприятия. Установка - состояние готовности к определенной

²⁴⁶ А.Кречмар. Указ.соч., стр.85-86. Подчеркнуто мной - А.Л.

²⁴⁷ Там же, стр. 86. Подчеркнуто автором.

²⁴⁸ Хорошее описание этого понятия см.: Т.Б.Дюбонова. Понятие ценности в буржуазной социологии. "Социальные исследования", вып.5, М., 1970.

²⁴⁹ И.С.Кон. Социология личности. М., 1967, стр. 28.

активности, способной удовлетворить ту или иную потребность". "Мотив обозначает субъективное отношение человека к своему поступку, сознательно поставленную цель, направляющую или объясняющую поведение ... Мотивы зависят как от особенностей индивида, так и от конкретной ситуации и могут быть противоречивыми и непоследовательными"²⁵⁰. Наконец, интерес понимается вслед за А.Г.Здравомысловым как некое глобальное понятие, обусловленное социальным положением лица и преломляющееся в системе мотивов, установок и ориентаций²⁵¹. В сущности, единственной "глобальной" категорией, представляющей личность как целое, здесь является интерес; но именно эта категория и не имеет у И.С.Кона (как и у других авторов-социологов) реального психологического содержания, это именно "переходная" категория, "мостик", введенный чтобы связать интраиндивидуальное с интериндивидуальным. Все же прочие категории ситуативно детерминированы, они "выпадают" из целостной картины личности.

Отталкиваясь от поведения человека в конкретной ситуации и от восприятия им этой ситуации, нельзя "построить" целостную личность, как это стремятся сделать И.С.Кон, А.Кречмар и огромное большинство других авторов, идущих к понятию личности от социологии и социальной психологии.²⁵²

Личность есть определенная иерархическая структура человеческих отношений, общественных по своей природе. Она "представляет собой систему иерархий с выделением ведущих жизненных мотивов, жизненных целей"²⁵³. Эти мотивы подчиняют себе другие мотивы и цели и формируют для человека личностный смысл его действий, их целей и условий. Формировать деятельность - это одновременно "формировать мотивы деятельности, от которых и зависит ее личностный смысл для человека, ее место во внутренней структуре его личности. С некоторыми оговорками можно сказать, что формирование мотивов есть форми-

²⁵⁰ И.С.Кон. Указ.соч., стр. 27-28, 27.

²⁵¹ См. А.Г.Здравомыслов. Проблема интереса в социологической теории. Л., 1964.

²⁵² В этом отношении особенно характерен сб. "Социологические исследования". Тбилиси, 1971.

²⁵³ А.Н.Леонтьев. Некоторые психологические вопросы воздействия на личность. "Проблемы научного коммунизма", вып. 2, М., 1968, стр. 33.

рование самой личности. Укажите, каковы мотивы деятельности человека, какие из них являются ведущими, какова их иерархия (т.е. какова "мотивационная структура"), и вы получите важнейшую характеристику личности"²⁵⁴.

Эта характеристика и называется Л.И.Божович и ее сотрудниками "направленностью личности".

Направленность личности определяет целостность этой личности и обеспечивает ее устойчивость. "... Наиболее глубокой, фундаментальной является характеристика направленности с точки зрения отношения человека к себе и к обществу. В зависимости от того, что побуждает человека — мотивы личной заинтересованности или мотивы, связанные с интересами других людей, строятся и все другие особенности его личности: интересы, черты характера, стремления и переживания. Более того, от направленности личности зависят не только комплекс характерных для данного человека качеств, но и внутреннее строение каждого присущего ему качества.

... Нельзя произвольно отсекал изучаемое явление (процесс, свойство, качество) от личности в целом, от ее направленности, от системы ее отношений к действительности, от ее переживаний и поступков... Необходимо постоянно иметь в виду то, какую функцию изучаемое психическое явление выполняет в сложной системе взаимодействия человека с окружающей его действительностью.

В сущности это положение является лишь применением в психологии общего методологического принципа марксистско-ленинской философии"²⁵⁵.

Направленность личности, согласно П.М.Якобсону, может проявляться не только в собственно мотивах и потребностях, но и в особенностях интересов, целей, в установках личности и т. п.²⁵⁶. Схожее понятие предлагает /хотя недостаточно раскрывает его/ Б.Д.Парыгин под названием "динамической структуры личности"²⁵⁷. Ценные мысли, близкие к изложенному выше пониманию,

²⁵⁴ А.Н.Леонтьев. Некоторые психологические вопросы воздействия на личность. "Проблемы научного коммунизма", вып.2, М., 1968, стр. 39.

²⁵⁵ Л.И.Божович. Указ.соч., стр.422,423. См.также М.С.Неймарк. Об экспериментальном изучении направленности личности. ВП. 1963, №1; П.М.Якобсон. Психологические проблемы мотивации поведения человека. М., 1969, стр. 178-179.

²⁵⁶ См. П.М.Якобсон. Указ.соч., стр. 186.

²⁵⁷ Б.Д.Парыгин. Основы социально-психологической теории. М., 1971, стр. 119. См. также А.В.Петровский. О психологии личности. М., 1971.

можно найти также в статье Е.В.Шороховой²⁵⁸, а также в многочисленных работах В.Н.Мясищева, обосновывающего "психологию отношений".

Понимая целостную личность как фиксированную структуру отношений человека к действительности, другим людям и самому себе, определяющую набор конкретных действий и взаимодействий, осуществляемых им, мы можем подойти с этой точки зрения и к проблемам общения, органически включая эти проблемы в круг проблем, связанных с личностью и ее направленностью. Подобный подход, направленный на вскрытие того, "какую функцию изучаемое психическое явление выполняет в сложной системе взаимодействия человека с окружающей его действительностью" (Л.И.Божович), предполагает прежде всего подход к общению с точки зрения тех социальных потребностей, которые оно удовлетворяет, с точки зрения социальных мотивов общения, диктуемых спецификой отношений личности к действительности. Именно здесь, добавим в скобках, и лежит действительный ключ к генезису "потребности общения".

М.Аргайл²⁵⁹ выделяет 7 подобных мотивов, реальное функционирование которых определяется направленностью данной личности. Сюда относятся:

1. Несоциальные потребности, опосредуемые социальным поведением, в частности общением, и выражающиеся в нем. Очевидно, что этот мотив (или группа мотивов) наименее непосредственно связан с направленностью личности, с ее ведущими мотивами; личность здесь выступает прежде всего как своеобразный "фильтр", в большей или меньшей степени допускающий актуализацию несоциальных потребностей во взаимодействии /интеракции/ и общении людей.

2. Потребность в зависимости, так сказать, потенциальная конформность. Эта потребность, особенно ясно проявляющаяся в детском возрасте по отношению к родителям и другим взрослым, имеет коррелят в виде потребности в доминировании

²⁵⁸ Е.В.Шорохова. Некоторые методологические вопросы психологии личности. "Проблемы личности. Материалы симпозиума". М., 1969. См. также Л.И.Анцыферова. Личность и деятельность. Там же /особенно о взглядах Г.Олпорта/.

²⁵⁹ M. Argyle. The Psychology of Interpersonal Behavior. London, 1967, стр. 20-30.

(см. ниже); нередко одна и та же личность (так называемая личность "авторитарного" типа) проявляет ту или иную потребность в зависимости от конкретной ситуации общения и взаимодействия. Солдафон потому и солдафон, что он груб с подчиненными и проявляет с ними свою власть, но в то же время свыше меры почтителен к начальству и ест его глазами.

3. Потребность в аффилиации. Это - потребность в духовном или чувственном контакте с другими людьми, характерная для экстравертных личностей. Понятия "общности" и "согласия" связаны, по-видимому, прежде всего, именно с этим видом социально-коммуникативных потребностей. Экспериментальные данные свидетельствуют, что для каждого человека относительно любого другого существует определенный "уровень интимности" (развивающийся во времени), достижение которого удовлетворяет потребность в аффилиации. Есть люди (интраверты, особенно параноиды), у которых потребность в аффилиации практически отсутствует: они никогда не вступают в общение ради общения - оно у них детерминировано всегда либо прагматически, необходимостью достижения конкретной некоммуникативной цели, либо другими социальными потребностями.

4. Потребность в доминировании. Она, по Аргайлу, включает в себя потребность во власти (контролировать поведение других) и в уровне признания (быть предметом восхищения и т.п.). Люди с высоким уровнем мотивов этого типа часто принимают участие в "борьбе за позиции", из них формируются карьеристы.

5. Сексуальная потребность - это своего рода аффилиативная потребность, направленная всегда на лиц противоположного пола.

6. Потребность в агрессии²⁶⁰, более, чем другие потребности, определяемая аффективными факторами.

7. Потребность в самопознании и самоутверждении.

²⁶⁰ Интереснейшие данные о социологических факторах агрессивности приводит М. Мид: M. Mead. Sex and temperament. N.Y. 1935. См. также R. Brown. Social Psychology. N.Y. - London, 1965, стр. 164-172; M. Argyle, Social Interaction. N.Y., 1969, стр. 45-47.

Все эти потребности не являются врожденными. Они — как социальные потребности (ибо, конечно, хотя бы сексуальное влечение имеет чисто биологические корни; но оно образует социальные потребности разного типа и разной силы в зависимости от конкретного общества, социальной позиции и т.п.) — складываются, как правило, в детстве, в ранней юности²⁶¹, формируя характер и накладываясь на определенные задатки. Между ними существует определенная взаимозависимость: личность можно охарактеризовать по двум статистически независимым парам координат²⁶² (зависимость — доминирование и степень аффилиации, включая сексуальный ее аспект). Агрессия обычно связана с низким уровнем аффилиации.

Приведенная схема Аргайла, по-видимому, нуждается в некоторых коррективах. Во-первых, из нее фактически выпало то, что можно назвать "прагматическими" мотивами, если только не включать их в первую потребность (которая в таком случае разрастается до почти всеохватывающих размеров). В сущности, это даже не прагматические мотивы, а прежде всего потребности, объективированные в том или ином результате продуктивной совместной деятельности. Во-вторых, Аргайл не предусмотрел "альтруистических" социальных потребностей: его схема описывает лишь те социальные потребности, ту социальную мотивацию, которая, так сказать, "замкнута на себя". Но человек может вступать в общение, вообще осуществлять социальное поведение, и не имея никаких "эгоистических" мотивов, а думая лишь об интересах и пользе другого человека или общества в целом. Это, собственно говоря, — высшая ступень социальной мотивации, характерная для человека социалистического общества (хотя, конечно, совершенно не обязательно выступающая только в таком обществе) и наглядно показывающая,

²⁶¹ Ср. в этой связи проведенный Е.И. Матацкой анализ мотивов интеракции у дошкольников, в ходе которой осуществляется коммуникация на иностранном языке: это "стремление детей к самовыражению, самоутверждению, к контакту с окружающими, к познанию". (Речевая игра на занятиях английским языком в детском саду. Автореф. канд. дисс. М., 1971, стр. 10).

²⁶² См. U.G. Foa, Convergences in the analysis of the structure of interpersonal behavior. "Psychological Review", v. 69, 1961.

как направленность личности детерминируется обществом. Наконец, в-третьих, в классификации Аргайла не отразились познавательные мотивы.

Что касается этих последних, то здесь интересно привести данные Уэкмана²⁶³. Он выделяет в когнитивно ориентированном общении три переменных: 1/ когнитивное согласие; 2/ конгруэнтность (сходство моего знания и моей модели знания собеседника); 3/ точность (сходство моей модели знания собеседника и самого этого знания). Эксперименты, осуществленные Уэкманом и Битти на случайных диадах, Чэффи и Маклеодом на супружеских парах и Ньюккомом - на студентах-соседях по общежитию, дали совпадающие результаты - что эффектом когнитивно ориентированной коммуникации является в основном рост точности, т.е. человек общается, так сказать, не проективно, а адаптивно, он стремится прежде всего побольше узнать о той информации, которая есть у другого человека.

Вероятно, социальные потребности, определяющие интеракцию и общение, можно грубо разделить на три основных типа: а/ потребности, ориентированные на объект или цель взаимодействия; б/ потребности, ориентированные на интересы самого коммуникатора; в/ потребности, ориентированные на интересы другого человека или общества в целом. В реальном социальном поведении человека всегда выступают все три типа потребностей, будучи, однако, иерархизованы по-разному и занимая различный объем²⁶⁴.

Характер и "социальная техника" (средства) общения (которой далее будет посвящен особый параграф) коренным образом меняются в зависимости от того "уровня личности", который детерминирует это общение. Когда мы говорим о том, что социальная роль существенна для общения, это само по себе бессодержательное утверждение: за ним может стоять детерминация очень различного характера. Напомним, что по Сарбину,

²⁶³ D.B. Wackman. *Interpersonal Communication and co-orientation*, Отд.оттиск.

²⁶⁴ Ср. классификацию мотивов общения у Ньюккома и его соавторов: Th. Newcomb, R. Turner, Ph. Converse. *Psychologia społeczna*. Wrocław, 1970, стр. 213.

одному из создателей теории ролей в современной психологии²⁶⁵, для адекватного исполнения социальной роли требуются три условия: а/ знание этой роли; б/ наличие мотивации, адекватной этой роли (социологи, пишущие о ролях, обычно упускают из вида этот момент!) и в/ наличие навыков и умений, обеспечивающих исполнение данной роли. Уж если опираться на эту схему, можно говорить об общении, определяемом знанием роли, но внутренне не мотивированном (в этом смысле в американской социальной психологии иногда говорят о "стилизованности" роли)- человек общается так, как от него ожидают, но не более того; об общении, определяемом единством знания роли и внутренней социальной мотивации; наконец, об общении, пользующемся адекватной данному виду общения "социальной техникой", и общении при помощи неадекватных или не полностью адекватных средств. Далее, общение может осуществляться на уровне позиций и на уровне личностей, находящихся в этих позициях (ср. выше о формальных и неформальных группах и организациях); в этом смысле можно разделить "традиционное" (позиционно обусловленное) и "уникальное" (лично-относительно обусловленное) общение²⁶⁶.

Существует удачная, на наш взгляд, попытка дать более расчлененную классификацию видов общения в этом плане, принадлежащая Б.Х.Бражникову. Он разделяет четыре ситуации общения: совместностную, групповую, смысловую и институционную. "Обращение в трамвае к незнакомому человеку с просьбой "оторвать билетик" осуществляется на базе совместностной ситуации, разговор инженеров на производственные темы - на базе групповой, беседа влюбленных - на базе смысловой и, наконец, ...общение личности с некоторым множеством лиц от имени какой-либо социальной группы, класса, учреждения - на базе институционной"²⁶⁷. См. у Д.П.Кашмёна разграничение социетальной (инсти-

²⁶⁵ Th. Sarbin. Role Theory. "Handbook of Social Psychology", vol. I. Reading (Mass.), 1954.

²⁶⁶ См. G.A. Borden, R.B. Gregg, Th.G. Grove. Speech behavior and human interaction. Englewood Cliffs, 1969, стр. 108. Ср. в этой связи анализ различий "идентификации" и "сопереживания", проведенный В.С.Собкин в дипломной работе, выполненной под нашим руководством на факультете психологии МГУ в 1971-1972гг.

²⁶⁷ Б.Х.Бражников. Психолингвистические проблемы речевого общения/лично-относительно и социально ориентированное речевое общение/. Канд.дисс. М., 1973, стр. II. - Интересно, что еще Г.Тард (Общественное мнение и толпа. М., 1902, стр. 78) различал "разговор обязательный" и "разговор произвольный".

туционной), организационной (ролевой), групповой и межличностной форм коммуникации²⁶⁸.

Естественно, что люди не могут полностью детерминировать свое общение только позиционно; однако фиксированные позиции облегчают коммуникации в определенных случаях (например, в диадическом, т.е. парном общении) и образуют тот психологический "фон", о котором мы неоднократно говорили выше как о необходимом условии для общения²⁶⁹. Ниже мы будем говорить, вслед за Яноушском, об "обмене ролями" как необходимом компоненте межличностной (лично ориентированной) коммуникации; "позиционное общение" как раз и обеспечивает такой обмен, ибо содержание роли общедно известно. Доктор знает, с чем может прийти к нему пациент; пациент знает, чего ожидать от доктора. Но встретившись в гостях, два ранее незнакомых или малознакомых человека вынуждены "прощупывать" друг друга, стараясь составить представление о собеседнике и найти с ним общий язык и общее направление беседы. (Такого рода общения можно и следует активно учить. Впрочем, есть тип личности, которому недоступен этот род общения, выражающееся в таком случае в мучительный труд - это тот тип, которому чужды аффилиативные потребности).

Существует большое число частных экспериментальных исследований, в которых прослежено влияние тех или иных индивидуальных (особенно связанных с типом высшей нервной деятельности) и - более широко - вообще личностных факторов в эффективности общения²⁷⁰. Однако проблема личности как целостного образования и роли ее направленности в общении еще не получила адекватного раскрытия в психологиче-

268

D.P. Cushman, The Development of Interpersonal Communication Theory (Mimeo), 1972, стр. 3-4.

269 Причем такое облегчение существенно по крайней мере в 3-х аспектах. Во-первых, с личностной точки зрения (для определенного типа личности традиционное общение более легко осуществить, а уникальное - крайне сложная задача). Во-вторых, с точки зрения места в общем корпусе общения (даже самый аффилиативный, коммуникабельный человек не может строить все свое общение по уникальному типу). В-третьих, традиционное общение существенно с социологической точки зрения: это формальное общение.

270 В неоднократно цитированном сб-ке тезисов "Общение как предмет теоретических и прикладных исследований" (Л., 1973) этим вопросам посвящены, например, тезисы А.Т. Губко, И.Н. Гурвича, Б.А. Ильин, Ю.Л. Ланина.

ском эксперименте.

Таким образом, предвечная ориентировка предполагает — помимо учета групповой структуры — обязательный учет ролевых ожиданий на разных уровнях детерминации и организации ролевого поведения. Однако эти ролевые ожидания отнюдь не выводимы непосредственно из системы социальных ситуаций или социальных позиций, они восходят к проблемам "сверхситуативной" или, лучше сказать, внеситуативной, целостной личности, т.е. в конечном счете к различной направленности личности, определяющей выборы различных социальных мотивов общения²⁷¹. Кроме того, ролевая обусловленность общения в зависимости от того различна, каковы конкретные психологические механизмы такой обусловленности, ее "психологическая глубина".

В этом отношении особый интерес представляет теория личностно обусловленных "стилей взаимодействия", развиваемая в современной зарубежной психологии общения. Так, К.Эдварс экспериментально выделил три подобных стиля: 1/ кооперативный, характеризуемый "восприимчивостью к потребностям других и их пониманием и решением социальных конфликтов путем "самопожертвования"; 2/ инструментальный, который "отражает" стремление разрешать ситуацию путем ее структуризации" с опорой на социальный престиж, сходство интересов и традиционные формы общения и взаимодействия; 3/ аналитический, когда имеет место "тенденция оперировать с людьми и ситуациями через понимание ситуационных и межличностных факторов и вскрытие детерминант деятельности, иных, чем существующие или принятые"²⁷². Думается, что эта теория могла бы быть предметом специального рассмотрения в советской психологии общения.

²⁷¹ Ведь "реальные социальные функции (роли) личности существуют прежде всего в практических отношениях, в содержании различных видов деятельности, в объективных потребностях ее развития, с одной стороны, и в различных духовных образованиях, более или менее адекватно выражающих практические потребности, — с другой" (Л.П.Будева. Проблема деятельности личности в марксистской и буржуазной социологии. "Исторический материализм как теория социального познания и деятельности". М., 1973, стр.36

²⁷² C. E. Edwards. Interactive styles and social adaptation. "Genetic Psychology Monographs", v. 87, 1973, стр.132-133.

Возвращаясь к анализу различных социологических детерминант общения, в качестве следующей группы таких детерминант можно назвать объем (size) группы. Чем группа больше, тем обычно более формализовано общение. Наиболее неформальное, "интимное" общение характерно для диады - двух лиц. Мы специально остановимся на таком "интимном" общении ниже в связи с социальной "техникой" общения. Многие данные говорят о том, что оптимальным с точки зрения эффективности общения числом членов группы является 4-6 человек²⁷³. Далее идет личностная и социальная гомогенность группы. Интуитивно ясно, что гетерогенные группы дают большую вероятность конфликта и менее легко приходят к согласию. Однако гетерогенность некоторых характеристик (индекс социализации по ММРП) дает обратный результат, повышая эффективность общения²⁷⁴.

Говоря о гетерогенности и гомогенности группы как факторе эффективности коммуникации, представляется важным остановиться на одном экспериментальном исследовании, выполненном в США, и не потому, что в нем были получены какие-то особенно значимые результаты, а потому, что оно очень ясно показывает идеологическую направленность ряда зарубежных работ по общению. Конечно, среди них едва ли можно найти прямое обоснование расизма, колониализма, эксплуатации человека человеком; но есть целые серии исследований, либо прямых направленных на затупевывание классовых противоречий, затупевывание классового сознания рабочих²⁷⁵, либо услужливо подсовывающих экспериментальное "обоснование" для априорных идей, выгодных правящему буржуазному классу. Такой "идеей" является, в частности, утверждение о том, что разница в поколениях больше влияет на понимание людьми друг друга, чем социально-экономические и политические факторы, что молодежь

²⁷³ K. Giffin, Указ. соч, стр. 145.

²⁷⁴ См. L. Lerea, A. Goldberg. The Effect of Socialization upon Group Behavior. "Speech Monographs", v. 28, 1961.

²⁷⁵ См. в этом плане: Э.Д. Вильховченко. Критика современной буржуазной теории "человеческих отношений" в промышленности. М., 1961, особ. стр. 181-186.

якобы представляет собой надклассовое явление и как целое резко противопоставлена в идеологическом и психологическом плане старшему поколению. И вот появляется работа 3-х авторов²⁷⁶, где под это утверждение подводится "научная" база: получается, что социально-экономические факторы незначимы, а принадлежность к молодому (студенты) или старшему поколению — значима для эффективности общения. При этом методика эксперимента описана нарочито туманно, так что остается совершенно неясным, как этот результат получен, а самое главное в работе — утверждение о "незначимости" социально-экономических различий — высказывается походя с опять-таки туманной ссылкой на прошлые (в тексте не названные) исследования авторов²⁷⁷.

Разумеется, основная масса зарубежных исследований общения носит серьезный научный характер и вполне можно ее рассматривать как достоверный источник информации. Но среди них встречаются и работы, подобные описанной, и это заставляет нас с удвоенным вниманием относиться к идеологической направленности экспериментальных исследований общения и взаимодействия, выполненных за рубежом, особенно в США.

Следующая группа детерминант, связанная с предыдущей — это знание членов группы и их личностном сходстве. В этом плане особенно интересны работы Т.Ньюкома²⁷⁸, показавшего, что такое знание очень облегчает интеракцию и коммуникацию внутри группы. Для нас эта группа детерминант существенна потому, что она более непосредственно используется в процессах предречевой ориентации.

Еще более существенны для нас детерминанты, связанные с установкой на дальнейшую коммуникацию. Роль ожидаемой коммуникации в успешности внутригруппового общения

²⁷⁶ R.G.Wood, J.S.Yamauchi, Y.J.Bradac. The communication of meaning across generations. "Journal of Communication", v. 21, 1971.

²⁷⁷ Указ. соч., стр. 167

²⁷⁸ Th.Newcomb. The Acquaintance Process. N.Y., 1961; Он же. Stabilities Underlying Changes in Interpersonal Attraction. "Journal of Abnorm. and Soc. Psychology", v. 66, 1963.

неоднократно исследовалась²⁷⁹. Эксперимент близкого характера, направленный на исследование психологических различий личностно-ориентированного и социально-ориентированного общения, был осуществлен в 1972 году под нашим руководством аспирантом Б.Х.Бгажноковым и студентами факультета психологии МГУ М.Мидвани и Т.Висягиной²⁸⁰.

Наконец, важную, если не решающую роль, играет в общении характер цели, стоящей перед группой. Мы уже упоминали о нем как о важном параметре общения в связи с работой Хейзе и Миллера. Вслед за Д.Барнлундом, можно выделить следующие типы групп по характеру цели: 1/ "случайные" группы (типа гостей, встретившихся впервые в том или ином доме); 2/ "приспособительные" группы (типа студентов, общающихся перед дверью аудитории, где идет экзамен); 3/ "учебные" группы (типа школьников в классе); 4/ группы "принятия решений"/наблюдательный совет фирмы); 5/ группы "действия"²⁸¹. Ср. классификацию видов "толпы" у Г.Тарда: толпа ожидающая, внимающая, манифестантская и действующая²⁸².

Попытку обзора различных детерминант общения, дополняющую обзор, данный нами выше и опирающийся на данные Дж. Маклеода, осуществил Л.Фестингер. По его мнению, существуют три фактора, определяющих, когда группа будет общаться на данную тему: 1/ когда очень велико осознаваемое различие в мнениях членов группы о данном вопросе; 2/ когда вопрос очень важен для функционирования группы; 3/ когда очень высоко стремление поддерживать целостность группы. Три других фактора детерминируют, кто будет адресатом коммуникации: 1/ величина различий между позициями; 2/ насколько важно добиться успеха коммуникации; 3/ мера, в какой адресат коммуникации

²⁷⁹ См. J. McLeod. Указ. соч., стр. 218

²⁸⁰ Подробно этот эксперимент изложен выше, в предыдущей главе.

²⁸¹ D. Barnlund, Our Concept of Discussion: Static or Dynamic. "The Speech Teacher", v. 3, 1954, N 1.

²⁸² Г.Тард. Общественное мнение и толпа. М., 1902, стр. 34.

желателен как член группы²⁸³. Другую классификацию дает Ким Джиффин в работе, цитированной нами выше; он отдельно рассматривает факторы, влияющие на коммуникацию в малых группах (статус членов; групповые нормы, структура лидерства; согласованность; ролевые функции; черты личности членов; цели группы) и факторы, на которые влияет коммуникация (изменение статуса; групповые нормы; структура лидерства; согласованность; ролевые функции, групповые цели)²⁸⁴.

Наконец, очень интересная сводная схема, отражающая взаимосвязь групповых социологических характеристик и процессов общения, приводится в монографии В.Лерга "Разговор. Теория и практика непосредственного общения"²⁸⁵, представляющей вообще значительный научный интерес. Уже краткое "резюме" книги, напечатанное на четвертой странице обложки, не может не привлечь внимания: "Общение - это разговоры, которые общество ведет само с собой". Однако самое существенное в книге Лерга - это детальный социально-психологический анализ возникновения слухов и факторов их распространения. Не только теоретическую, но и практическую важность этого анализа трудно переоценить.

²⁸³ L. Festinger. Informal Social Communication. "Psychological Review", v. 57, 1950.

²⁸⁴ K. Giffin. Указ. соч.

²⁸⁵ W. B. Lerg. Das Gespräch. Theorie und Praxis der unvermittelten Kommunikation. Düsseldorf, 1970, с p.231-234.

§ 4. Ориентировка в собеседнике

До сих пор мы в основном говорили о так называемой "групповой" коммуникации, т.е. о таком виде межличностного общения, который, с одной стороны, тесно переплетен с взаимодействием/интеракцией/, а с другой — в наибольшей степени подчиняет ориентировку в личности непосредственного собеседника характеристикам группы. Можно, однако, выделить и собственно межличностное общение, в наиболее характерной форме выступающее в диаде — при общении двух людей.

Наиболее общей характеристикой такого общения является необходимость ориентировки в собеседнике. Она прямо вытекает из концепции перемены ролей (обмена ролями) при межличностном общении, наиболее четко выраженной уже в цитировавшейся ранее книге Я.Яноушка "Социальная коммуникация". Она сводится к следующему: инициатор общения строит свое общение в расчете на определенную реакцию со стороны партнера. Чтобы предвидеть эту реакцию, он должен, помимо антиципации содержания своего сообщения, антиципировать: а) отношение (установку) собеседника в отношении этого сообщения; б) отношение (установку) в отношении себя; в) психологический эффект, который сообщение может оказать на собеседника²⁸⁶. Для этого он должен при формировании своего сообщения построить модель некоторых личностных черт собеседника, представить себе его личность в той мере, в какой это существенно для правильного предвидения эффективности общения. Наблюдая ре-

²⁸⁶ J. Janoušek, *Sociální komunikace*. Praha, 1968, стр. 99. Ср. M. Argyle, *Social Interaction*. N.Y., 1969, стр. 143-145, 189 и др.; D. Berlo, *The Process of Communication*. N.Y., 1960, стр. 127. Иная /проективная/ точка зрения представлена в работах: S. Ash, *Social Psychology*. N.Y., 1951; C. Rogers, *Client-Centered Therapy*. Boston, 1951.

акции собеседника, коммуникатор вносит коррекцию в свое речевое поведение: таким образом, "перемена ролей" — это не только принятие роли другого, но и изменение преддущей роли и обращение роли другого на себя самого²⁸⁷.

Соглашаясь, в принципе, с мыслью Я.Яноушка, необходимо сразу же подчеркнуть, что в описываемом случае едва ли правомерно говорить об обмене ролями или перемене ролей. Это допустимо лишь при двух условиях: 1) при крайне расширительном понимании самой роли; 2) для определенного типа общения. Нам представляется более правильным говорить о моделировании коммуникативно значимых особенностей личности собеседника. Эти особенности не обязательно будут исчерпываться границами роли, как бы широко мы ни понимали это понятие. Нам всегда необходимо очень многое знать о собеседнике, что хорошо описывается в терминах теории ролей; но, если наше общение не является "традиционным" (см. выше), нам нужно еще и понимать собеседника. Нам мало идентифицировать себя с собеседником по каким-то характеристикам; нам требуется также и сопереживать ему²⁸⁸. Здесь мы приходим к хорошо известному в психологии понятию эмпатии.

Еще одно положение, которое необходимо активно подчеркнуть, — это принципиальное различие между принятием роли в смысле "классической" теории ролей (например, по Сарбину) и принятием "роли" собеседника в общении. Как уже говорилось ранее, мы должны знать ролевые ожидания, иметь адекватную им мотивацию и уметь "играть" данную роль. Все эти три момента необходимы для принятия социальной роли, и если общение (и любое социальное поведение вообще) осуществляется вне адекватной мотивации и адекватной техники, это не нормальное общение, а в сущности имитация общения.

²⁸⁷ Я.Яноушек. Указ. соч., стр. 83.

²⁸⁸ См. указанную выше дипломную работу В.С.Собкина.

Между тем при "обмене ролями" в общении мы в принципе осуществляем только частичный выбор характеристик роли в зависимости от характера общения. При формализованном, "традиционном" общении, общении на уровне значений (или, точнее, смыслов, кодифицированных в значениях, нормах и т.п.) — мы моделируем ролевые ожидания собеседника; в этом случае ориентация на действительные внутренние мотивы его поведения и его общения приводит к неадекватности общения. Школьник, который вместо того, чтобы отвечать урок, будет пытаться вступить в контакт с учителем как с личностью (ситуация, хорошо известная любому учителю и означающая, что ученик не знает урока!), осуществляет общение, заведомо неадекватное роли. Напротив, при неформальном, "уникальном" общении, общении на уровне некодифицированных личностных смыслов, мы моделируем прежде всего мотивы собеседника, как ведущие, так и подчиненные, и через них — его личность; так же точно, как и в первом случае для нас мотивация важна постольку, поскольку она отвечает ролевым ожиданиям и укладывается в них, здесь ролевые ожидания собеседника мы учитываем постольку, поскольку они отвечают нашей модели его личности. Действительно, — если взять в качестве примера общение двух любящих друг друга людей, — это общение не может диктоваться представлением человека о том, что он должен делать или тем более знанием А о том, что Б имеет определенное представление о том, что должен делать А согласно социальной конвенции. Скорее напротив: интимное смысловое общение — это преодоление ролевых ожиданий на базе все более глубокого проникновения в личностные черты другого. И те черты личности, которые в этом случае моделируются, конечно, никак не исчерпываются ролью, хотя она и интернализированной. Здесь может быть, вслед за Б.Х. Бражниковым²⁸⁹ имеет смысл последовательно противопоставлять социальную роль и роль психологическую.

²⁸⁹ Б.Х. Бражников. Психолингвистические проблемы речевого общения (личностно и социально ориентированное общение). Канд. дисс. М., 1973, стр. 61. /"Психологическая роль — это процесс, управляющий реальным поведением, использующий, помимо всего прочего, социальные роли в качестве внутренних средств"/.

Из сказанного выше ясно, что ориентировка в личности собеседника является совершенно необходимым компонентом всякого целенаправленного общения, если оно не носит полностью формализованного характера. Без такой ориентировки мы не в состоянии моделировать его смысловое поле ни как данность, ни как "желаемое=положение=дел" Л.Тайера.

Но столь же очевидно, что далеко не всякий акт общения, даже если это общение однолично, дает нам возможность одинаковой и равно адекватной ориентировки в собеседнике. Такая ориентировка направляется в общем случае четырьмя группами факторов: 1) требуемая "глубина" ориентировки, вообще ее ориентированность на тот или иной характер общения²⁹⁰; 2/ способность коммуникатора к моделированию личностных особенностей любого собеседника, к пониманию его мотивов и целей, к моделированию его личности как целостного образования²⁹¹; 3) "настроенность" коммуникатора на данного собеседника, умение ориентироваться в его личности (за счет общей способности или за счет опыта общения и взаимодействия с данным человеком²⁹²; 4/ владение коммуникатором "техникой" моделирования внутрен-

²⁹⁰ Американский социолог Розенбаум экспериментально показал зависимость ориентировки на собеседника от характера интеракции: см. M.E. Rosenbaum, Social Perception and the Motivational Structure of Interpersonal Relations. "Journal of Abnorm. and Social Psychology", vol. 59, 1959.

Другой психолог, Стейнер, доказал, что восприятие релевантных признаков данной ситуации более значимо, чем общая способность к моделированию (второй фактор в нашем перечне). I.D. Steiner, Interpersonal behavior as influenced by accuracy of social perception. "Psych. Review", v. 62, 1955.

²⁹¹ Ср. данные Ланди о зависимости ситуативного моделирования личности собеседника от направленности личности говорящего - т.е. насколько он вообще склонен к такому моделированию (либо аутичен). R.M. Lundy, Assimilative projection and accuracy of prediction in interpersonal perceptions. "Journal of Abnorm. and Social Psych.", vol. 52, 1956, nr. 1.

²⁹² Или по М.Аргайлу, "дифференцированная точность". См. M. Argyle, Social Interaction. N.Y., 1969, стр. 163-164.

них особенностей личности на основе внешних признаков²⁹³.

Не вдаваясь в отдельные детали, связанные с действием этих факторов, обратим внимание читателя лишь на один кардинальный факт, как правило, не учитываемый социологами, пишущими по вопросам общения. Речь идет о том, что "статического отношения не существует; отношения всегда или растут, или спадают"²⁹⁴. Это в особенной мере касается неформального общения; требуемая и достигаемая глубина ориентировки, настроенность на человека, уровень владения социальной техникой постоянно растут, по крайней мере в течение первых примерно 9 недель общения²⁹⁵, после чего наступает относительная стабилизация. При этом общение оказывается нестабильным на ранних этапах, когда еще не достигнута "синхронизация" собеседников по личностным характеристикам, влияющим на общение, и на развитом этапе, когда "социальная техника" такой синхронизации становится особенно сложной и ее оказывается сложно "согласовывать". "Синхронизация", по Аргайлу²⁹⁶, достигается по следующим основным характеристикам:

1) объем общения /общение не получится, если один будет говорить все время, а другой – только давать односложные ответы/;

²⁹³ Ср. в связи с этой последней группой факторов цикл исследований А.А.Бодалева: Восприятие человека человеком. Л., 1965; Формирование понятия о другом человеке как личности. Л., 1970; Об исследованиях формирования первого впечатления о человеке в зарубежной психологии. "Экспериментальная и прикладная психология", вып. 4, Л., 1971 и др., где приводится литература вопроса. Из литературы, не учтенной А.А.Бодалевым, укажем в частности: N.H. Frijda. Recognition of Emotion. "Advances in Experimental Social Psychology", v. 4. N.Y.-London, 1969.

Уже после указанных работ А.А.Бодалева вышла содержательная монография А.Дитманна: A.T. Dittmann. Interpersonal messages of emotion. N.Y., 1972.

²⁹⁴ G.A. Borden, R.B. Gregg. Th.G. Grove. Speech behavior and human interaction. Englewood Cliffs, 1969, стр. 103-104.

²⁹⁵ M. Argyle. The Psychology of Interpersonal Behavior. London, 1967, с. р. 60-61.

²⁹⁶ Там же, стр. 52-55.

2) темы взаимодействия /крайне трудно общаться человеку с замедленной реакцией и замедленной речью, с одной стороны, и нервному "торопыге" - с другой/;

3/ доминирование;

4/ интимность. Это сложная характеристика, являющаяся функцией физической близости, контакта глаз, "личных" тем разговора и т.п. У собеседников должна быть социальная техника, соответствующая одной и той же степени интимности;

5/ кооперация и соперничество, их правильное сочетание;

6/ эмоциональный тон;

7/ отношение к объекту и к способу действия.

Кондон и Огстон показали, что такая синхронизация осуществляется бессознательно и чрезвычайно тонко, вплоть до согласования микродвижений, доступных анализу лишь при помощи специальной съемки²⁹⁷.

Есть такие специальности, для которых адекватная ориентировка в собеседнике является профессиональной необходимостью. Едва ли не первой здесь должна быть названа профессия педагога, который без проникновения в личность ученика, без умения судить по его внешнему поведению о его состоянии просто не может считаться педагогом. Это относится и к общей способности моделировать личность собеседника, и к "настроенности" на определенного ученика. В высшей степени важны описываемые качества в пропагандисте, вообще партийном работнике. Они являются профессиональным требованием к журналисту; к врачу; к дипломату; к следователю; к любому сотруднику государственного учреждения, по должности занимающемуся приемом посетителей и т.д. Отсюда острая необходимость в том, чтобы "эксплицировать" умения моделировать личность собеседника и вместо того, чтобы предоставлять человеку вырабатывать их у себя совершенно самостоятельно, стараться в максимальной степени "запрограммировать" их в профессиональном обучении.

²⁹⁷ W. Condon, W.D. Ogston, Sound film analysis of normal and pathological behavior patterns. "Journ. new. ment diseases", vol. 143, 1966.

Если считать, что зритель театра, кино, телевидения — это профессия, то для него умение ориентировки в другом человеке также является профессиональной "обязанностью". В противном случае его эстетическая деятельность оказывается неадекватной тому, что было предусмотрено создателем фильма или спектакля; оказывается невозможным "перенесение" себя на героя, его участие в происходящем ограничивается лишь поверхностным пониманием сюжета и ролевого поведения, но не является вчувствованием, не обеспечивает того, ради чего, в сущности, нужно человечеству искусство — понимания личностей и смыслов.²⁹⁸

Далее, существуют такие социальные ситуации, в которых ориентировка в собеседнике, хотя и не связана с профессиональными требованиями, но объективно необходима, и ее несовершенство ведет к конфликту. Это прежде всего все случаи навязанного общения, когда человек по тем или иным причинам не может его избежать: например, сюда относятся взаимоотношения в семье (прежде всего мужа и жены, особенно молодоженов); соседей по комнате; космонавтов во время космического полета и т.д. Далее, это все случаи, когда общение хотя и не является постоянным, но зато очень растянуто во времени и интенсивно по характеру, и нарушив "синхронизацию", мы тем самым ставим под удар целостность группы и эффективность ее деятельности (если таковая имеется). Примером являются взаимоотношения сотрудников одного отдела или лаборатории научного института, школьников одного класса и т.д.

Совершенно специфическую проблему составляет моделирование оратором своей аудитории, и здесь-то с наибольшей характерностью выступает различие личностно-ориентированного и социально-ориентированного общения. Если при личностно

298

См. А.А.Леонтьев. Искусство как форма общения. Существование отметить, что ориентировка в другом человеке является и профессиональной особенностью актера. Проблемы театрального общения сейчас начинают разрабатывать. Сошлемся лишь на одну обобщающую работу, где приводится и библиография: Z. Osinski. Interakcja sceny i widowni w teatrze współczesnym. "Z teorii teatru". Warszawa, 1972.

ориентированном общении мы идем "вглубь", все полнее и точнее моделируя особенности личности одного определенного человека, существенны для адекватного общения с ним, то в социально-ориентированном общении нам важно, чтобы возникла положительная "обратная связь" не от каждого из наших слушателей, а от аудитории в целом. Поэтому в поведении каждого отдельного человека мы учитываем лишь часть тех моментов, которые существенны для нас в межличностном общении, но зато производим бессознательную обработку и синтез всех этих данных. "Передо мною полтораста лиц, не похожих одно на другое, и триста глаз, глядящих мне прямо в лицо. Цель моя - победить эту многоголовую гидру. Если я каждую минуту, пока читаю, имею яснее представление о степени ее внимания и о силе разума, то она в моей власти" (А.П.Чехов. Скупная история)²⁹⁹.

Как бы оборотную сторону ориентировки в беседе составляет то, что в психологии общения называют "самоподачей" - self-presentation. Дело в том, что для успешности общения мало знать что-то о собеседнике: учитывая, что он тоже моделирует говорящего, важно дать ему нужный для этого "материал", т.е., так сказать, подать себя в нужном плане. Не случайно в известной работе Аргайла и Кендона подчеркивается, что "видимо, наиболее существенный мотив самоподачи со стороны А - то, что взаимодействие невозможно для В, если он не знает достаточно много об А, чтобы понимать, как соответствующим образом ответить ему"³⁰⁰. Те же авторы указывают и еще на два мотива самоподачи: самоутверждение (я хочу убедиться, что я на самом деле такой, каким я себя представляю, хотя и не уверен в этом) и профессио-

²⁹⁹ Более подробно о моделировании аудитории публичного общения см.: А.У.Хвран, Лекционная аудитория: социально-психологический аспект. М., "Знание", 1972.

³⁰⁰ M. Argyle and A. Kendon, The Experimental Analysis of Social Performance. "Advances in Experimental Social Psychology. N.Y.-London, 1967 A.; цитируется по переизданию в сб.: "Communication in face to face interaction. Harmondsworth, 1972. См. также M. Argyle. Social Interaction. N.Y., 1969, стр. 382 и след.

нальная необходимость (так, для психиатра или психотерапевта исключительно важно, чтобы в глазах пациента его личность выглядела так, а не иначе). Развивая эту мысль Аргайла и Кендона, можно связать ее с проблемой "персонификации" в восприятии массовой коммуникации: его эффективность, как правило, выше, если МК персонифицирована в личности определенного коммуникатора (журналиста, ведущего рубрику, лица, обладающего высокой социальной позицией и вообще социальным престижем, телевизионного или радиодиктора, комментатора и т.п.); а значит, проблема "самоподачи" вырастет из проблемы психологии межличностного общения в проблему социально-психологическую, если не социальную.

"Самоподача" характерна и для публичного выступления перед аудиторией, в том числе для лектора и для школьного учителя. Это делает ее еще более интересным феноменом³⁰¹.

В заключение настоящего параграфа необходимо затронуть проблему обучения "социальным навыкам" и прежде всего ориентировке в собеседнике. Современная зарубежная психология общения знает три таких метода, получивших практическую проверку. Это, во-первых, простая тренировка в заданной ситуации; так, эффективность профессионального общения продавщиц, исследованная Аргайлом и его сотрудниками, за год их работы выросла в среднем на 60-100% /в разных магазинах/; при этом, правда, отдельные продавщицы вообще не дали никакого улучшения³⁰². Во-вторых, это тренировка (своего рода ролевая игра) с позитивным подкреплением, применявшаяся, в частности, при обучении администраторов (менеджеров)³⁰³. В-третьих, это так называемый метод "Т-групп", когда перед группой ставится задача - "познать самое себя", а преподаватель лишь вносит необходимую коррекцию (дает разъяснения, вводит пози-

³⁰¹ О различных социальных функциях "самоподачи" см.: E. Goffman. The Presentation of Self in Everyday Life. N.Y., 1959.

³⁰² M. Argyle and A. Kendon; указ. соч., стр. 42 и другие работы Аргайла.

³⁰³ См. M. Argyle, T. Smith, M. Kirton. Training Managers (Acton Society Trust, 1962).

тивное подкрепление и т.п.). Этот метод дает рост эффективности на 60-75%³⁰⁴, но имеет ряд недостатков. Из других методов, представляющих для нас интерес, укажем на успешную попытку обучать учителей путем демонстрации специальных фильмов, где снято поведение учеников в классе, и фиксация их внимания на признаках того, понял ученик объяснение учителя или нет³⁰⁵.

Так или иначе, этот вопрос стоит того, чтобы им заняться вплотную и в теоретическом, и тем более в практическом плане.

§ 5. Ориентировка в ситуации и невербальные компоненты общения

Говоря об ориентировке в ситуации, мы, как вскользь уже отмечено выше, имеем в виду по крайней мере три аспекта ориентировки. Это, во-первых, ориентировка в пространственных условиях общения и — более широко — вообще в таких его обстоятельствах, которые поддаются зрительному и кинестетическому восприятию (взаимное положение общающихся в пространстве, включая расстояние между ними; положение тела говорящего; мимика и жестикуляция; направление взгляда и его изменение; наличие или отсутствие физического контакта между общающимися). Это, во-вторых, ориентировка во временных условиях общения — прежде всего, наличие или отсутствие временного дефицита. Это, в-третьих, ориентировки в узко понимаемой социальной ситуации общения, т.е. в актуальных социальных взаимоотношениях между общающимися. Все эти три момента рассматриваются нами вместе в силу того объективного обстоятельства, что ориентировка второго и третьего типов неразрывна с ориентировкой первого типа. Так, наличие вре-

³⁰⁴ D. Bunker. The effect of laboratory education on individual behavior. "Personal and Organization Change Group Methods", ed. by E.H.Schein and W.G.Bennis. N.Y., 1965.

³⁰⁵ J.D.Jecker, H.Maccoby, H.S.Breitrose, E.D.Rose. Teacher accuracy in assessing cognitive visual feedback. "Journ. appl. Psych.", v. 48, 1964.

менного дефицита влечет за собой повышение уровня жестикуляции; с другой стороны, основным каналом информации о социальной ситуации являются визуальные "ключи", такие, как положение тела и т.п.

Далее, нам приходится рассматривать здесь же и некоторые компоненты второй, исполнительной фазы общения, связанные с разного рода невербальными каналами. Это вызвано тем, что до самого последнего времени в исследованиях невербального общения его функции разграничивались очень нечетко или вообще не разграничивались. Лишь совсем недавно в нескольких публикациях была определенно сформулирована идея последовательного разделения невербального общения как "техники межличностного общения" и "как предпосылок межличностного тяготения" (attraction)³⁰⁶. Поэтому прежде, чем обратиться к результатам конкретных исследований, необходимо определить место невербальных средств в процессе общения.

1. Начнем с того, что невербальные компоненты общения являются частью ориентировочной основы общения для коммуникатора /говорящего/. Иными словами, характер общения с самого начала частично задается пространственными и некоторыми иными визуальными "ключами", причем в этом звене совершенно несущественно, какое место невербальные компоненты будут занимать в самом процессе общения.

2. Однако невербальные компоненты общения могут рассматриваться и с точки зрения реципиента как часть ориентировочной основы для его коммуникативной деятельности. Под этим углом зрения невербальные "ключи" могут быть общими для коммуникатора и реципиента, а могут быть значимыми лишь для последнего; это та часть таких "ключей", которая с точки зрения коммуникатора входит в исполнительную фазу его коммуникативной деятельности. Здесь возникает основная для современных исследований невербального общения проблема соотношения невербального поведения и невербального общения как та-

³⁰⁶ L.Scherwitz, R.Helmreich. Interactive effects and verbal content on interpersonal attraction in dyads."Journ. of Personality and Soc. Psych.", v. 24, 1973.

кового, т.е. неинтенциональных и интенциональных компонентов коммуникативной деятельности коммуникатора. Эта проблема в последнее время детально анализировалась в специальной работе Мортон Вигнера и его сотрудников, которые предлагают разделить все "поведенческие процессы" на четыре класса, в зависимости от их места в процессе общения: а) "поисковые процессы"/т.е. собственно ориентировочные/; б) процессы коррекции; оба эти класса определяют выбор кода общения; в) регуляторы, разделяемые на сигналы, исходящие от коммуникатора и "запрашивающие" реципиента о понимании; г) модуляции сообщения, т.е. реакции на изменение различных условий общения, в том числе и на процессы, перечисленные выше³⁰⁷. Уже в этой классификации видно, что проблема невербальных компонентов общения как ориентировочной основы для коммуникатора распадается на две: проблема статических факторов, независимых от динамики процесса общения в группе /диаде/, и проблема динамических факторов, возникающих в самом процессе общения³⁰⁸.

3. Невербальные компоненты общения могут выступать и как часть исполнительной фазы общения, не будучи значимыми для процесса общения в целом и лишь дополняя, уточняя, изменяя понимание сообщения реципиентом.

4. Наконец, они могут быть абсолютно незначимыми для реципиента, являясь своего рода издержками собственно коммуникативного поведения.

В соответствии с этими четырьмя основными психологическими функциями невербальных компонентов общения (выделив первые две в отдельные разделы) мы и будем дальше рассматривать различные их разновидности, попутно затрагивая третью и четвертую функцию, а также некоторые другие, более частные вопросы.

307

M. Wiener, Sh. DeVoe, S. R. Rubinow, J. Geller. Non-verbal behavior and nonverbal communication. "Psychological Review", vol. 79, 1972, N 3, стр. 206.

308

Это разделение не вполне соответствует разграничению статических и динамических компонентов социальной деятельности в цитированной выше работе Аргайла и Кендона.

А. Ориентировка коммуникатора

Под этим углом зрения нам предстоит прежде всего рассмотреть пространственные условия общения, хотя, собственно говоря, они значимы не только для коммуникатора, но и для реципиента. Это замечание относится и к большей части других "ключей", поэтому в данном разделе целесообразно рассматривать не только факторы ориентировки коммуникатора, но и факторы ориентировки, общие коммуникатору и реципиенту.

Можно считать, что пионером исследования пространственных условий общения является американский этнограф Э.Холл, давший соответствующей дисциплине звучное имя "проксемика", закрепившееся в науке, в том числе и в советской³⁰⁹. Из многочисленных фактов, собранных представителями проксемики³¹⁰, мы остановимся здесь на "зонах общения" и контролирующих эти зоны механизмах восприятия.

Проксемика утверждает, что пространство в общении структурируется определенным образом, т.е. существуют оптимальные "зоны" для различных видов общения, меняющиеся от одной культуры к другой. В частности, для американской культуры выделены следующие зоны:

I) Интимная дистанция. Она (как и все другие) имеет две "фазы": "близкую" и "далекую". Близкая фаза - непосредственный контакт; далекая - расстояние от 6 до 18 дюймов, т.е. от 15 до 45 см. Однако "многие из характеристик американской интимной дистанции соответствуют русской социальной дистанции"³¹¹. Это - дистанция наиболее интимного общения, предполагающая использование развитой социальной

³⁰⁹ Сошлемся хотя бы на учебник "Общая психология" под ред. В.В.Богословского, А.Г.Ковалева, А.А.Степанова и С.Н.Щаболина. 2-е изд., М., 1973, стр. 120. Строго говоря, еще до Холла близкой проблематикой занимался Б.Стейнцор.

³¹⁰ E.T.Hall. The Silent Language. Greenwich (Conn.), 1959; E.T.Hall. The Hidden Dimension. N.Y., 1966; O.M.Watson. Proxemic Behavior. A Cross-cultural study. The Hague-Paris, 1970, и ряд статей, библиография которых можно найти в книге Уотсона.

³¹¹ E.Hall. The Hidden Dimension. стр. 119.

техники такого общения (касание, контакт глаз и т.п.).

2) Личная дистанция. Близкая фаза: 45 см - 75 см, далекая фаза: 75 см - 120 см. "То, как близко стоят друг к другу люди, сигнализирует об их отношениях, или, что они чувствуют друг относительно друга, или и о том и о другом. Жена может спокойно стоять внутри близкой личной зоны своего мужа. Для другой женщины находится в ней - совершенно другое дело"³¹².

3) Социальная дистанция. Близкая фаза: 120 см - 210 см. "На этой дистанции делаются дела. Люди, работающие вместе, стремятся использовать близкую социальную дистанцию"³¹³. Далекая фаза - 210 до 360 см. "Это дистанция, на которую становятся люди, когда кто-либо говорит им: "Станьте, чтобы я мог посмотреть на Вас"³¹⁴.

4) Публичная дистанция. Близкая фаза: 3,5 м - 7,5 м. Далекая фаза: более 7,5 м.

Обратная связь, в результате которой в общении устанавливается соответствующая дистанция, определяется рядом факторов. Для интимной и личной зон известную роль играют кинестетические факторы, а также ощущение тепла и запаха. Однако главным каналом обратной связи здесь является зрение. Интимная дистанция - это видение мелких деталей лица. Личная - ясное видение верхней или нижней половины лица, различение отдельных черт облика человека (как глаза, нос, брови), но (по крайней мере в далекой фазе) - не таких как поры кожи, сосуды, склеры. Социальная дистанция - это в близкой фазе видение лица собеседника как целого, в далекой - видение всего тела человека и различение движения губ. Наконец, публичная дистанция - это расстояние, на котором мы легко "скватываем" взглядом несколько человек. К сожалению, мы не знаем точно, что именно в зрительном восприятии до-

³¹² B. Hall. The Hidden Dimension, стр. 120.

³¹³ Там же, стр. 121.

³¹⁴ Там же, ст. 122.

минирует, а что — является вспомогательным, т.е. ориентируется ли человек на детали, которые он различает на поле ясного видения на поле периферического зрения и т.д.

В 1972-73 уч.году под нашим руководством было выполнено специальное исследование проксемических зон в русском языковом коллективе³¹⁵. Оно дало следующие результаты. /Личная дистанция, непринужденный разговор в домашней обстановке/: для сидящих в среднем 120 см. Это расстояние заметно уменьшается в общении между молодыми женщинами (интервал 55-100 см) и растет в общении между молодыми и пожилыми женщинами (125-230 см) и между мужчинами (70-156 см) разветвляется примерно в одинаковых интервалах.

То же /для стоящих/, в среднем те же 120 см. Молодая и пожилая женщины: 120-125 см; молодые женщины: 30 - 100 см; мужчина и женщина: 30-120 см; мужчины - 120-175 см.

Попытка определить социальную дистанцию не привела ни к какому убедительному результату, так как обнаружился огромный разброс (от 30 до 840 см). Было лишь зафиксировано, что раз принятое расстояние между общающимися в дальнейшем не меняется.

Интересно, что для русской социальной дистанции действительно возможны характеристики, указываемые Э.Холлом для американской интимной. Видимо, в русской общности сама система проксемических зон не столь стабильна и больше зависит от различных непространственных факторов.

Впрочем, и в американской психологии общения в последнее время появились данные, показывающие, что наблюдения Холла поверхностны и должны получить коррекцию в зависимости от таких личностных факторов, как возраст, пол и характер отношений. Так, "посторонние" стоят в общем и целом дальше друг от друга, чем знакомые, друзья и родственники; расстояние между мужчинами независимо от характера отношений, а между женщинами и между мужчиной и женщиной —

³¹⁵ Е.А. Мещерякова. Экспериментальное исследование проксемического поведения. Курс. работа. Факультет психологии МГУ, 1973 /рукопись/.

очень зависимо; когда общаются молодые люди друг с другом³¹⁶ (или пожилые друг с другом), они стоят ближе, чем смешанные пары и чем люди средних лет (далее всего стоят сорокалетние!); когда общаются "посторонние", мужчины стоят ближе, чем женщины или мужчина и женщина³¹⁶. Таким образом, наши результаты (статистически, впрочем, не подтвержденные) оказались соответствующими результатам нашего эксперимента.

Для дистанции общения значимы также такие факторы как социальный престиж или социальная доминация собеседника³¹⁷, интровертность — экстравертность³¹⁸, общий объем общения и, что особенно важно, — его содержание³¹⁹. Существенно, что дистанция меняется и от внешних ситуативных факторов, например, от величины помещения³²⁰. На это указывают и результаты нашего исследования. Совершенно своеобразные данные получены в групповом общении, хотя в целом они подтверждают существование каких-то проксемических норм³²¹.

Р.Соммер показал зависимость взаимного положения, занимаемого собеседниками за квадратным или круглым столом, от характера общения. Если оно "соперничающее" (competing) люди садятся напротив, "кооперативное" — на одной стороне стола. Обычная беседа, ориентированная на содержание, в том

316

S.Heshka, Y.Nelson. Interpersonal Spacing Distance as a Function of Age, Sex, and Relationship. "Sociometry", v. 35, 1972, N 4, с p. 494-496.

317

D.F.Lott and R.Sommer. Seating arrangements and status. "Journ. Person.Soc.Psych.", V.7, 1967, N 7; B.Steinzor. "Spatial factor in face to face discussion groups. "Journ.Abnorm.Soc.Psych.", v. 45, 1950.

318

M.Patterson. Spatial factors in social interactions. "Human Relations", v. 21, 1968.

319

R.Sommer. Studies in personal space. "Sociometry", v. 22, 1959.

320

R.Sommer. The distance for comfortable conversation. "Sociometry", v. 25, 1962, N 1.

321

J.P.Batcher, G.R.Goethals. Spatial Arrangements in Freely Formed Groups. "Sociometry", vol. 35, 1972, N 2.

Число - и особенно - случайная, дает позицию "наискосок" - через угол. Беседа, связанная с действием, дает положение на противоположных сторонах, но не напротив, а слегка по диагонали³²².

Физический контакт исследован значительно хуже. Здесь зафиксированы в основном межкультурные различия³²³.

Уменьшение дистанции дает у реципиента эффект доверия, приводит к большей "открытости" в общении и вызывает положительные эмоции. Оно приводит также к увеличению физического контакта (число касаний и т.д.)³²⁴.

Существенным компонентом если не предречевой, то сопровождающей общение ориентировки являются "регуляторы", улавливаемые коммуникатором в поведении реципиента. Это: а) взгляд реципиента /точнее, контакт глаз/; б) мимика подтверждения или несогласия /кивок головой, поднятие брови, улыбка и т.п./; речевые сигналы. В частности, показано, что такого рода подкреплению можно обучать, причем у детей оно играет в общении значительно меньшую роль³²⁵.

Затронув проблему контакта глаз, остановимся на ней несколько подробнее. Систематическое исследование ее начали Р.Экслийн, а также Аргайл и его школа. Было показано, что направление взгляда в процессе общения зависит от его функции в общении, от содержания общения, от индивидуальных различий, от характера взаимоотношений и от предшест-

³²² R. Sommer. Further Studies of Small Group Ecology. "Sociometry", v. 28, 1965.

³²³ L.K. Frank. Tactile communication. "Genetic Psychology Monographs", v. 56, 1957.

³²⁴ S.M. Jourard, R. Friedman. Experimenter-subject "distance" and self-disclosure. "Journ. of Pers. and Soc. Psych.", v. 15, 1970.

³²⁵ H.M. Rosenfeld. The experimental analysis of interpersonal influence processes. "Journal of Communication", v. 22, 1972, N 4, 0006. СТР. 437; Pittmann, A.T. Developmental factors in conversational behavior. "Journal of Communication", v. 22, 1972, N 4.

вовавшего развития этих взаимоотношений³²⁶. В той же работе выделяются следующие функции взгляда: 1) информационный поиск, т.е. "запрос" об обратной связи; 2) оповещение об освоении канала связи; 3) "самоподача"; 4) установление и признание определенного уровня социального взаимодействия; 5) поддержание стабильного уровня психологической близости (уровень "интимности"). Эти функции, как правильно отмечается в содержательном обзоре Я.Вальсинера и Х.Миккина³²⁷, весьма гетерогенны; к тому же дальнейшие исследования привели к их частичному пересмотру и уточнению.

Так, в работе И.Вайна были четко разделены сам факт взгляда для целей привлечения внимания, сигнализации о положительном отношении коммуникатора и т.п. и регулирующие функции взгляда и его отведения в самом процессе общения. Вайн отметил, кроме того, что значимо не направление взгляда (как полагают многие исследователи), а то, глядит один собеседник другому в глаза (контакт глаз) или нет³²⁸. А.Кендон показал связь взгляда с психолингвистической структурой речи: в паузах hesitation и на границе высказываний говорящий обычно отводит глаза, а при резюмировании, напротив, смотрит на собеседника³²⁹.

Дж.Брид и М.Портер, взяв за основу совершенно правильное, с нашей точки зрения, положение, что "частота контакта глаз не может быть приписана отдельно ни аттитюдам в отношении собеседника, ни "глазному поведению" собеседника, но взаимодействию того и другого"³³⁰, пришли к выводу, что все

³²⁶ M.Argyle, J.Dean. Eye contact, distance and affiliation, "Sociometry", v. 28, 1965, с p. 302-303.

³²⁷ Я.Вальсинер, Х.Миккин. Невербальная коммуникация в диадах. "Труды по психологии". Тарту, 1974.

³²⁸ I.Vine. Judgement of Direction of Gaze: an Interpretation of Discrepant Results. "Brit.Journ. of Soc.Clin. Psych.", v. 10, 1971, стр. 330.

³²⁹ A.Kendon. Some functions of gaze-direction in social interaction. "Acta Psychologica", v. 26, 1967, N 1.

³³⁰ G.Breed, M.Porter. Eye Contact, Attitudes and Attitude Changes among Males. "The Journ. of Gen.Psych", v.120 1972, стр. 441.

дело в том, каково было начальное поведение; смотрел ли один собеседник на другого, а потом отвел глаза или наоборот. Этот очень важный вывод находит, кстати, параллель и в исследованиях проксемики. Л.Шервиц и Р.Хелмрайх показали, что направление взгляда и частотность контактов глаз связаны с социальной компетенцией собеседников (осознаваемым статусом)³³¹. Ряд критических замечаний (на базе экспериментов) был сделан по поводу "уровня интимности" Аргайла и его отдельных составляющих, на чем мы не можем здесь останавливаться подробнее. Укажем в заключение на интересную работу М.фон Кранаха и Дж.Элджринга, которые упрекают других исследователей в отсутствии внимания к методическим проблемам изучения контакта глаз³³².

Контакт глаз связан определенной корреляцией с дистанцией общения. По Паттерсону и Секресту, уменьшение дистанции уменьшает контакт глаз³³³.

В недавней работе С.Данкена дается попытка общего обзора и классификации всех факторов, сигнализирующих об обмене ролями в общении, т.е. о переходе "авторства" от одного собеседника к другому. Это: 1) интонация, 2) другие паралингвистические приемы (удлинение конечного слога и т.п.), 3) телодвижения, 4) "социоцентрические" высказывания, 5) синтаксическая законченность речи³³⁴. Кроме того, он выделил приемы подавления попыток реципиента взять инициативу в свои руки и приемы реципиента, слушающие для поддержания существу-

³³¹ Цит. работа.

³³² M.von Cranch, J.H.Ellgring. Problems on the Recognition of Gaze Direction. "Body movement and non-verbal communication". London, 1972, стр. 441.

³³³ M.L.Patterson, L.B.Sechrest. Interpersonal distance and impression formation. "Journal of Personality" vol. 38, 1970. Ср. также G.M.Stephenson and D.R.Rutter. Eye-contact, distance and affiliation: a reevaluation. "Brit.Journ. of Psych.", v. 61, 1970, N 3.

³³⁴ S.Duncan. Jr. Some signals and rules for taking speaking turns in conversations. "Journ. Pers. Soc.Psych.", v. 23, 1972, N 2, стр. 286-287.

ищего положения. Летом 1973 года Н.Маркел опубликовал сводную работу по этому вопросу, представляющую большой интерес³³⁵.

Подводя итоги этой части параграфа, можно, видимо, вслед за некоторыми авторами, подчеркнуть значимость не столько статических параметров ориентировки, сколько их изменения. Часто ли смотрит собеседник в глаза другому – менее важно, чем то, что он перестает это делать или, наоборот, начинает. На каком расстоянии лица беседуют – менее существенно по сравнению с тем, что они по ходу беседы сближаются или отдаляются.

Б. Ориентировка реципиента

Специфическим каналом, служащим для ориентировки реципиента, служит положение тела коммуникатора. Оно имеет три основных координаты: 1) включенность – невключенность: она определяет "личное пространство" коммуникатора, пространственные границы сферы его общения; 2) ориентация "визави" или параллельно – обозначает тип социальной активности; 3) согласование или несогласование – сигнализирует о взаимоотношении членов группы³³⁶. А.Метрабян в ряде работ показал, что положение тела определяется отношением к собеседнику, социальным статусом коммуникатора относительно реципиента, полом собеседников³³⁷. Некоторые авторы специально выделяют, наряду с положением тела, фактор "ориентации" тела, понимая

³³⁵ N.Markel. Coverbal Behavior associated with conversation turns. A paper to be presented to the International Congress of Anthropological and Ethnological sciences. Chicago, 1973 (Mimeo)

³³⁶ A.Schefflen. Body language and social order. Englewood, Cliffs, 1972, стр. 238. Эта книга Шефлена содержит уникальное собрание фотографий, иллюстрирующих фазные виды и социальные функции положения тела в процессе общения.

³³⁷ Обзор этих работ см.: A.Mehrabian. Nonverbal communication. "Nebraska symposium on motivation 1971", Lincoln (Nebr.), 1972, стр. 110-114.

под ней "угол, под которым люди сидят или стоят относительно друг друга"³³⁸.

В более ранних работах Р.Бердуистла и его учеников положение тела включалось вместе с другими аспектами в общую систему "кинезических" факторов. Этот автор разработал сложную систему единиц "кинезического языка", способов их объединения и их функций. Недавно эти работы были переизданы в виде книги³³⁹. Однако ее появление вызвало ряд резких критических откликов. М.Винер и др. в цитированной выше статье утверждают, что Бердуистл не различает значимое и незначимое в мимике и жестикуляции и рассматривает как "знаки", т.е. единицы поведения, характеризующие устойчивым значением, те компоненты мимико-жестикуляционного поведения, которые таковыми не являются или не обязательно являются. В этой связи Винер и соавторы выдвигают четыре критерия для коммуникативных единиц ("компонентов коммуникативного кода"): 1) общность для группы; 2) встречаемость в различных контекстах /ситуациях/; 3) преимущественная встречаемость в вербальных контекстах; 4) кратковременность, временная завершенность³⁴⁰. Во многом с Винером согласен А.Дитман, опубликовавший большую рецензию на ту же книгу. Констатируя, что "кинезика полагает, будто телодвижение и выражение лица образуют систему типа системы языка", Дитман указывает, что на самом деле они различны: мы (как реципиенты) не только обращаем внимание на отдельные компоненты мимико-жестикуляционной системы, но, напротив, специально приучаемся этого не делать³⁴¹. Дело в том, что мимико-жестикуляционное пове-

³³⁸ M. Argyle. Non-verbal communication in human social interaction. "Non-verbal communication", ed. by R.A.Hinde. Cambridge, 1972, стр. 247.

³³⁹ R. Birdwhistell. Kinesics and context. Philadelphia, 1970.

³⁴⁰ Указ. соч., стр. 209

³⁴¹

A.T. Dittman. Review of R. Birdwhistell. Kinesics and context. "Psychiatry", vol. 34, 1971, N 3, стр. 335.

дение, по Дитману, принципиально не дискретно и принципиально не системно в смысле, аналогичном системности языка³⁴².

Мимика и жестикуляция неоднократно служили предметом специального исследования и для советских ученых. Из наиболее свежих публикаций следует указать на работы Г.В. Колманского и Т.М. Николаевой, где можно найти дальнейшую литературу³⁴³. В психологическом (точнее, психолингвистическом) плане представляет интерес публикация Е.А. Маслыко, где (насколько нам известно, впервые в научной литературе) мимико-жестикуляционные явления соотносятся с различными уровнями психолингвистического обуславливания речевой деятельности³⁴⁴.

Третьим важным компонентом ориентировки для реципиента, также служившим предметом исследований для советских ученых (А.А. Бодалев и его школа), является выражение лица коммуникатора. В литературе вопроса можно выделить 2 направления исследований выражения лица: 1) когда оно рассматривается как внешнее выражение эмоций, причем сами эмоции задаются, так сказать, списком; 2) когда вводится специальная система координат, по которым выражение лица и оценивается. Виднейшим представителем первого направления за рубежом является П. Экман (в том же примерно направлении работает и группа А.А. Бодалева), итоги исследований которого подведены в ряде недавних публикаций и особенно в книге, изданной в соавторстве с У. Фризеном и Ф. Элсвортом³⁴⁵. Экман, используя главным образом методику опоз-

³⁴² Там же, стр. 339-341.

³⁴³ Г.В. Колманский. Функции паралингвистических средств в языковой коммуникации. - "Вопросы языкознания", 1973, № 1; Т.М. Николаева. Жест и мимика в лекции. М., 1972.

³⁴⁴ Е.А. Маслыко. К психолингвистической природе паралингвистических явлений. "Материалы III Всесоюзного симпозиума по психолингвистике". М., 1970. Следует указать также на обзор И. Кривоглавы, опубликованный недавно на чешском языке, (J. Krivohlavý. Neverbální projevy v sociální projevu v sociální interakci. "Československá psychologie", t. XVII, 1973, N 4).

³⁴⁵ P. Ekman, W.V. Friesen, Ph. Ellsworth. Emotion in the human face. N.Y., 1972.

нения эмоций по фотографиям, приходит к выводу, что у представителей "литературных" культур (Европа, Дальний Восток) действует своего рода культурные стереотипы эмоциональных выражений, в то время как у представителей более архаичных культур (папуасы Новой Гвинеи) сказываются универсальные закономерности опознания эмоциональных состояний. Здесь, на наш взгляд, П.Экман допускает одну серьезную методическую некорректность, ставящую под сомнение полученные им результаты - а именно, форма, в которой предъявлялись фотографии, была различной в описанных типах групп. Если европейцам предлагалось узнать эмоцию, то папуасам задавалась определенная ситуация (типа: "У какого из изображенных здесь мужчин только что умер ребенок?"). К тому же эмоции трактуется Экманом в конечном счете в духе Ч.Дарвина как абстрактные психические состояния человека, а не как выражающие "оценочное личностное отношение к складывающимся или возможным ситуациям, к своей деятельности и своим проявлениям в них"³⁴⁶. На недостаточность "методики фотографий" вообще обратили внимание и сами американские исследователи (в несколько другой связи), констатирующие, что оценка фотографий всегда статична, в то время как ситуация *in vivo* динамична³⁴⁷.

Второе направление представлено, в частности, работами Г.Шлосберга и Р.Эбелсона. Первый предложил теорию "трех координат эмоции" и показал, что опознание эмоций может быть представлено как оперирование с тремя шкалами: приятно-неприятно, внимание-отталкивание и спокойствие-напряжение. В принципе та же система, только с большим числом координат,

³⁴⁶ А.Н.Леонтьев. Потребности, мотивы, эмоции. М., 1971. стр. 37. (Подчеркнуто мной - А.Л.). Ср. Виллонас. Целепобудительная функция эмоций. "Психологические исследования", вып. 4, М., 1973.

³⁴⁷ R.F.Naase. M.J.Markey. A methodological note on the study of personal space. "Journ. of Consult and Clinical Psychology", v. 40, 1973, стр. 122-125.

была предложена Эбелсоном³⁴⁸. Думается, что этот путь более перспективен; на это указывают и некоторые результаты исследования выражения эмоций в речи ("зонная" концепция).

В обзорной работе Д. Брауна и Дж. Паркса, имеющей направленность на аффективную психотерапию, все характеристики поведения коммуникатора, на которые ориентируется реципиент, суммированы в понятиях "негативного" и "позитивного" климата". Негативный климат формируется следующими факторами: малый контакт глаз; небольшая роль телодвижений; редуцированные движения рук; отклонение торса в сторону, противоположную собеседнику; общая ориентация тела в сторону от собеседника; отрицательные движения головой. Позитивный климат включает следующие факторы: высокая степень контакта глаз; улыбки; утвердительные кивки; интенсивное движение рук; наклон тела вперед; "прямая" ориентация тела³⁴⁹.

Подводя общий итог содержанию "невербальной" части данного параграфа, следует указать, что изучение невербальных компонентов общения пока еще недостаточно связано с другими общепсихологическими исследованиями и не нашло, в сущности, своего места не только в общей системе современной психологии, но даже в относительно узких рамках психологии общения.

Говоря выше об "ориентации", мы сознательно не упоминали цикла исследований французского психолога С.Московичи

³⁴⁸ H. Schlosberg. Three dimensions of emotion. "Psychol. Review", v. 61, 1954, с р. 80-88; R. P. Abelson, V. Sarfat. Multidimensional scaling of facial expressions. "Journ. of Exp. Psych", v. 63, 1962, № 6.

³⁴⁹ D. Brown, J. C. Parks. Interpreting nonverbal behavior. A key to more effective counseling: Review of Literature. "Rehabilitation Counseling Bulletin", vol. 15, 1972, № 3. Ср. G. F. Mahl. Gestures and Body Movements in Interviews. "Research in Psychotherapy", vol. 3, 1968.

его школы. Одна из важнейших итоговых публикаций С.Московичи переведена на русский язык, и в целях экономии места мы отошлем читателя к ней³⁵⁰. С.Московичи различает "системы коммуникации" и "каналы коммуникации", что в общих чертах соответствует "стратегическим" и "тактическим" способностям Тагера и первой, и второй паре критериев, описанных нами выше. Различия в системах коммуникации описываются Московичи при помощи понятий "давления" и "дистанции": уровень давления определяется отношением между говорящими, уровень дистанции — отношением каждого из них к содержанию общения. При одном и том же канале коммуникации различие в системах коммуникации, как установил Московичи является преимущественно лексическим (общий объем сообщения и его лексическое разнообразие): при одной и той же системе различие в каналах дает грамматическую вариативность сообщений (процент слов различных частей речи и некоторые другие параметры). В качестве различных каналов брались ситуации "бок о бок", "спина к спине", "лицом к лицу" и общение собеседников, разделенных перегородкой. Отступление от положения "face-to-face" дает увеличение процента существительных и служебных слов, уменьшение процента глаголов, уменьшение общего объема речевой продукции.

В нашей стране этой проблематикой занимался В.С.Агеев, опиравшийся на цикл исследований Московичи. Он использовал только две ситуации ("бок о бок" и "лицом к лицу"). Результаты его эксперимента сводятся к следующему: 1) подтвердились на русском языковом материале французские данные Московичи 2) оказалось, что значима не сама ситуация (позиция), а факт ее изменения (т.е. необходимость новой ориентировки; 3) ситуация "лицом к лицу" дала значительно большее число

³⁵⁰ К.Фоме, С.Московичи К психосоциологии языка. "Психолингвистика за рубежом". М., 1972. См. также. S.Moscovici. Communication Processes and the Properties of Language. "Advances in Experimental Social Psychology", v. 3, N.Y. - London, 1967.

слов, непосредственно связанных с предметом беседы; 4) вдвое увеличилось число употребленных собственных имен; 5) более, чем вдвое, увеличилось число побудительных высказываний типа "А что думаете об этом Вы"; 6) почти вдвое увеличилось количество переформулированных повторений чужого высказывания; 7) вдвое увеличилось число высказываний, выражающих согласие, и резко уменьшилось число выражений противоречия; 8) резко увеличилось количество случаев перебивания собеседника; 9) выросло общее число реплик; 10) участилось употребление местоимений "я" и "мы" (при общем уменьшении процента местоимений и вообще служебных слов); 11) значительно, почти вчетверо, увеличилось число употребленных речевых стереотипов³⁵¹.

В этой работе Агеева нам представляется особо важным вывод о значимости изменения ситуации (ср. об этом выше).

С.Московичи специально исследовал и зависимость речевых характеристик от временного дефицита ("time pressure"). Результаты этого исследования подробно описаны в приведенной выше публикации на английском языке; здесь нам достаточно указать, что этот фактор оказался значимым. Подобные работы есть и в советской психологии: сошлемся, в частности, на публикацию В.В.Андриевской, показавшей, что в условиях временного давления ассоциативный эксперимент дает преимущественно высокочастотные слова³⁵².

Что касается актуальных социальных взаимоотношений собеседников (узко понимаемой социальной ситуации), то в этой

³⁵¹ В.С.Агеев. Ситуативные вариации параметров речи. "Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку". М. 1972.

³⁵² В.В.Андриевская. Влияние временного режима коммуникации на формальные характеристики сообщения. "Социально-психологические и лингвистические характеристики форм общения и развитие контактов между людьми". Л., 1970. Ср. также: Н.В.Ритт. Влияние состояния психического напряжения, вызванного ограничением времени, на качество речи. "Материалы IV Всесоюзного съезда общества психологов". Тбилиси, 1971.

области, помимо охарактеризованных выше, можно указать на два основных направления исследований. Это, во-первых, идущий от Р. Брауна цикл работ по системе обращений ("ты", "вы" и т.д.); они суммированы, в частности, в обзорной статье С. Эрвин-Трипп³⁵³. Во-вторых, это работы, связанные с социальными факторами выбора определенных форм речи, особенно в японском и других языках Восточной и Юго-Восточной Азии³⁵⁴.

§ 6. Некоторые психологические особенности исполнительной фазы деятельности общения

Выше по ходу изложения мы уже неоднократно затрагивали эту фазу общения. Она в целом исследована значительно хуже, чем фаза ориентировки, если не считать, конечно, собственно психолингвистических исследований, имя которым легион. В настоящем параграфе нам предстоит затронуть лишь одну более общую проблему, связанную с исполнительной фазой, а именно — проблему роли стереотипов разного уровня в процессах общения.

К числу стереотипов общения наиболее элементарного типа /нижнего уровня/ относятся вербальные стереотипы, т.е. высказывания (или части высказываний, или последовательности высказываний), воспроизводимые как целое. Они, в свою очередь, могут быть рассматриваемы с узко психолингвистической точки зрения, т.е. в отрыве от ситуации общения, и с точки зрения психологии общения, т.е. в соотнесенности с повторяющимися /полностью или частично/ ситуациями. В последнем случае значительный класс стереотипов этого рода составляют изречения типа пословиц и поговорок³⁵⁵.

³⁵³ S. Ervin-Tripp. Sociolinguistics. "Advances in Experimental Social Psychology", vol. 4. N.Y. - London, 1970.

³⁵⁴ См., напр.: Т. Иритани. Психоллингвистика (психологические основы коммуникации). Токио, 1964, гл. XV. /"Язык и социальная структура"/ (на японском языке). Автор благодарен Е. Сато за детальный реферат этой книги.

³⁵⁵ См. Г. Л. Чермяков. От поговорки до сказки. /Заметки об общей теории клише/. М., 1970. (стр. 19: "Пословицы и поговорки являются знаками ситуаций или определенных отношений между вещами").

Второй уровень стереотипов общения образует этикет, в том числе речевой этикет. В этом случае как воспроизводимое целое выступает не отдельное высказывание (речение), а комплекс вербального и невербального поведения, соотносённый с той или иной определённой ситуацией и нормативный для нее. Этикет, казалось бы, может быть соотносён либо с поведением определённой личности, либо с взаимным общением в диаде или группе. Но, строго говоря, этикета вне этого последнего не бывает: "односторонность" этикетного поведения лишь означает, что этикет в той или иной конкретной ситуации предусматривает "нулевую реакцию" других участников общения.

Мы не случайно говорим здесь об этикете именно как о поведении, а не деятельности. Дело в том, что он является тем компонентом общения, который в наименьшей мере соотносён с социальной природой деятельности общения и как бы образует формальную поведенческую рамку, в которой разворачивается эта деятельность. С другой стороны, этикет если и предусматривает воспроизведение целостного акта общения, то лишь как часть "настоящего" общения, как его компонент или составную часть. Именно в этикете в особенно большой мере сказываются культурно-национальные различия и культурно-национальная специфика вообще; но в настоящей работе мы не имеем возможности останавливаться на этой стороне вопроса ³⁵⁶.

Третий, высший уровень стереотипов общения — это воспроизведение в повторяющейся ситуации акта общения как целого. Здесь возможны два основных случая. Во-первых, воспроизводимый акт общения может быть продиктован обычаем или традицией, т.е. входить в фонд национальной культуры данного этноса или в субкультуру какой-то группы внутри этого этноса. При этом стереотип может быть функционально оправдан

³⁵⁶ См. Ю.В.Бромлей. Этнос и этнография. М., 1973; Е.М.Верещагин, В.Г.Костомаров. Язык и культура. М., 1973, и мн. др.

(скажем, имеет магический смысл), а может быть чисто традиционным. Во-вторых, воспроизводимый акт общения может не осознаваться как элемент культуры или субкультуры, да и вообще не осознаваться как стереотип, психологически, для участников общения, это "настоящее" общение, хотя социально это лишь своего рода имитация общения, игра в общение. Этому, наиболее интересному и малоисследованному, виду стереотипов общения посвящена книга американского психотерапевта Эрика Берна "Игры, в которые играют люди", кстати, в короткий срок ставшая бестселлером и вышедшая за шесть лет семью изданиями³⁵⁷. БERN вводит различие "процедур", понимая под ними стереотипы этикета, рассмотренные нами выше, "ритуалов и церемоний" (культурно связанные стереотипы общения), "паттернов" (социально обусловленный стереотип вербального поведения в определенной ситуации) и "игр", т.е. развернутого общения, имеющего в своей основе стереотипный характер. В ситуации, когда подвыпивший муж возвращается домой полночь и его встречает жена, не только "роли" обоим известны: известны и отдельные "реплики", их последовательность и т.д., хотя, быть может, не всегда их конкретное вербальное наполнение. Не случайно автор этой книги - психиатр; дело в том, что подобные "игры" именно в силу своей навязанности, неспособности служить для полноценного общения нередко приводят к аномалиям в поведении и структуре личности. С другой стороны, они представляют интерес постольку, поскольку вообще "патологии можно определить как некоторую результирующую определенного функционального нарушения и требований к функции со стороны общества"³⁵⁸; в "играх" некоторые из таких социальных функций как раз и реализуются, и

³⁵⁷ E. Berne. Games people play. The psychology of human relationships. Harmondsworth, 1970 (первое изд. - 1964)

³⁵⁸ Б.М. Гриншпун. Патология речи (общие вопросы). "Основы теории речевой деятельности". М., 1973, стр. 321.

часты случаи, когда "игровые" функции остаются сохраненными, а "неигровые" — нарушаются.

Проблема стереотипов общения, таким образом, представляет не только теоретический и социальный, но и прикладной психиатрический интерес. Приходится заметить, что в нашей литературе до сих пор нет ни одной обобщающей работы по патологии общения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

"... Когда к сооружению какой-либо машины приготовленные части лежат особливо и никоторая определенного себе действий другой взаимно не сообщает, тогда все их бытие тщетно и бесполезно. Подобным образом, если бы каждый член человеческого рода не мог изъяснить своих понятий другому, то бы не токмо лишены мы были сего согласного общих дел течения, которое соединением наших мыслей управляется, но и едва бы не хуже ли были мы диких зверей, рассыпанных по лесам и по пустыням"³⁵⁹.

Очевидно, что общение само по себе есть настолько важный компонент социальной жизни общества и системы деятельности каждого члена этого общества, что оно не может не привлечь самого пристального внимания психолога. Другой вопрос, какова та система конкретных понятий и методов психологического исследования, с которой он подойдет к изучению общения, каково его представление о месте психологии общения в системе психологии и в частности — в системе социальной психологии. На этот счет могут быть разные суждения, и автор настоящей книги попытался предложить читателям свое понимание психологии общения, отнюдь не считая, что это понимание, этот подход исключает другие.

Но столь же очевидно, что социальная сущность и социальная значимость общения требуют от любого исследователя четкой философской позиции, ясного осознания невозможности трактовать процессы общения в позитивистском духе, не положив в основу исследования системы идей и категорий исторического материализма как единственной научной философии общества и человека.

³⁵⁹ М.В. Ломоносов. Российская грамматика. Полн. собр. соч., т. УП, М., 1952, стр. 395.

К сожалению, в практике исследований общения нередко случается, когда психолог или социолог добровольно надевает на себя шоры, ограничиваясь частными эмпирическими вопросами и принципиально отказываясь не только от разработки, но и от самой постановки методологических и мировоззренческих проблем общения. Авторы подобных исследований забывают, что отказ от философско-методологической трактовки процессов общения, сознательный эмпиризм в их изучении, обычно связанный с некритическим заимствованием понятий, методов и готовых результатов, полученных зарубежными исследователями общения, тоже есть идеологическая позиция, и довольно определенная. Еще хуже, когда такой подход к общению активно пропагандируется, когда нам предлагают судить "не выше сапога" и такое суждение изображается как единственно научное.

Но в то же время для любого психолога, работающего над изучением общения, является первейшей профессиональной обязанностью свободно ориентироваться во всей проблематике теоретических и экспериментальных исследований общения, выполненных как в нашей стране, так и за ее пределами. Это необходимо для того, чтобы на должном уровне вести борьбу с чуждыми или прямо враждебными нам идеологическими течениями и своевременно замечать и использовать в нашей работе все то ценное, что есть в прогрессивной науке других стран, особенно в работах зарубежных марксистов. В этой связи не может не вызвать беспокойства рост числа публикаций по проблемам общения, авторы которых фактически отгораживаются от всего уже достигнутого наукой об общении, забывая, что буржуазной социальной психологии, несмотря на порочность ее методологических основ, удалось "раскрыть ряд важных механизмов человеческого общения, выделить в нем немало существенных сторон"³⁶⁰. Ен-

³⁶⁰ Л.П.Будева. Проблема деятельности личности в марксистской и буржуазной социологии. "Исторический материализм как теория социального познания и деятельности". М., 1972, стр. 41.

вает, что даже сам факт использования в том или ином исследовании наряду с отечественными и зарубежными публикаций по какому-либо конкретному вопросу (например, по психологии восприятия массовой коммуникации) все еще вызывает кое у кого оборонительную реакцию, что не может считаться нормальным. Чистота марксистско-ленинского мировоззрения, идейная убежденность советского ученого предполагает его профессиональную грамотность, включающую и знание литературы вопроса. Другое дело, что использовать эту литературу надо с осторожностью, ни на минуту не забывая, что "всякое уменьшение социалистической идеологии, всякое отстранение от нее означает тем самым усиление идеологии буржуазной"³⁶¹.

Как нам уже приходилось констатировать в начале этой книги, психология общения в советской науке делает пока первые шаги. Не только психологическая теория, но и практика, в том числе идеологическая практика (пропаганда, агитация и другие аспекты социального управления; обучение и воспитание и т.д.), подсказывает необходимость самой интенсивной разработки этой научной области. Автору хотелось бы надеяться, что его работа окажется полезной не только для тех, кто уже в той или иной мере профессионально занимается вопросами общения, но и для тех, кто пока еще не определил свой путь в психологии. Именно к ним он и обращался в первую очередь, когда писал эту книгу, и, заключая ее, он хотел бы еще раз поблагодарить своих слушателей - студентов - психологов Московского и Тартуского университетов, общение с которыми дало ему так много.

³⁶¹

В.И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 40.

граммировании более или менее непосредственно отражаются и используются результаты познавательной деятельности, то в формально-языковой структуре высказывания ни эти результаты, ни тем более сама когнитивная деятельность уже не отражены непосредственно.

В сущности, когда мы сталкиваемся с застывшими в виде схем, образов, систем правил когнитивными (или коммуникативными) структурами, мы можем считать, что имеем дело с квазиобъектами высших уровней или порядков. Их квазиобъектная природа особенно хорошо видна на примере искусства. Из формально тех же единиц — например, языковых знаков — оно может строить и строит функционально и формально иные структуры, чем обычная деятельность общения: скажем, особенности поэтической речи в том и заключаются, что на общие закономерности организации любой речи наслаиваются иные структуры, отвечающие функциональной специфике поэзии. В этом смысле художественный образ, базирующийся на языковом знаке, есть элементарный, но далеко не единственный квазиобъект деятельности искусства (в сфере литературы).

Искусство вообще представляет собой благодарное поле для исследования различных видов семиотической и психологической организации общения. В нем можно найти очень различные виды соотношения квазиобъектов разных уровней. Кроме описанного случая, в нем могут использоваться специфические квазиобъекты низшего уровня, из которых строятся в свою очередь более сложные, но также специфические квазиобъекты высшего уровня. Типичным примером подобного искусства является кино, и эта его специфика чрезвычайно тонко и глубоко вскрыта в книгах Белы Балаша. Еще один, тоже обычный вариант — когда искусство оперирует только квазиобъектами высшего уровня, не имеющими соответствующих им и образующих их квазиобъектов низшего уровня. Такова музыка (ср. например, работы Игоря Глебова — Б.В. Асафьева) и особенно архитектура.

СОДЕРЖАНИЕ

От автора	3
Глава I. Деятельность общения как объект научного исследования	5
§ 1. Предмет психологии общения	5
§ 2. Общение и деятельность общения	22
§ 3. Знак и деятельность	73
§ 4. Языковой знак как орудие познания и общения	101
Глава II. Психологическая обусловленность процесса речевого общения	127
§ 1. Психологическая структура деятельности общения и место в ней процессов ориентировки	127
§ 2. Функционально-целевые факторы ориентировки в процессах общения	149
§ 3. Групповые и ролевые факторы ориентировки в процессах общения	168
§ 4. Ориентировка в собеседнике	186
§ 5. Ориентировка в ситуации и невербальные компоненты общения	195
§ 6. Некоторые психологические особенности исполнительной фазы деятельности общения	212
Заключение	216

А.А.Леонтьев
ПСИХОЛОГИЯ ОБЩЕНИЯ

На русском языке

Тартуский государственный университет

ЗССР, г. Тарту, ул.Линксоли, 18.

Ответственный редактор М. Котля.

Корректор Н.Чикалова

Сдано в печать 11.9. 1974 г. Бумага печатная № 2.

30х42. I/4. Печ. листов 13,75 (условных 12,78).

Учетно-надат. листов 11,81.Тираж 750 экз.

Зак. № 941. МВ 06525.

Ротапринт ТГУ. ЗССР, г.Тарту, ул.Линксоли,18.

Цена 41 коп.